This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

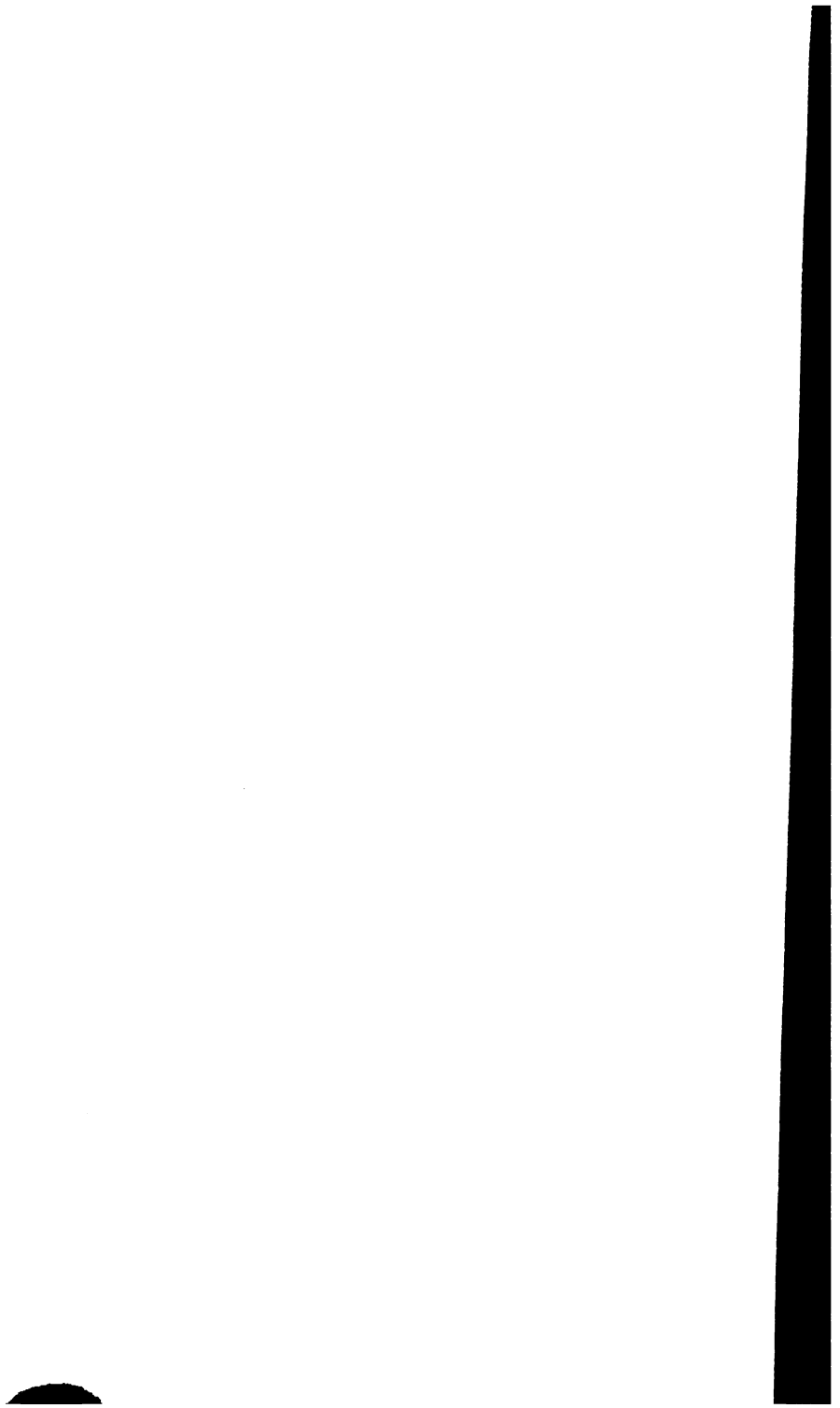
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

STANFORD LIBRARIES



Москва

въ декабрѣ

1905 г.

Изданіе
П. В. Кохманскаго.

Москва.
1906.

Москва в декабре 1905 г.

Москва

въ декабрѣ

1905 г.

Изданіе

П. В. Кохманскаго.

(Мо)

Типографія торговаго дома А. П. Печковскій, П. А. Буланже и К°.
Москва, Пантелеевскій пер., собствен. домъ, № 53.
1906.

DK601
M898

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящіе очерки представляютъ собою опытъ изслѣдованія тѣхъ фактовъ, совокупность которыхъ носитъ названіе „декабрьскаго московскаго возстанія“. Составители приложили всѣ усилія, чтобы получить возможно полныя и достовѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ сторонахъ описываемаго историческаго событія. Въ этихъ цѣляхъ они, использовавъ личныя наблюденія, обратились къ представителямъ организацій, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, а именно къ представителямъ Московской Группы фракціи „меньшинства“ соціалъ-демократической партіи, Московскаго и Окружного Комитетовъ фракціи „большинства“ той же партіи, желѣзнодорожнаго союза, санитарныхъ отрядовъ, боевыхъ дружинъ и союза союзовъ. Матеріалами для предлагаемой работы послужили цѣнныя свѣдѣнія, имѣвшіяся въ распоряженіи первой изъ названныхъ организацій въ видѣ „донесеній“ организаторовъ районовъ, донесеній, дышащихъ жизнью, записанныхъ съ мѣста дѣйствій и въ моментъ ихъ завершенія. *). Кромѣ того дѣятельно участвовавшіе въ событіяхъ члены упомянутыхъ организацій не отказались подѣлиться своими свѣдѣніями и впечатлѣніями при разспросахъ ихъ составителями этихъ очерковъ. Не мало опрошено и лицъ, не принадлежащихъ ни къ какимъ организаціямъ, но все же вовлеченныхъ въ активную роль въ декабрьскіе дни.

Перечисляя источники свѣдѣній, составители, однако, ни на минуту не думаютъ сложить съ себя отвѣтственность за достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ на названныя органи-

---

*) Часть данныхъ объ оборонѣ Прѣсни взята изъ бюллетеня Прѣсне-Хомовническаго района, составленнаго по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Моск.-Ком. с. д. партіи.

заціи, тѣмъ болѣе, что послѣднія, какъ таковыя, не имѣютъ никакого отношенія къ этой работѣ. Точно также составители, больше чѣмъ кто либо, сознаютъ неполноту матеріаловъ, и если рѣшаются опубликовать ихъ, то только потому, что готовы принять отвѣтственность за вѣрность общей картины движенія, а также потому, что надѣются вызвать со стороны участниковъ и очевидцевъ рядъ дополненій и поправокъ. Кто понимаетъ крупное значеніе московскихъ декабрьскихъ дней и кто можетъ помочь ихъ лучшему и болѣе полному освѣщенію, тотъ не сочтетъ безплодной тратой труда подѣлиться своими данными съ составителями. Послѣдніе не откажутся вступить въ переписку съ каждымъ изъ желающихъ, и используютъ всѣ новыя свѣдѣнія во второмъ изданіи, благодаря чему оно будетъ ближе, чѣмъ настоящій первый опытъ, отвѣчать серьезности тѣхъ событій, которымъ посвящено.

Составители.

I.

Постановленія Московскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, желѣзнодорожной Конференціи и партійныхъ организацій.

Нашъ очеркъ московскихъ декабрьскихъ событій мы начнемъ съ постановленій тѣхъ организацій, которыми была рѣшена и проведена всеобщая политическая забастовка. При этомъ мы постараемся не только изложить самыя постановленія, которыя явились отвѣтомъ на вызывающую реакціонную политику правительства, но остановимся и на томъ настроеніи, которое было въ организаціяхъ въ тотъ моментъ, когда принимались такія отвѣтственныя и важныя рѣшенія.

Вопросъ о всеобщей забастовкѣ обсуждался на митингахъ и районныхъ собраніяхъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ еще за нѣсколько дней до постановленія центровъ. Въ виду того, что какъ разъ въ это время происходило броженіе въ нѣкорыхъ полкахъ московскаго гарнизона, а изъ другихъ городовъ сообщалось о томъ, что войска присоединились къ рабочимъ (Харьковъ, Новороссійскъ) въ связи съ вопросомъ о забастовкѣ обсуждался и вопросъ о возможности присоединенія всйскъ.

Такъ, уже на собраніи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Прѣсненскаго и Хамовническаго районовъ, на которомъ присутствовало 43 депутата отъ 11 фабрикъ, 2-го декабря былъ поднятъ этотъ вопросъ. Послѣ того, какъ стало извѣстно о волненіяхъ въ войскахъ и представитель Московской группы фракціи меньшенства с.-д. партіи сообщилъ, что несмотря на старанія соц.-демократической военной организаціи задержать отдѣльныя вспышки до того времени, когда

установится болѣе тѣсная связь между полками, черезъ депутатовъ, и съ пролетаріатомъ, черезъ рабочую партію, все-же возможно неожиданное возстаніе въ войскахъ,—приступили къ горячему обсужденію вопроса о необходимости поддержать выступленіе солдатъ. Депутатъ съ фабрики Жиро сообщилъ о сближеніи рабочихъ съ солдатами Сумского и Перновскаго полковъ, стоящими въ караулѣ у этой фабрики. Онъ разсказывалъ, что солдаты на спальняхъ учили рабочихъ обращенію съ оружіемъ и говорили: „не бойтесь насъ! Какъ возстанете вы и мы возстанемъ и откроемъ вамъ арсеналы". Собраніе постановило предложить Совѣту Раб. Депут. считаться съ возможностью возмущенія въ войскахъ и обсудить вопросъ о томъ, какъ поддержать возставшихъ солдатъ.

Аналогичный вопросъ разбирался на собраніи электро-монтеровъ 4-го декабря, на которомъ присутствовало 280 человѣкъ. Сообщеніе оратора соц.-демократа о волненіяхъ въ Ростовскомъ полку вызвало оживленныя пренія и возгласы; „мы не выдадимъ товарищей—солдатъ, будемъ лить за нихъ свою кровь". Тотъ же ораторъ заявилъ, что Моск. Ком. Р. Соц. Дем. Раб. П. объявитъ всеобщую забастовку, если только правительство рѣшится подавить забастовку солдатъ вооруженной силой, и что желѣзнодорожники постановили не пропускать ни одного воинскаго поѣзда, за исключеніемъ поѣздовъ съ манджурцами, „которые стремятся съ оружіемъ въ рукахъ на помощь пролетаріату". Въ отвѣтъ на рѣчь другого оратора, въ которой послѣдній излагалъ конечную цѣль рабочаго класса и очередную задачу пролетаріата—сверженіе самодержавія, раздались дружные голоса: „Будемъ бороться до конца! пусть мы погибнемъ, но не оставимъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство оковы, пусть имъ не придется называть своихъ отцовъ измѣнниками дѣлу пролетаріата".

Нерѣдки были случаи выступленія на общихъ собраніяхъ солдатъ и офицеровъ. На митингѣ въ „Акваріумѣ" 4-го декабря выступалъ ораторомъ молодой офицеръ и излагалъ положеніе дѣлъ въ нѣкоторыхъ полкахъ . По его словамъ, пока тамъ выставляются требованія экономическаго характера, но есть, и возрастаютъ, требованія политическія. Среди офицеровъ московскаго гарнизона всѣ почти сочув-

ствуютъ освободительному движенію, почему большинство изъ нихъ и было сослано („сослано, а не послано“ — подчеркиваетъ ораторъ) на Дальній Востокъ. Обыкновенно всякое такое выступленіе военныхъ на митингахъ производитъ сенсацію. Настроеніе поднимается, ораторы награждаются бурными апплодисментами.

Для характеристики настроенія и, особенно, отношенія администраціи и войскъ къ гражданамъ, приводимъ здѣсь описаніе одного эпизода на митингѣ почтово-телеграфныхъ служащихъ въ „Акваріумѣ“ 3-го декабря. Явившись сюда въ установленный часъ, они застали входъ запертымъ, и бывшій здѣсь нарядъ полиціи заявилъ, что по распоряженію градоначальника митингъ допущенъ быть не можетъ. Вмѣсто отвѣта на ходатайство делегаціи о разрѣшеніи митинга, градоначальникъ прислалъ отрядъ казаковъ. Собравшіеся уже въ количествѣ около 3 тысячъ смутились было, увидѣвъ подъѣзжавшихъ казаковъ. Но тѣ не стали разгонять собранія, и митингъ состоялся тутъ-же подъ открытымъ небомъ. Спустя часъ, въ теченіи котораго говорило нѣсколько ораторовъ, полиція, видя нежеланіе казаковъ разгонять собравшихся, разрѣшила войти въ одно изъ помѣщеній „Акваріума“. На этомъ собраніи было рѣшено — продолжать борьбу до послѣдней крайности и елико возможно продержаться до всеобщей политической забастовки.

„3-го декабря состоялась конференція представителей желѣзныхъ дорогъ Московскаго узла. Былъ разсмотрѣнъ вопросъ объ экономическихъ требованіяхъ по категоріямъ труда и согласованія этихъ требованій на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ Московскаго узла. По предложенію представителя Московско-Виндавской желѣзной дороги разсматривался вопросъ о поддержкѣ почтово-телеграфной забастовки. Конференція постановила, въ виду надвигающейся всеобщей забастовки, частичныхъ забастовокъ не устраивать („Борьба“ № 9).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что идея всеобщей политической забастовки въ Москвѣ къ этому времени овладѣла умами. Эта увѣренность въ неизбѣжности всеобщей политической забастовки стихійно назрѣвала подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, газетныхъ извѣстій о движеніи въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Петербургѣ, а также подъ впечатлѣні-

емъ все болѣе и болѣе надвигающейся реакціи. До этого момента ни одна изъ революціонныхъ организацій не дѣлала опредѣленныхъ указаній о готовящейся забастовкѣ или о какомъ либо иномъ выступленіи.

Таково было настроеніе массъ въ Москвѣ, когда состоялись первыя принципіальныя рѣшенія организацій.

Въ воскресенье, 4-го декабря, состоялось засѣданіе Московскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

„Товарищемъ, ѣздившимъ въ Петербургъ, былъ сдѣланъ докладъ о настроеніи царившемъ въ Питерѣ послѣ ареста предсѣдателя Сов. Раб. Деп. тов. Хрусталева и о выработкѣ извѣстнаго манифеста. Докладчикъ разсказываетъ, что громадныхъ усилій стоило Пет. Совѣту предотвратить всеобщую стачку въ отвѣтъ на арестъ Хрусталева. Настроеніе Петербургскихъ товарищей даетъ поводъ предполагать, что арестъ Совѣта и закрытіе газетъ, совершившееся въ день отъѣзда докладчика, немедленно вызовутъ всеобщую забастовку, и Московскому Совѣту какъ и всему Московскому пролетаріату нужно быть готовымъ къ активному выступленію.

Далѣе обсуждается вопросъ о присоединеніи Московскаго Совѣта къ Петерб. манифесту *). Всѣ высказывающіеся по этому вопросу ораторы находятъ, что манифестъ полностью характеризуетъ государственное банкротство и что оцѣнка, данная манифесту правительствомъ, доказываетъ, какъ грозенъ онъ для него, а потому предлагаютъ присоединить къ нему и подпись Моск. Совѣта... По вопросу о манифестѣ принята единогласно слѣдующая резолюція:

„Обсудивъ манифестъ Пет. Совѣта Раб. Деп., Всерос. Крестьянск. Союза и Центровъ Революціонныхъ Партій, Моск. Сов. Раб. Депутатовъ постановилъ: 1) присоединить къ нему свою подпись и 2) предпославъ манифесту небольшое воззваніе, отпечатать его въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и распространить среди населенія“.

Товарищъ изъ Московскаго Федеративнаго Совѣта, объединяющаго центры обѣихъ фракцій с. д. партіи, сообщаетъ свѣдѣнія о волненіи въ арміи. Изложивъ событіе въ Ростовскомъ полку, гдѣ солдаты выдали „зачинщиковъ“, товарищъ заявилъ, что настроеніе въ войскахъ однако бодрое и на другихъ полкахъ этотъ фактъ мало отразился.

Затѣмъ горячо обсуждался вопросъ о всеобщей политической забастовкѣ. Почти всѣ ораторы констатировали, что всюду на фабрикахъ и заводахъ готовы немедленно начать забастовку.

Послѣ длинныхъ, страстныхъ дебатовъ по этому вопросу между сторонниками и противниками немедленнаго объявленія забастовки, рѣшено

---

*) Разумѣется извѣстный финансовый манифестъ указанныхъ въ текстѣ организацій, призывавшій къ неплатежу податей, къ выемкѣ вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ и пр.

завтрашній день посвятить на агитацію на фабрикахъ и заводахъ, затѣмъ собраться для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

По поводу подготовляющагося черносотеннаго погрома собраніе рѣшило: на металлическихъ заводахъ посвятить завтрашній день ковкѣ холоднаго оружія и организовать патрули дружинъ по близости мѣста молебствія (6-го декабря).

Въ концѣ засѣданія были приняты слѣдующія резолюціи:

„1) Моск. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, указываетъ тов. рабочимъ на то, что правительство дѣлаетъ новую отчаянную попытку удержать въ своихъ рукахъ власть. Въ Петербургѣ арестовывается Совѣтъ Рабоч. Депутатовъ; газеты закрываются и арестовываются, собранія разгоняются. Тов.-рабочіе должны быть наготовѣ. Совѣтъ Рабоч. Депутатовъ указываетъ делегатамъ-рабочимъ на то, что многіе изъ московскихъ полковъ готовы перейти на сторону возставшаго народа. Привѣтствуя движеніе среди солдатъ, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ призываетъ товарищей—солдатъ прогонять начальниковъ, устроить революціонное самоуправленіе и по данному сигналу перейти на сторону народа. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, С. Р. Деп. постановляетъ, что московскіе рабочіе должны быть готовы въ каждый данный моментъ ко всеобщей политической забастовкѣ и вооруженному возстанію.

2) Принимая во вниманіе сообщенія о подготовляющихся черносотенныхъ погромахъ и манифестаціи, Моск. Совѣтъ Раб. Деп. заявляетъ, что черносотеннымъ выходкамъ правительства и его подлыхъ агентовъ Московскій пролетаріатъ дастъ самый рѣшительный отпоръ“ (Борьба № 8).

Въ тотъ же день, 4-го декабря собралась Общая городская междурайонная конференція Московскойгруппы Р. С.-Д. Р. партіи, на которой присутствовало до 250 человѣкъ.

Рѣшено было предварительно выслушать доклады объ общемъ положеніи дѣлъ товарищей, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, а также доклады о событіяхъ и настроеніи рабочей массы въ Москвѣ. Товарищи изъ Петербурга передали, что положеніе дѣлъ тамъ таково, что рабочіе уже неоднократно рвались на всеобщую забастовку, но только руководителямъ удалось удержать ихъ отъ необдуманнаго, преждевременнаго шага. Послѣ ареста Хрусталева-Носаря реакція подняла голову. Аресты начали учащаться, организаціонныя собранія—разгоняться и т. д. Но послѣ ареста Исполнительнаго Комитета Сов. Раб. Деп., репрессій по отношенію къ желѣзнодорожнымъ организаціямъ и т. п., чаша терпѣнія петербургскаго пролетаріата переполнилась и на-дняхъ мы должны ждать рѣшительныхъ дѣйствій съ его стороны. Событія грозныя надвигаются, и Москвѣ нужно быть наготовѣ.

Затѣмъ одинъ товарищъ сдѣлалъ подробное сообщеніе о Московскомъ гарнизонѣ, что среди солдатъ продолжается сильное броженіе уже 3 недѣли. Первыми выставили свои требованія саперы. Экономическія требованія были удовлетворены, за саперами послѣдовали также и другія части. Ростовскій полкъ особенно выдвинулся. Но 4-го

декабря благодаря провокаціи администраціи и многочисленнымъ арестамъ Ростовскій полкъ сдался, и тамъ вчера былъ устроенъ черносотенный митингъ. Несмотря на это, настроеніе въ мѣстныхъ войскахъ идетъ не на убыль, а наоборотъ. Организаціи слѣдуетъ лишь позаботиться подготовить Московскій пролетаріатъ ко дню выступленія войска. Въ войскѣ образовался Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ и въ Рабочемъ Совѣтѣ имѣются ихъ представители.

Затѣмъ были сдѣланы доклады районовъ, изъ которыхъ можно заключить, что часть Московскихъ фабрикъ и заводовъ готовы уже по своему революціонному настроенію къ выступленію, а въ другой части идетъ броженіе. Для оформленія и укрѣпленія послѣдняго приходится лишь въ послѣдніе дни дни повести усиленную агитацію. Сильные апплодисменты вызвало заявленіе представителя типографскаго союза: онъ сообщилъ, что имъ требуется maximum—часъ для извѣщенія по всѣмъ типографіямъ, чтобы остановилось все типографское дѣло въ Москвѣ.

По сообщеніи докладовъ было принято слѣдующее предложеніе товарища. Въ ближайшіе дни для укрѣпленія организаціи, для подготовки къ общему выступленію по призыву Петербургскаго пролетаріата вести агитацію на ближайшихъ митингахъ вокругъ слѣдующихъ тезисовъ: 1) усиленія вліянія Москов. Совѣта Раб. Депутатовъ; 2) распространенія манифеста революціон. организацій, къ которому присоединилъ свою подпись и мѣстный Сов. Раб. Деп.; 3) революціонизированія войска; 4) обличенія провоцирующей и реакціонной политики правительства. По вопросу о предстоящей 6-го декабря вакханаліи черносотенцевъ было постановлено: на Красную площадь не итти, а имѣть дружины на запасъ въ районахъ („Борьба“ № 8).

Одинъ изъ участниковъ этой конференціи такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ дебатовъ и сообщеній. „Описывая положеніе дѣлъ въ Петербургѣ, пріѣхавшій оттуда товарищъ говорилъ, что не во всѣхъ районахъ настроеніе одинаковое, но высказывалъ увѣренность въ томъ, что извѣстіе объ арестѣ членовъ С. Р. Д. поднимаетъ это настроеніе и охватываетъ болѣе широкіе слои. Изъ рѣчей было ясно, что хотя пролетаріатъ не готовъ къ возстанію, но въ виду того, что правительство, отнимая добытыя у него силой права, бросаетъ вызовъ,—пролетаріату ничего другого не остается, какъ отвѣтить на вызовъ всеобщей забастовкой, которая при настоящихъ условіяхъ, по объективному ходу событій, можетъ и должна перейти въ вооруженное возстаніе“.

5-го декабря въ 7 часовъ вечера состоялось въ Москвѣ конференція большевиковъ с.-д. партіи. Присутствовало около 400 человѣкъ. По разсказу одного изъ присутствовавшихъ, собраніе протекало слѣдующимъ образомъ.

Агитаторы были лишены права рѣшающаго голоса—могли дѣлать заявленія только рабочіе и ихъ представители. Было приступлено къ выясненію того, какъ относится рабочая масса къ политической забастовкѣ. Представители районовъ должны были высказаться по слѣдующимъ двумъ вопросамъ:

1) согласна ли Москва бастовать по призыву Петербурга и 2) согласна ли она бастовать самостоятельно, если понадобится.

Опросъ производился такъ. Вставалъ районный организаторъ и вызывалъ по очереди представителей фабрикъ своего района. Тѣ сообщали о настроеніи массы. За очень рѣдкими исключеніями отвѣты были почти одинаковыми: рабочіе давно готовы и „обижаются“ на своихъ организаторовъ за то, что тѣ до сихъ поръ не призываютъ къ забастовкѣ.

Затѣмъ представитель военной организаціи далъ отчетъ о положеніи дѣлъ въ войсковыхъ частяхъ. По его словамъ имѣются связи почти со всѣми пѣхотными полками и настроеніе полковъ таково, что можно надѣяться, если не на активное ихъ присоединеніе, то во всякомъ случаѣ на сочувственное съ ихъ стороны отношеніе. Среди казаковъ и драгунъ опредѣлялось половинчатое настроеніе, въ особенности въ Сумскомъ полку: докладчикъ подробно говорилъ, что такая-то сотня, эскадронъ, пожалуй, присоединятся, а такія-то—нѣтъ. Докладчикъ при этомъ не затрагивалъ вопроса, к ъ ч е м у присоединятся войска, и вообще не расчленялъ вопросовъ о забастовкѣ и вооруженномъ возстаніи.

На собраніи говорили, что желѣзно-дорожники на-дняхъ должны будутъ объявить всеобщую забастовку, что они въ сущности уже рѣшили въ положительномъ смыслѣ и не оглашаютъ своего постановленія пока по консирватнвнымъ причинамъ.

Одна партійная работница говорила: „Товарищи, одумайтесь! Что вы дѣлаете? У насъ нѣтъ оружія, войска не перейдутъ на нашу сторону“. Ее поддержалъ одинъ желѣзнодорожный рабочій. Предсѣдатель, хотя и замѣтилъ ей: „Товарищъ перегибаетъ палку въ другую сторону“, но передъ голосованіемъ счелъ нужнымъ напомнить собранію, что настроеніе войскъ—величина неопредѣленная, что солдаты

могутъ сочувствовать, но не выйдутъ на поддержку рабочихъ и что, объявляя забастовку, не слѣдуетъ ее ставить въ зависимость отъ настроенія войскъ.

Почти единогласно было постановлено начать всеобщую политическую забастовку, и большинствомъ голосовъ рѣшено было начать ее 7-го декабря, чтобы успѣть распредѣлить по районамъ наличныя силы организаторовъ и ораторовъ, а также, чтобы успѣть заготовить холодное оружіе на случай нападенія черной сотни.

Между прочимъ, тутъ же въ собраніи дѣлились свѣдѣніями, у кого какое оружіе имѣется въ районахъ.

Конференція разошлась около часу ночи.

Почти одновременно съ большевиками (съ 6 до 11 ч. вечера) засѣдала конференція 29 желѣзныхъ дорогъ, которая была созвана собственно не для рѣшенія вопроса о политической забастовкѣ, а для объединенія и согласованія выработанныхъ въ ноябрѣ профессіональныхъ требованій (экономическихъ и правовыхъ). Вопросъ о забастовкѣ былъ внесенъ группой членовъ Исполнительной Коммиссіи Московск. Комитета Р. С. Д. Р. П., которые рѣшили доложить сообщенія, полученныя отъ пріѣхавшихъ петербургскихъ товарищей—одновременно очередной конференціи большевиковъ и ж. д. конференціи. На этомъ совѣщаніи вопросъ о политической забастовкѣ не разсматривался отдѣльно отъ вопроса о вооруженномъ возстаніи.

Представитель с.-д. партіи доложилъ собранію, что имѣются связи съ Ростовскимъ, Несвижскимъ и другими полками. Закончилъ онъ свое сообщеніе выраженіемъ убѣжденія, что политическая забастовка должна быть и вооруженнымъ возстаніемъ. Одинъ ораторъ характеризовалъ положеніе такимъ образомъ, что „нельзя удержать народъ“—неорганизованная масса давитъ снизу на Совѣтъ Раб. Деп. и вынуждаетъ его предпринять рѣшительныя дѣйствія.

Единственный ораторъ—представитель ж.-д. союза, рабочій—высказался за то, чтобы объявить не политическую, а экономическую стачку. „Рвется къ бою неорганизованная масса, сказалъ онъ, а организованная понимаетъ, что это безполезно: для этого силъ нѣтъ“. Его поддержали всего 2—3 голоса въ собраніи, и его предложеніе провалилось.

Смыслъ большинства рѣчей на этомъ совѣщаніи былъ

тотъ, что правительство все равно разгромитъ организацію ж.-д. Союза, и выжидательной политикой ничего не спасешь—такъ ужъ лучше рѣшиться на бой.

„Я попалъ на желѣзнодорожную конференцію въ 9-мъ часу вечера", разсказываетъ представитель Курской и Нижегородской желѣзныхъ дорогъ. „Списокъ ораторовъ былъ уже закрытъ, нѣсколько ораторовъ говорили о политической забастовкѣ. Впечатлѣніе отъ рѣчей было такое, что забастовка сейчасъ была бы несвоевременна—желѣзнодорожники къ ней не подготовлены. Затѣмъ для всѣхъ было ясно—и это опредѣленно высказывали въ рѣчахъ—что въ настоящій политическій моментъ забастовка обязательно перейдетъ въ вооруженное возстаніе, это неотвратимо; правительство знаетъ это и конечно постарается провоцировать возстаніе. Подчеркивалась неподготовленность къ вооруженному возстанію (одинъ ораторъ даже выразился такъ: „наше оружіе, товарищи,—регуляторъ и тормазъ Вестингауза"). Однако, въ виду заявленія присутствовавшихъ представителей с.-д. партіи, что политическая забастовка фабрично-заводскихъ рабочихъ все равно произойдетъ, и безъ желѣзнодорожной забастовки, рѣшено было, что желѣзныя дороги должны поддержать всеобщую забастовку.

Одушевленія не было среди членовъ конференціи. Настроеніе у всѣхъ было угрюмое, мрачное: всѣ сознавали, что они подчиняются горькой необходимости и идутъ на неизбѣжную гибель.

Совѣщаніе постановило: 1) начать всеобщую политическую забастовку; 2) предоставить Совѣту Рабочихъ Депутатовъ, по соглашенію съ партіями, назначить съ какого дня и часа начать забастовку.

Представители с.-д. отсюда отправились на конференцію большевиковъ и тамъ сообщили, что желѣзнодорожная конференція рѣшила объявить забастовку".

6-го декабря днемъ происходила очередная конференція большевиковъ Окружнаго района, на которой случайно присутствовалъ членъ Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. и сообщилъ о постановленіи Комитета о призывѣ къ всеобщей забастовкѣ и возстанію въ такой формѣ, что забастовка можетъ перейти въ вооруженное возстаніе.

Одинъ изъ товарищей возражалъ, что призывать къ возстанію сейчасъ нельзя, такъ какъ удобный моментъ упущенъ: въ Ростовскомъ полку сильно измѣнилось настроеніе и нельзя ожидать, чтобы онъ перешелъ на сторону возставшихъ. Критикуя этотъ шагъ, товарищъ заявилъ, что нельзя принимать такую формулу („можетъ перейти въ вооруженное возстаніе"), что мы ясно должны знать, куда мы ведемъ за собой массы.

Нѣкоторые ораторы, признавая, что политическое выступленіе можетъ быть въ настоящее время только вооруженнымъ возстаніемъ, указывали на то, что настоящій моментъ является неподходящимъ для возстанія.

Послѣ преній были приняты двѣ резолюціи приблизительно слѣдующаго содержанія: 1) Признавая, что въ цѣломъ рядѣ выступленій пролетаріатъ обнаружилъ высокую готовность къ борьбѣ, сознательность и пониманіе лозунговъ соціалдемократіи,—конференція считаетъ нецѣлесообразными новыя демонстраціи и потому разсматриваетъ предстоящее выступленіе, какъ попытку дать послѣдній и рѣшительный бой; 2) Конференція постановляетъ: поддержать объявленное московскими революціонными организаціями политическое выступленіе.

Необходимо отмѣтить, что у большинства присутствующихъ преобладала растерянность, но это настроеніе смѣнилось энтузіазмомъ, когда въ самомъ концѣ засѣданія было принесено и прочитано только что утвержденное воззваніе Московскаго С. Р. Д. (см. ниже).

Постановленія организацій сейчасъ же отражались на происходившихъ затѣмъ собраніяхъ рабочихъ, митингахъ и засѣданіяхъ районныхъ комитетовъ.

Такъ на собраніи депутатовъ городскихъ рабочихъ 5-го декабря было принято рѣшеніе: „примкнуть къ всеобщей политической забастовкѣ, съ цѣлью добиться освобожденія народа, примѣнить для этого всѣ возможныя средства по первому распоряженію Совѣта Р. Д." (Жизнь).

А на собраніи электро-монтеровъ, 6-го декабря въ 11 ч. дня, депутатъ отъ собранія строительныхъ слесарей уже прямо указываетъ, что они по призыву М. Р. К. С. Д. Р. П. постановили забастовать въ среду 7-го декабря.

Въ то же время можно видѣть и измѣненіе въ характерѣ принимаемыхъ резолюцій.

Тогда какъ раньше о политическихъ выступленіяхъ говорилось въ болѣе или менѣе общей формѣ, теперь мы уже встрѣчаемъ совершенно опредѣленную формулировку, часто сходную съ принятой нѣкоторыми организаціями. Напр., на собраніи рабочихъ типографіи Кушнерева 5-го декабря была принята формулировка близкая къ формулировкѣ конференціи группы (фракціи меньшинства): „Мы готовы отвѣтить на этотъ вызовъ правительства всеобщей забастовкой, надѣясь, что она можетъ и должна перейти въ вооруженное возстаніе".

Того же 5-го декабря собраніе служащихъ и рабочихъ Ярославской дороги, послѣ обсужденія циркуляра министра путей сообщенія о забастовкахъ, приняло резолюцію, которая заканчивается такъ: „Мы призываемъ всѣхъ нашихъ товарищей, а также товарищей на всѣхъ дорогахъ, принять боевой вызовъ правительства и быть готовыми при первомъ призывѣ конференціи Желѣзнодорожнаго союза вступить въ окончательный и рѣшительный бой".

Изъ отчета объ экстренной конференціи Замоскворѣцкаго района Московской Группы с.-д. партіи, происходившей 6-го декабря, видно, что тамъ тоже обсуждался вопросъ о всеобщей политической забастовкѣ еще до того, какъ имъ стало извѣстно о постановленіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, такъ какъ, принявъ резолюцію о необходимисти активнаго выступленія, собраніе постановило, что „для общности дѣйствій С. Р. Д. долженъ взять на себя иниціативу объявленія забастовки".

И такъ, къ моменту рѣшенія Совѣтомъ Р. Д. всеобщей забастовки почва была уже подготовлена.

Дадимъ мѣсто двумъ газетнымъ отчетамъ о засѣданіи С. Р. Д. 6-го декабря въ 12 ч. дня, на которомъ было принято рѣшеніе о забастовкѣ.

„Состоявшееся вчера, 6-го декабря, засѣданіе Московскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, на которомъ присутствовали делегаты отъ 91 производствъ, представители: отъ конференціи жел. дор. союза, поч. тел. съѣзда и пролетаріата царства польскаго, всего въ количествѣ 120 человѣкъ, долго останется въ памяти присутствующихъ. Сознаніе важности

стоящаго на очереди вопроса—рѣшеніе всеобщей забастовки—придало особенный тонъ дебатамъ и заставило быть краткими въ своихъ рѣчахъ.

Послѣ докладовъ товарищей-депутатовъ крупныхъ заводовъ и фабрикъ о настроеніи и подготовленности рабочихъ къ забастовкѣ была прочитана слѣдующая резолюція, принятая рабочими тип. Кушнерева:

„Мы рабочіе типо-лит. Т-ва Кушнерева въ общемъ собраніи 5-го декабря разсмотрѣвъ всесторонне вопросъ о политической забастовкѣ и вооруженномъ возстаніи постановило слѣдующее. Правительство сдѣлало послѣднюю попытку нанести намъ рѣшительный ударъ: въ Петербургѣ арестованъ Совѣтъ Раб. Деп., собранія разгоняются, мы готовы отвѣтить на этотъ вызовъ правительства всеобщей забастовкой, надѣясь, что она можетъ и должна перейти въ воруженное возстаніе".

Затѣмъ предоставляется слово представителю желѣзно-дорожной конференціи, который передаетъ мнѣніе конференціи о необходимости объявить немедленно всеобщую забастовку и что она ждетъ рѣшенія Совѣта для отдачи распоряженія объ этомъ по всѣмъ линіямъ. Въ такомъ же духѣ высказывается и представитель отъ польскаго пролетаріата, который заявляетъ, что весь пролетаріатъ въ Польшѣ вооруженъ. Представитель почтово-телеграфнаго съѣзда высказывается, что, хотя часть чиновниковъ приступила къ работамъ, но съѣздъ приложитъ всѣ усилія, чтобы при объявленіи всеобщей забастовки почт.-тел. служащіе всюду примкнули къ ней.

Всѣ говорившіе по поводу забастовки ораторы единодушно высказывались за немедленное объявленіе ея. „Московскій пролетаріатъ,—сказалъ одинъ изъ ораторовъ—съ нетерпѣніемъ ждетъ нашего рѣшенія и мы должны его принять. Вся страна охвачена возстаніемъ и намъ необходимо считаться съ фактомъ".

Послѣ обсужденія этого вопроса было постановлено: Моск. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ объявляетъ всеобщую политическую забастовку въ среду, 7-го декабря, съ 12 часовъ дня.

Затѣмъ было прочитано воззваніе ко всѣмъ рабочимъ, солдатамъ и гражданамъ, предложенное Федеративнымъ Совѣтомъ Р. С.-Д. Р. П. и Партіей Соц.-Рев. Выслушавъ это возваніе, Совѣтъ постановилъ присоединить къ ней свою подпись и отпечатать.

Рѣшеніе о забастовкѣ и воззваніи принимаются единогласно.

Далѣе принимается предложеніе партій, чтобы руководство въ эти дни борьбой пролетаріата и его дальнѣйшими рѣшительными актами принадлежало всецѣло Исполнительному Комитету Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и революціоннымъ партіямъ. Исполнительный Комитетъ рѣшено пополнить представителями изъ городскихъ рабочихъ организацій и нѣкоторыхъ рабочихъ союзовъ.

По вопросу, какимъ предпріятіямъ не бастовать, было принято слѣдующее предложеніе Исполнительнаго Комитета: „Водопроводъ на первое время забастовки работаетъ. Булочныя на окраинахъ могутъ быть открыты лишь по разрѣшенію. Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ томъ случаѣ, если онѣ не повысятъ цѣну на хлѣбъ". Рѣшено также потребовать закрытія винныхъ лавокъ. Воровство и грабежъ въ городѣ будетъ строго преслѣдоваться въ дни выступленія пролетаріата: къ ворамъ будутъ

примѣняться репрессивныя мѣры. Послѣ краткихъ дебатовъ рѣшено было, чтобы электричество не функціонировало и чтобы газеты не выходили. Исполнительный Комитетъ во все время забастовки будетъ выпускать „Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ".

Утромъ 7-го декабря повсюду должны быть устроены митинги и на нихъ должны быть проведены рѣшенія Совѣта для того, чтобы къ 12 часамъ дня вся завод-фабр. и промышленная жизнь въ Москвѣ остановилась".

(„Борьба" № 8.)

Изъ отчета, напечатаннаго въ „Жизни", приводимъ отрывки, дополняющіе сообщеніе „Борьбы":

6-го декабря состоялось экстренное собраніе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, созванное Исполнительнымъ Комитетомъ по вопросу о всеобщей, политической забастовкѣ. Исполнитильный Комитетъ присутствовалъ въ половинномъ своемъ составѣ; депутаты были отъ 83-хъ главныхъ предпріятій; на немъ присутствовали также делегаты отъ съѣзда почтово-телеграфныхъ служащихъ и желѣзныхъ дорогъ.

Было выслушано сообщеніе делегата Московскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, вернувшагося, по исполненіи порученія Совѣта, изъ поволожскихъ губерній. Онъ сообщилъ, что Сормово, Нижній-Новгородъ, Саратовъ готовы немедленно отозваться на борьбу. Въ Казани же комит. Рос. С.-Д. Р. Партіи въ состояніи поднять весь мѣстный пролетаріатъ. Тождественное сообщеніе было имъ сдѣлано и о Тулѣ. Гжатскій уѣздъ настроенъ революціонно и ждутъ призыва рабочихъ.

Выслушавъ доклады, собраніе перешло и къ обсужденію предложенія, внесеннаго Исполнительнымъ Комитетомъ и представителями революціонныхъ партій: объявить политическую забастовку на среду, 7-го декабря. При этомъ представитель Моск. комитета Р. С.-Д. Р. II. сообщилъ, что общая конференція „большинства" рѣшила въ свою очередь этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ и предлагаетъ Совѣту присоединиться къ ея рѣшенію. Предложеніе было принято единогласно... Рѣшили строго воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ и требовать непремѣннаго закрытія монополіи.

Содержаніе воззванія ко всѣмъ рабочимъ, солдатамъ и гражданамъ — подписаннаго Московскимъ Сов. Раб. Деп., Московскимъ Комитетомъ, Группой и Окружной Организаціей Рос. Соц. Дем. Р. П. и Московскимъ Комитетомъ Партіи Соц.-Революціонеровъ,—таково:

„Съ 17-го октября, когда рабочій классъ силой вырвалъ у царскаго правительства обѣщаніе разныхъ свободъ и „дѣйствительной" неприкосновенности личности, насилія со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются, и попрежнему льется человѣческая кровь.

Свободныя собранія, гдѣ можно слышать свободное слово, разгоняются оружіемъ, профессіональные и политическіе союзы жестоко преслѣдуются.

Свободныя газеты закрываются уже сразу десятками.

За стачки грозятъ тюрьмой.—А надъ дѣйствительно „неприкосновенною“ личностью русскаго гражданина учиняютъ такія издѣвательства и насилія, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ.

Снова тюрьмы набиваются борцами за свободу.

Объявляются на военномъ положеніи цѣлыя области и губерніи.

Безъ пощады избиваются и разстрѣливаются голодные крестьяне.

Матросовъ и солдатъ, не желающихъ быть братоубійцами и примкнувшихъ къ своему народу, гноятъ въ тюрьмахъ, топятъ и убиваютъ.

Если бы собрать всю кровь и слезы пролитыя по винѣ правительства лишь въ октябрѣ, оно бы утонуло въ нихъ, товарищи!

Но съ особой ненавистью царское правительство обрушивается на рабочій классъ: заключивъ союзъ съ капиталистами, оно выбрасываетъ на улицу сотни тысячъ рабочихъ, обрекаетъ ихъ на нищету и голодную смерть. Оно десятками и сотнями сажаетъ въ тюрьмы депутатовъ и вождей рабочихъ.

Оно грозитъ принять противъ представителей Соц.-Дем. Раб. Партіи и Партіи Соц.-Рев. какія-то „исключительныя“ мѣры. Оно снова организовало черныя сотни и грозитъ новыми массовыми убійствами и погромами.

Революціонный пролетаріатъ не можетъ дольше терпѣтъ издѣвательства и преступленія царскаго правительства и объявляетъ ему рѣшительную и безпощадную войну.

Товарищи—рабочіе, мы избранные вами депутаты, Московскій Комитетъ, Московская Группа, Московская Окружная Организація Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи и Московскій Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ—объявляемъ всеобщую политическую забастовку и призываемъ васъ въ среду 7-го декабря въ 12 час. дня бросить и остановить работу на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ во всѣхъ городскихъ и правительственныхъ учрежденіяхъ.

Да здравствуйетъ безпощадная борьба съ преступнымъ царскимъ правительствомъ!

Товарищи—солдаты! Вы наши кровные братья, дѣти единой съ нами матери, многострадальной Россіи. Вы уже сознали и подтвердили это участіемъ въ общей борьбѣ. Нынѣ, когда пролетаріатъ объявляетъ ненавистному народному врагу—царскому правительству рѣшительную войну, дѣйствуйте и вы рѣшительно и смѣло. Отказывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте, выбирайте изъ своей среды надлежащихъ руководителей и съ оружіемъ въ рукахъ присоединяйтесь къ возставшему народу. Вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ добивайтесь распущенія постоянной арміи и всенароднаго вооруженія, добивайтесь отмѣны военныхъ судовъ и военнаго положенія.

Да здравствуетъ союзъ революціоннаго пролетаріата съ революціонной арміей!

Да здравствуетъ борьба за общую свободу!

И вы, граждане, искренно жаждущіе широкой свободы, помогите возставшимъ рабочимъ и солдатамъ, чѣмъ только можете—и личнымъ

участіемъ иобщими средствами. Пролетаріатъ и армія борются за свободу и счастье всей Россіи и всего народа. На карту поставлено все будущее Россіи! Жизнь или смерть, свобода или рабство! Соединенными силами мы свергнемъ, наконецъ, преступное царское правительство, созовемъ учредительное собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго голосованія и утвердимъ демократическую республику, которая одна можетъ обезпечить намъ широкую свободу и дѣйствительную неприкосновенность личности".

Уже послѣ того, какъ состоялось постановленіе Московскаго С. Р. Д.—объявить съ 12 ч. дня 7-го декабря всеобщую забастовку, „въ вечернемъ засѣданіи конференціи отъ представителей 29 желѣзныхъ дорогъ также рѣшено было объявить со среды 7-го декабря, всеобщую политическую желѣзнодорожную забастовку и разослать по телеграфу слѣдующее воззваніе по всѣмъ линіямъ:

„По всѣмъ станціямъ, управленіямъ и правленіямъ россійскихъ жел. дор. всѣмъ служащимъ, мастерсвымъ и рабочимъ.

Товарищи! Правительство уступившее подъ давленіемъ всеобщей октябрьской забастовки и объявившее 17-го минувшаго октября высочайшій манифестъ о свободѣ слова, собраній, союзовъ и неприкосновенности личности, теперь отказывается отъ своего манифеста; вмѣсто свободы слова оно закрываетъ лучшія газеты, вмѣсто свободы собраній—разгоняетъ ихъ, вмѣсто свободы союзовъ—грозитъ тюрьмой за участіе въ желѣзнодорожномъ и почтово-телеграфномъ союзахъ, вмѣсто неприкосновенности личности арестовываетъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ въ Петербургѣ, членовъ крестьянскаго союза въ Москвѣ и прочихъ гражданъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Оно выбрасываетъ сотни тысячъ фабрично-заводскихъ рабочихъ на улицу, оно усмиряетъ голодныхъ крестьянъ помощью генералъ-адъютантовъ и пулеметовъ, оно предаетъ военно-полевому суду возставшихъ солдатъ и матросовъ.

Товарищи! Каждый изъ насъ понимаетъ, что безъ упомянутыхъ выше свободъ и нашихъ союзныхъ организацій, наше экономическое и правовое положеніе не только не улучшится, но станетъ еще хуже. Правительство наканунѣ банкротства; и мы рискуемъ потерять даже и тѣ сбереженія, которыя внесены нами въ пенсіонныя и сберегательныя кассы. Запрещая и нарушая свободы, объявленныя манифестомъ 17 октября правителнство, такимъ образомъ, само становится „мятежнымъ", поэтому „крамольники" не тѣ, кто борется за свободу, а само правительство, которое нарушаетъ имъ же изданные законы.

Товарищи! дальше терпѣть нельзя! Правительство вызываетъ насъ на новый бой. Пусть будетъ такъ! Вина за послѣдствія падетъ на преступное петербурское правительство.

Конференція депутатовъ отъ 29 жел. дорогъ совмѣстно съ центральнымъ бюро Всеросс. желѣзнодорожнаго союза, присоединяясь къ постановленіямъ Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ Петербурга и Москвы, объявляетъ съ 7 сего декабря всеобщую политическую забастовку; объявляя эту забастовку мы беремъ на себя возвращеніе войскъ изъ Манчжуріи и

доставимъ эти войска въ Россію гораздо скорѣе, чѣмъ это сдѣлало бы правительство, при этомъ обращаемся къ нашимъ братьямъ военнымъ въ Манчжуріи, чтобы они сами во время слѣдованія по желѣзнымъ дорогамъ оказывали содѣйствіе нашимъ организаціямъ и поддерживали порядокъ, установленный нами. Пассажировъ, захваченныхъ забастовкой въ пути, мы доставимъ до ближайшаго города въ направленіи ихъ слѣдованія. Кромѣ того, мы примемъ всѣ мѣры для перевозки продовольственнаго хлѣба голодающимъ крестьянамъ и провизіи для товарищей на линіи,

Отъ стараго правительства ждать болѣе нечего: оно изжило себя. Только учредительное собраніе, избранное на началахъ всеобщаго равнаго прямого и тайнаго голосованія выведетъ Россію изъ того положенія, въ которое ее поставило преступное правительство. И до тѣхъ поръ, пока существуетъ военное положеніе, усиленная охрана; пока свободѣ слова, печати, собраній, союзовъ и неприкосновенности личности угрожаетъ опасность—всеобщая политическая забастовка не можетъ прекращаться, она должна продолжаться.

И такъ, товарищи, смѣло и дружно въ борьбу за освобожденіе всего народа. Мы не одни, городской пролетаріатъ, трудовое крестьянство и сознательная часть арміи и флота уже возстали за народную свободу, за землю, за волю! Конференція депутатовъ отъ 29 жел. дорогъ и центральное бюро Всеросс. желѣзнодорожнаго союза.

Какъ извѣстно, Исполнительный Комитетъ Московскаго С. Р. Д., которому было поручено руководство выступленіями пролетаріата опубликовалъ призывъ къ забастовкѣ въ слѣдующей формулировкѣ:

„Московскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Комитетъ и группа Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи и Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ постановили: объявить въ Москвѣ со среды, 7 декабря, съ 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе“.

Эта формула печаталась ежедневно на видномъ мѣстѣ въ „Извѣстіяхъ Моск. Сов. Раб. Деп.“.

II.

7 декабря. Первый день забастовки.

Еще вечеромъ 6 декабря въ Москвѣ было извѣстно, что въ Петербургѣ состоялись постановленія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ о забастовкѣ. Утромъ на слѣдующій день Московскія газеты оповѣстили, что и Моск. С. Р. Д. постановилъ призвать къ забастовкѣ съ 12 ч. дня 7 декабря.

Съ ранняго утра на улицахъ наблюдалось необыкновенное движеніе и оживленіе, изъ устъ въ уста передавалось извѣстіе о забастовкѣ. Жители съ лихорадочной поспѣшностью сновали по магазинамъ, торопясь запастись провизіей.

Уже съ утра стали нѣкоторыя желѣзныя дороги. Рабочіе нѣкоторыхъ мастерскихъ съ утра занялись изготовленіемъ холоднаго оружія. На большинствѣ желѣзныхъ дорогъ шли митинги. Выступавшіе ораторы говорили о необходимости стойкой борьбы—до побѣды. На грандіозномъ митингѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ ораторъ закончилъ свою рѣчь, покрытую громомъ аплодисментовъ, слѣдующими словами: „Начинается не забастовка, а великая россійская революція.“

Въ назначенный срокъ въ 12 ч. дня, прекратилось движеніе по линіи и работы въ мастерскихъ: на Ярославской, Казанской, Брестской, Курско-Нижегородской, Окружной и Виндавской желѣзныхъ дорогахъ. На нѣкоторыхъ дорогахъ согласно постановленію конференціи делегатовъ 29 жел. дорогъ, пропущены были поѣзда съ возвращающимися изъ Манджуріи солдатами. По Ярославской и Брестской дорогѣ отправлены поѣзда съ учащимися — дѣтьми служащихъ по линіи. На Николаевской часть мастерскихъ стала 7-го, осталь-

ныхъ сняли на другой день. Линія не бастовала: на телеграфѣ работало одно начальство; на дорогѣ—желѣзно-дорожный баталіонъ. На нѣкоторыхъ дорогахъ произошли различнаго рода столкновенія. Такъ напр. на Кіево-Воронежской произошло столкновеніе съ ломовиками, упорно требовавшими выдачи грузовъ. Боевая дружина дала отпоръ ломовикамъ; нѣсколько человѣкъ при этомъ было ранено. Въ другомъ мѣстѣ на Казанской дорогѣ убито было двое машинистовъ, не подчинившихся общему рѣшенію о пріостановкѣ движенія и самовольно поведшихъ поѣзда.

Въ обшемъ забастовка идетъ очень дружно. Настроеніе въ мастерскихъ и на линіи повышенное. Всѣ въ ожиданін крупныхъ событій (№ 3 „Извѣстій С. Р. Д.“). На Казанскомъ вокзалѣ собрался митингъ, на которомъ раздавали оружіе.

Не менѣе дружно проводится забастовка и въ фабрично-заводскихъ районахъ. Съ самаго утра тамъ замѣтно сильное возбужденіе. Большинство фабрикъ, особенно крупныхъ, сейчасъ же, узнавъ о постановленіи С. Р. Д., бастуетъ и собирается на митинги; во многихъ мѣстахъ рабочіе демонстративно съ красными флагами расходятся по домамъ или идутъ снимать другія заведенія. Впрочемъ, такихъ, которыхъ пришлось снимать, очень немного. Такимъ образомъ къ полудню перваго дня забастовали крупнѣйшія промышленныя предпріятія, какъ: Листъ и другіе механическіе заводы; фабрики Сіу и Эйнемъ; мануфактуры: Прохоровская, Жиро, Циндель, Михайлова и болѣе мелкія; а также Міусскій вагонный паркъ, конки и трамвай; табачныя фабрики Бостанжогло, Габай и Дукатъ. Съ утра забастовалъ весь Рогожскій районъ съ Гужономъ во главѣ. Въ Сокольничьемъ районѣ прекратила работу Резиновая мануфактура и всѣ мелкія предпріятія, кромѣ четырехъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить типографскихъ рабочихъ, которые всѣ въ числѣ 10000 прекратили работу, какъ одинъ человѣкъ, одинаково, какъ въ крупныхъ типографіяхъ: Сытина, Кушнарева и др. такъ и въ мелкихъ.

По приблизительному подсчету въ первый день, 7 декабря, забастовало всего—считая только фабрики и заводы—свыше 50000 человѣкъ. А вмѣстѣ съ желѣзно-дорожными служашими и рабочими, число которыхъ очень трудно поддается учету, цифра эта значительно возрастаетъ. По свѣдѣніямъ № 2 „Изв. С. Р. Д.“ она достигаетъ 100,000.

Для характеристики хода забастовки, слѣдуетъ отмѣтить, что лишь въ очень немногихъ мѣстахъ приходилось „снимать“ съ работы, да и то это отчасти объясняется тѣмъ, что рабочіе боялись нападенія черносотенцевъ. Напр., „сознательные рабочіе Гиля и Герасимова просятъ товарищей снять ихъ, т. к. по мѣстнымъ условіямъ, благодаря свирѣпости черной сотни, они не могутъ забастовать сами, хотя охотно готовы поддержать товарищей борцовъ“ („Изв.“ № 4). Всего въ первый день было до 10 случаевъ „съемки“, изъ которыхъ можно назвать фабрики Эйнемъ, Бутикова, Александрова и др. Столкновеній въ этотъ день при остановкѣ работъ на фабрикахъ и заводахъ между рабочими не было нигдѣ.

Для настроенія рабочихъ массъ характерно не только дружное прекращеніе работъ, но и заготовка холоднаго оружія. Такъ, на Прохоровской фабрикѣ готовили оружіе массами. У Цинделя рабочіе съ утра съ увлеченіемъ занимались ковкой оружія. На фабрикѣ Сіу (гдѣ работаетъ 1000 чел.) рабочіе вооружились и разбились на десятки и сотни. На фабрикѣ Блокъ рабочіе готовили кинжалы. Имѣются свѣдѣнія, что ковали оружіе: у Бромлея, Михайлова, Рябова, Диля, Винтера, у типографщиковъ.

Состоялось собраніе делегатовъ служащихъ въ банкахъ и другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ Москвы. Обсуждался вопросъ о забастовкѣ. Представитель С. Р. Д. предлагалъ служащимъ работать до 10 декабря, чтобы дать возможность желающимъ взять свои вклады. Но служащіе были не согласны съ этимъ, т. к., говорили они — такая мѣра должна повести къ банкротству всѣхъ частныхъ банковъ, а слѣдовательно и ихъ лишитъ заработка. Въ концѣ концовъ собраніе не рѣшилось взять на себя отвѣтственности при рѣшеніи такого важнаго вопроса и рѣшило отложить дѣло до общаго собранія. Въ случаѣ забастовки банковъ, рѣшено сдѣлать исключеніе для ссудо-сберегательныхъ кассъ: онѣ должны работать все время, т. к. тамъ лежатъ сбереженія самыхъ недостаточныхъ массъ населенія.

Въ большинствѣ учрежденій также работы были прекращены.—Въ 12 час. дня послѣ митинга забастовали служащіе городской управы. „Въ зданіе введена полиція“. Прекратили занятія и въ Губернской и Уѣздной земскихъ управахъ.

Въ городѣ по улицамъ масса публики. Настроеніе тревожное. Чего-то ждутъ. Въ 2 часа введена чрезвычайная охрана. Кое-гдѣ появляются разъѣзды драгунъ и казаковъ. Были стычки у манифестантовъ съ войсками. Самая серьезная въ Леонтьевскомъ пер. у типографіи Мамонтова, откуда, выкинувъ красный флагъ, типографскіе рабочіе съ пѣніемъ марсельезы направились къ Тверской.

Съ Никитской въ Леонтьевскій пер. въѣхали драгуны, а съ Тверской—казаки, и разогнали манифестантовъ нагайками. Кромѣ того происходили стычки на Тверской улицѣ, на Страстной и Кудринской площади, у Каменнаго моста и на Солянкѣ. У Политехническаго Музея было столкновеніе съ драгунами. Но всѣ эти столкновенія носили характеръ обычнаго „разсѣянія“ толпы.

Къ 4 часамъ выяснилось, что всѣ желѣзныя дороги за исключеніемъ Николаевской, Рязанско-Уральской и Кіево-Воронежской забастовали. Къ вечеру вышелъ первый № „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“. Любопытна обстановка, при которой онъ печатался. Вотъ что передаетъ очевидецъ-интеллигентъ.

„Въ $11^1/_2$ час. дня 7-го декабря я пришелъ въ Сытинскую типографію. Въ передней стоитъ швейцаръ и толчется много народу. „Что, бастовать не собираются?“ спрашиваю я. Швейцаръ какъ то странно улыбается—„Нѣтъ еще, пока“. Я поднялся по лѣстницѣ. Наверху меня встрѣчаетъ боевая дружина изъ типографскихъ рабочихъ и объявляетъ мнѣ: „Васъ не выпустятъ: печатаются Изв. С. Р. Д.“ Я прошелъ въ кабинетъ и присоединился къ управляющему типографіей и къ другимъ, арестованнымъ такъ же, какъ и я. Проходя черезъ контору, я увидѣлъ мирную картину: телефонъ охраняется дружинникомъ, а на диванѣ сидитъ полицейскій приставъ типографіи, безъ револьвера, но съ шашкой и преспокойно читаетъ газету. Явился шпіонъ, подъ видомъ заказчика. Его дружинники обыскали, отняли револьверъ, арестовали и, снявъ съ него фотографію, посадили въ отдѣльную комнату. Мнимый заказчикъ стоялъ въ дверяхъ своей „одиночки“ и все ворчалъ: „Чего меня задержали? Что я вамъ сдѣлалъ? Я такой же служащій человѣкъ, какъ и вы“, и т. д. Въ $12^1/_2$ ч. № былъ готовъ, отпечатанный въ 16000 экз. Всѣмъ присутствовавшимъ роздали по листку 1-го №.

Сверху рабочіе сходятъ внизъ по лѣстницѣ и зовутъ товарищей на митингъ. Тутъ же внизу, въ помѣщеніи типографіи, открывается митингъ. Обсуждается только одинъ вопросъ — что дѣлать со шпіономъ. Рѣшивъ, что карточка снята, и онъ обезоруженъ, рабочіе постановили отпустить его, и отпустить послѣднимъ, чтобы нетрезвые товарищи не причинили ему чего либо".

Чтобы отмѣтить роль С. Р. Д. и замѣнявшаго его Исполнит. Комитета, по проведенію и руководству забастовкой, не лишнимъ будетъ привести здѣсь постановленія Исполнительнаго Комитета отъ 7 декабря, гдѣ онъ, подводя итоги минувшему дню, даетъ директивы на 8-е декабря. 1) 8-го числа утромъ снять съ работы фабрики, не присоединившіяся 7-го числа ко всеобщей забастовкѣ. 2) Каждое утро должны устраиваться заводскія собранія, либо въ особыхъ помѣщеніяхъ, либо на самой фабрикѣ для выясненія — положенія дѣлъ 3) Ежедневно должны собираться районныя собранія Москов. Совѣт. Раб. Депут. на которыхъ передаются къ исполненію постановленія Исп. Ком. С. Р. Д. 4) Ежедневно должны устраиваться общіе митинги. 5) Извѣстія М. С. Р. Д. должны выходить ежедневно. 6) Для охраны имущества сторожа на заводахъ и фабрикахъ должны оставаться на своихъ постахъ, надъ ними устанавливается контроль изъ рабочихъ. М. С. Р. Д. организуетъ на дальнѣйшіе дни забастовки собственные кадры для защиты имущества отъ воровъ и громилъ. 7) Вслѣдствіе заявленія отъ хозяевъ чайныхъ лавокъ, постановлено чайныя лавки (безъ продажи крѣпкихъ напитковъ) къ открытію разрѣшить, при условіи свободнаго устройства въ нихъ собраній. 8) Потребительныя лавки, въ коихъ рабочія артели забираютъ товары, къ открытію разрѣшить, при условіи отпуска рабочимъ въ кредитъ. 9) Рабочіе пріостанавливаютъ на время забастовки уплату денегъ за квартиры. Предварительно—районныя собранія М. С. Р. Д. вырабатываютъ общій планъ для болѣе широкаго осуществленія даннаго постановленія. 10) При остановкѣ парового отопленія на фабрикахъ должно обращать вниманіе на то, чтобы не вносить нарушенія въ отопленіе всѣхъ жилищъ и кухонь рабочихъ.

Къ вечеру стало извѣстно, что театры тоже прекратили свою дѣятельность.

На биржѣ „настроеніе угнетенное“.

Вечеромъ и ночью, не смотря на введеніе чрезвычайной охраны, городовыхъ на постахъ не видно. Патрулей нѣтъ. Лишь кое-гдѣ можно было видѣть группы полицейскихъ. Улицы тихи и пусты. На Тверской ни одного огня. Въ ближайшихъ переулкахъ кое-гдѣ горятъ газовые фонари. Всюду совершенно безлюдно. Только отъ времени до времени проѣдетъ извощикъ, да торопясь пробѣжитъ пѣшеходъ.

Полиція, однако, не бездѣйствовала. Въ эту ночь, съ 7 на 8 декабря, произведены были аресты. Взяты: служащіе на ж. д. инж. Переверзевъ, Тетлинъ, Красновъ, присяж. повѣр. Муравьевъ и 7 человѣкъ на собраніи. Кромѣ того арестованъ вліятельный членъ союза рабочихъ печатнаго дѣла, Чистовъ *).

Въ эту же ночь двое дружинниковъ, возвращаясь съ обхода, подверглись близъ училища Фидлера (у Чистыхъ прудовъ) нападенію со стороны нѣсколькихъ городовыхъ. Одинъ изъ дружинниковъ былъ легко раненъ.

Въ 3 часа ночи одинадцать дружинниковъ взломали окна и дверь оружейнаго магазина Биткова на Б. Лубянкѣ и захватили 25 револьверовъ, 9 карабиновъ, 1 винтовку и охотничій пулеметъ.

Въ городового, пытавшагося помѣшать имъ, дружинники стрѣляли. На тревожные свистки ночныхъ сторожей прискакали казаки, стрѣляли вдогонку въ дружинниковъ, но тѣ успѣли скрыться цѣлы и невредимы.

---

*) Выпущенъ черезъ два дня.

III.

8 декабря. Второй день забастовки.

Осада „Акваріума".

Съ утра на улицахъ масса народу. Большинство магазиновъ заперто и окна закрыты деревянными щитами. По Тверской и нѣкоторымъ другимъ большимъ улицамъ ходятъ забастовавшіе приказчики и снимаютъ своихъ товарищей. Кое-гдѣ у нихъ происходятъ столкновенія съ хозяевами. Во фруктовомъ магазинѣ Кузьмина забастовщики стрѣляли въ хозяина, когда онъ наотрѣзъ отказался прекратить торговлю. Кузьминъ тяжело раненъ. Въ Каретномъ ряду произошло столкновеніе при закрытіи ресторана „Волна". Во избѣжаніе такихъ столкновеній, многіе владѣльцы торговыхъ заведеній берутъ письменное разрѣшеніе на торговлю у С. Р. Д. На Сухаревой площади мясники чуть было не избили приказчиковъ, которые пришли снимать ихъ. Въ концѣ концовъ приказчики убѣдили ихъ, и тѣ ушли изъ лавокъ. Тамъ же хулиганы набросились на оратора, обратившагося съ рѣчью къ торговцамъ, и избили двухъ дѣвушекъ-модистокъ, обходившихъ модныя мастерскія. Онѣ хотѣли укрыться въ лавкѣ Малютиныхъ, но оттуда ихъ вытолкнули, и онѣ снова очутились въ рукахъ черносотенцевъ, которые продолжали ихъ избивать. Пріѣхавшіе казаки разогнали толпу.

Въ разныхъ мѣстахъ происходятъ митинги, и не только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ — въ Политехническомъ музеѣ, въ Міусскомъ вагонномъ паркѣ—но и подъ открытымъ не-

бомъ: на Таганской площади, на Трубной площади, на Неглинномъ проѣздѣ, на Лубянской площади, въ Косомъ переулкѣ, на пустырѣ въ Чухинскомъ переулкѣ.

На Страстной площади произошла сцена, ярко характеризующая настроеніе массы и ея отношеніе къ войску. Земскій врачъ, участникъ этой сцены съ начала до конца, такъ описываетъ ее.

„Около 12 ч. дня по внѣшнему проѣзду Тверского бульвара по направленію къ Страстному монастырю проходила полурота солдатъ Несвижскаго гренадерскаго полка подъ командой офицера. Съ тротуара сошла молодая женщина и, подойдя къ солдатамъ, спросила ихъ:

— Куда васъ ведутъ?

— Мы не знаемъ, намъ не сказали.

— Неужели вы будете стрѣлять въ народъ?

— Нѣтъ, въ народъ стрѣлять не будемъ, серьезно отвѣчали солдаты.

Офицеръ шелъ впереди и не слыхалъ, что дѣлается въ заднихъ рядахъ. Полурота пересѣкла Страстную площадь и вошла во дворъ д. Чижова, гдѣ помѣщается сберегательная касса.

На площади стояли кучки людей. Слышны были мирные разговоры. Вся эта публика вышла, очевидно, просто посмотрѣть, что на улицѣ дѣлается. Появился казачій разъѣздъ и подъѣхалъ къ павильону трамвая. Здѣсь казаки спѣшились, офицеръ вошелъ въ павильонъ, а казаки остались снаружи, держа лошадей въ поводу. Кучки, стоявшія на площади, всѣ сразу хлынули къ павильону и обступили казачій патруль. Моментально образовалась густая толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Каждый казакъ стоялъ тѣсно окруженный группой людей. Толпа заговорила съ казаками. Вездѣ слышалось одно и то же: казаки—тотъ же народъ, они не должны стрѣлять въ него и пусть перейдутъ на сторону народа.

Въ одной группѣ особенно горячо заговорилъ одинъ рабочій, но на него накинулась какая-то женщина, съ виду торговка:

— Ты что царскаго слугу смущаешь? Онъ вѣрой и правдой царю служитъ, а ты что? Ты забастовкой и себя, и всю Россію осрамилъ!

Съ ней заговорила курсистка, и торговка мало-по-малу затихла.

Меня удивило, что офицеръ, видѣвшій все это изъ окна павильона, такъ терпимо относится къ происходящему. Но вотъ онъ, наконецъ, вышелъ и велѣлъ отогнать публику. Казаки не разгоняли, а вѣжливо уговаривали разойтись. Толпа нѣсколько поотошла. По командѣ офицера казаки вскочили на коней, но толпа опять бросилась къ нимъ, и образовалась общая смѣшанная группа. Выступилъ молодой рабочій и обратился къ казакамъ съ рѣчью: „Братья, товарищи казаки!“ началъ онъ. Говорилъ онъ нескладно, волнуясь, но съ страшнымъ жаромъ и искренностью. Онъ убѣждалъ казаковъ не стрѣлять и перейти на сторону народа.

Я стоялъ близко къ казачьему офицеру и слышалъ, какъ онъ велѣлъ двоимъ казакамъ разогнать толпу нагайками. Тѣ тронули лошадей, и не поднимая нагаекъ, просящимъ тономъ обратились къ толпѣ: „Пожалуйста, уходите“.

Мальчикъ-подростокъ стоитъ одинъ посреди очистившагося полукруга.

— Разойдись! говоритъ казакъ.

— Не пойду! вызывающе отвѣчаетъ мальчикъ.

Оба казаки тихо объѣзжаютъ его и возвращаются на прежнее мѣсто.

— Казаки, товарищи, переходите на нашу сторону! дружнымъ хоромъ раздается въ толпѣ.

Тогда офицеръ удаляется со своимъ разъѣздомъ, оставивъ патруль изъ трехъ казаковъ. Ихъ снова окружаетъ толпа человѣкъ въ 500. Ораторъ говоритъ къ нимъ. Одинъ изъ всадниковъ машетъ рукой и что-то хочетъ сказать. Его за шумомъ толпы не слышно.

— Слово! Слово казаку! раздаются голоса. Толпа замолкаетъ.

Казакъ начинаетъ говорить: „Господа, какъ же я могу, когда я присягу принималъ защищать государство...“ Его перебиваетъ какой-то обыватель въ тепломъ картузѣ: „Ты говоришь: государство! Да кто же это государство? вѣдь это мы самые и есть государство“. Казакъ опять проситъ слова: „Я-жъ одинъ, что же я могу одинъ сдѣлать, разъ другіе не всѣ согласны?“ Ему совѣтуютъ убѣждать другихъ казаковъ.

Въ это время съ проѣзда Тверского бульвара раздается пѣніе марсельезы. Толпа молодыхъ рабочихъ съ краснымъ флагомъ приближается къ площади. Казаки инстинктивно бросаются туда, толпа за ними. Около типографіи „Вечерней Почты“ толпа, смѣшавшись съ демонстрантами, плотной массой обступила казаковъ. Тѣ окончательно растерялись и тихонько выбравшись изъ толпы, уѣхали.“

Интересная сцена произошла и на Лубянской площади. Въ $2^1/_2$ ч. дня около Политехническаго музея столпился народъ; тутъ же оказался отрядъ драгунъ, человѣкъ въ 30, съ офицеромъ во главѣ; офицеръ скомандовалъ: „Разсѣять толпу!“ Драгуны помчались, разгоняя народъ. Черезъ нѣкоторое время они вернулись; мало-по-малу стала возвращаться и публика. Офицера и драгунъ обступили и стали заговаривать съ ними: „Зачѣмъ вы насъ били? Мы вѣдь, братья ваши! Скинете мундиры — такими же рабочими на фабрики пойдете!“ Одновременно съ этимъ слышны были негодующіе возгласы: „Изверги, Негодяи! Развѣ они понимаютъ человѣческое слово! Истуканы!“ Драгуны молча внимали всѣмъ этимъ рѣчамъ; офицеръ заявилъ, что въ настоящее смутное время само присутствіе среди толпы считается преступнымъ.

Толпа рабочихъ по благороднымъ металламъ человѣкъ въ 400 шла съ Трубной площади по Неглинному проѣзду, направляясь на митингъ въ Политехническій музей. У Государственнаго банка имъ загородила дорогу полиція и потребовала, чтобы они разошлись, угрожая разогнать ихъ силой. Городовые схватились уже за шашки, нѣкоторые стали „поталкивать“ стоявшихъ къ нимъ ближе изъ толпы. Нѣсколько рабочихъ подошли къ приставу и заявили, что они идутъ на митингъ въ Политехническій музей. Полиція разступилась по обѣ стороны и пропустила толпу, не тронувъ ее.

Перейдемъ теперь къ описанію хода стачки. На желѣзныхъ дорогахъ движеніе поддерживается только на Кіево-Воронежской и Николаевской. Это объясняется тѣмъ, что на первой произошли разногласія между служащими дороги по вопросу о стачкѣ; на второй потому, что центръ организаціи находится въ Петербургѣ, а петербургскій узелъ не бастовалъ *).

*) Болѣе подробное объясненіе см. главу X.

Рязанско-уральская дорога остановилась къ вечеру этого дня. На нѣкоторыхъ забастовавшихъ дорогахъ служащіе удаляютъ высшее начальство и на его мѣсто ставятъ свое, выборное.

На желѣзныхъ дорогахъ въ этотъ день произошло нѣсколько случаевъ столкновенія черной сотни и полиціи съ забастовщиками. На вокзалѣ Кіево-Воронежской дороги ломовые извозчики избили служащихъ дороги. Въ одномъ изъ вагоновъ они нашли двухъ делегатовъ, пріѣхавшихъ изъ Курска, и учинили надъ ними жестокій самосудъ. Одинъ едва спасся, другого растерзали.

Въ Брестскихъ мастерскихъ было собраніе, на которомъ были депутаты отъ солдатъ-манджурцевъ, запасныхъ и отпущенныхъ, только что прибывшихъ съ Дальняго Востока, собравшихся здѣсь въ количествѣ 300 человѣкъ. Эти солдаты и ученики жел. дор. училища просили рабочихъ дать имъ поѣздъ съ нѣсколькими вагонами для отправки ихъ на мѣста. Имъ предложили обратиться въ С. Р. Д.

На Курской дорогѣ произошло роковое недоразумѣніе: на станцію „Москва“ возвращался поѣздъ, только что отвезшій съ разрѣшенія С. Р. Д. запасныхъ солдатъ. Рабочіе Гужона встрѣтили возвращавшихся машинистовъ револьверными выстрѣлами, предполагая въ нихъ нарушителей стачки. Изъ нихъ одинъ убитъ и одинъ раненъ.

На фабрикахъ и заводахъ забастовка принимаетъ характеръ всеобщей,—всѣ, кто не забастовалъ вчера, сегодня прекращаютъ работу и спѣшатъ присоединиться къ товарищамъ. Напримѣръ, въ Хамовникахъ и Дорогомиловѣ, гдѣ наканунѣ большею частью еще работали, 8-го стали всѣ фабрики. Нѣкоторыя остановлены были самими хозяевами. Остались не бастующими только нѣсколько мелкихъ фабрикъ въ Лефортовѣ съ нѣсколькими стами рабочихъ.

Но несмотря на такой дружный ходъ стачки, все же наблюдались и случаи „съемки“, не всегда обходившіеся благополучно.

Въ 12 ч. дня рабочіе Даниловской мануфактуры, возвращавшіеся съ красными флагами и революціонными пѣснями послѣ съемки рабочихъ пивныхъ и винныхъ лавокъ обратно на фабрику, были встрѣчены выскочившими изъ воротъ ка-

заками и драгунами (около 150 чел.), причемъ подверглись избіенію нагайками; по одному изъ домовъ, равно какъ и по публикѣ, стоявшей на насыпи, было дано нѣсколько залповъ. На полѣ битвы осталось 12 раненыхъ, изъ нихъ двое очень тяжело. (Изв. С. Р. Д.).

Около 4 час. дня съ митинга у Цинделя отправилось 8 человѣкъ рабочихъ въ качествѣ депутатовъ на дрожжевой заводъ Гивартовскаго съ цѣлью остановить его. Когда депутацію на фабрику не пропустили, она потребовала къ себѣ кого-либо изъ фабричной администраціи. Вышелъ какой-то господинъ, назвавшійся директоромъ фабрики, и вступилъ въ разговоръ съ депутаціей. Неожиданно изъ воротъ выскочило 15—20 казаковъ и удачнымъ маневромъ загнали четырехъ изъ депутатовъ во дворъ, гдѣ стали избивать ихъ нагайками по головѣ. Трое сильно пострадали.

Во исполненіе постановленія С. Р. Д., районныя организаціи устраиваютъ митинги по заводамъ и демонстраціи по районамъ: послѣ митинговъ рабочіе разныхъ фабрикъ соединяются и устраиваютъ шествія съ флагами и пѣснями.

Вотъ что сообщаютъ въ этотъ день въ организацію городского района: „Въ первой половинѣ дня былъ рядъ митинговъ: у Бостанжогло, Габая, Дукатъ, Рейнгартъ, Попова. Рабочіе требовали открытыхъ выступленій, хотя бы въ формѣ демонстративныхъ шествій цѣлыми фабриками на общіе митинги. Такія шествія были у Бостанжогло и Габая. Настроеніе замѣтно повысилось. Всѣ спрашиваютъ о дальнѣйшихъ шагахъ. Молодежь поголовно готова встать подъ ружье. Забастовали всѣ молочныя: Чичкина, Бландова и др. Всюду были митинги; присутствовали всѣ молочники. Постановлено: вполнѣ подчиняться С. Р. Д. — Забастовали: Зарядье, кирилловцы, кошелечники, перчаточники, аппретурщики и др. Снимать не приходилось. Иначе у портныхъ: передовымъ рабочимъ портнымъ, собравшимся сегодня на митингъ въ д. Варваринскаго общества, пришлось отправиться на съемку нѣкоторыхъ магазиновъ и мастерскихъ. Во время съемокъ были стычки съ драгунами, разгонявшими толпы прикладами. Есть раненые.

Рѣшено ежедневно устраивать митинги. Настроеніе бодрое“.

Приблизительно то же самое сообщаютъ и изъ Бутырскаго района. „У Ралле съ самаго начала происходятъ митинги въ фабричномъ помѣщеніи. Сегодня туда собрались рабочіе изъ сосѣднихъ заводовъ на общій митингъ. Пришли и рабочіе отъ Дютфуа, бывшіе черносотенцы. Послѣ митинга прошли съ краснымъ флагомъ по улицамъ и мирно разошлись. Настроеніе приподнятое. Но попадаются и такія сообщенія: „Отъ Блока передаютъ, что тамъ настроеніе скверное. Объясняютъ это отсутствіемъ организаціи. Депутаты трусятъ, не знаютъ, что дѣлать."

„На Прѣснѣ забастовка полная. На заводскихъ митингахъ ораторы выясняютъ цѣль и сущность забастовки, призываютъ къ вооруженному возстанію. Предлагаютъ быть готовыми выступить по первому призыву С. Р. Д. Приглашаютъ подчиняться постановленіямъ его и не приступать къ работѣ безъ его рѣшенія".

На митингѣ у Кушнарева, гдѣ собралось 700 человѣкъ, ораторъ говорилъ о всеобщей политической забастовкѣ, о движеніи пролетаріата, какъ авангарда освободительной арміи—всего народа; о лозунгахъ борьбы и о необходимости перевести всеобщую политическую забастовку въ вооруженное возстаніе. Плана возстанія не предлагалось, сдѣлано было указаніе на необходимость, въ интересахъ успѣшнаго исхода дѣла, дожидаться директивъ С. Р. Д.

Въ аудиторіи Пушкинской читальни на Нѣмецкой улицѣ было собраніе булочниковъ Лефортовскаго района, человѣкъ 100—150. „Очень мало сознательная масса", разсказываетъ участникъ этого митинга. „На трибунѣ ораторъ неопредѣленнаго вида, говорящій сплошь въ нелѣпой связи испорченными иностранными словами. Въ воздухѣ гнетущая тоска; булочники прилагаютъ всѣ усилія, чтобы понять мудреную рѣчь, но тщетно. Появляется еще ораторъ (булочникъ), развязный молодой человѣкъ, настроенъ революціонно, но міросозерцаніе, какъ и у перваго, ясностью не отличается. Ораторъ „большевикъ", считаясь съ характеромъ аудиторіи, рѣшилъ начать съ—„азовъ" и потому приступилъ къ выясненію необходимости профессіональной организаціи, а затѣмъ уже перешелъ къ тѣмъ политическимъ условіямъ, при которыхъ могутъ существовать, развиваться и вести

борьбу прочныя профессіональныя организаціи. Была выяснена программа Р. С.-Д. Р. П. съ приглашеніемъ организоваться и подъ руководствомъ партіи вести борьбу съ цѣлью завоеванія лучшихъ условій жизни. Собраніе кричало „ура“ и пыталось „качать“ оратора. Члены собранія просили прислать оратора, который смогъ бы разсказать о С. Р. Д. и указать пути, какъ примкнуть къ нему“.

Въ Политехническомъ музеѣ цѣлый день происходятъ въ нѣсколькихъ аудиторіяхъ непрерывные митинги съ постоянно мѣняющимися ораторами и составомъ толпы. Партійные ораторы агитировали за необходимость перехода забастовки въ вооруженное возстаніе, но подчеркивали, что практическихъ шаговъ предпринимать не слѣдуетъ впредь до призыва со стороны Исполнительнаго Комитета Моск. С. Р. Д. Преобладающій составъ митинговъ рабочіе, ремесленники, но въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ происходятъ митинги правительственныхъ чиновниковъ: *) служащихъ государственнаго банка, сберегательныхъ кассъ, казенной палаты, контрольной палаты, таможни, суда. Присутствовали съ закрытыми погонами делегаты отъ офицеровъ и солдатъ. Дебатируется вопросъ о всеобщей забастовкѣ. „Чиновники таможни просятъ притти „снять“ ихъ, такъ какъ въ таможнѣ до двухсотъ чиновниковъ, получающихъ высшіе оклады, которые сами не забастуютъ, но зато въ таможнѣ есть до трехъ тысячъ рабочихъ, съ прекращеніемъ работы которыхъ поневолѣ прекратятъ работу и чиновники. Присутствовавшіе на митингѣ чиновники казенной палаты заявляли, что для нихъ позоръ, чтобы ихъ „снимали“, и что они должны сами забастовать. На митингѣ высказывалось также о необходимости закрыть почтамтъ и телеграфъ, которые продолжаютъ дѣйствовать. Сегодня даже дѣйствовали отдѣленія почтамта. Представители арміи заявили, что войска московскаго гарнизона не направятъ своихъ штыковъ противъ борющагося народа, не будутъ разряжать ружей въ своихъ братьевъ и отцовъ“.

Такіе же митинги происходятъ и въ „Акваріумѣ“, куда, кстати сказать, былъ данъ монтерами электрическій свѣтъ.

---

*) Описаніе этихъ послѣднихъ митинговъ составлено по газетамъ „Жизнь“ и „Новое Время“.

Въ городѣ забастовали почти всѣ учрежденія. Забастовавшіе чиновники „сняли“ служащихъ въ губернскомъ казначействѣ. „Сняты“ также служащіе въ канцеляріи окружнаго и комерческаго судовъ. Но самъ судъ продолжалъ исполнять свои обязанности и отправлять „правосудіе“.

Подводя итоги второму дню, нужно отмѣтить, что за истекшій день къ забастовкѣ примкнуло еще (подсчетъ, конечно, приблизительный) 50,000 рабочихъ, занятыхъ въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, т. е. всего во второй день забастовки число бастующихъ возросло до 150,000 челов. За то этотъ день ознаменовался столкновеніями съ войсками и полиціей при прекращеніи работъ и съемкѣ рабочихъ.

Кромѣ указаннаго выше избіенія рабочихъ Даниловской мануфактуры, были столкновенія въ Новыхъ рядахъ, гдѣ полиція шашками разгоняла забастовщиковъ, тяжело ранивъ въ голову двухъ служащихъ. Было нѣсколько случаевъ столкновенія и съ черной сотней.

Изъ болѣе или менѣе крупныхъ заводовъ снимать приходилось: у Тиля, Тильманса, Пихлау и Ралле. Рабочіе примыкали охотно.

Забастовка во второй день, 8-го, развернулась такимъ образомъ до всеобщей. Стали почти всѣ промышленныя и торговыя заведенія. Въ видѣ исключенія продолжали работать только нѣкоторыя производства съ разрѣшенія Совѣта Р. Д. Булочники, напр., пекли черный хлѣбъ. На газовомъ заводѣ осталась часть рабочихъ по техническимъ условіямъ производства. Только забастовка почтово-телеграфныхъ служащихъ шла совсѣмъ на убыль, несмотря на постановленія почтово-телеграфнаго съѣзда о присоединеніи къ забастовкѣ. Когда всеобщая забастовка развертывалась во всю, почтальоны начали разносить въ Москвѣ письма. Такъ къ 8-му числу въ Москвѣ въ почтамтѣ работала одна четверть чиновниковъ; на телеграфѣ половина. Вся жизнь остановилась, а между тѣмъ письма разносили, поскольку этому не мѣшала забастовка желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ многіе низшіе служащіе почты и телеграфа продолжали держаться.

8-го декабря почтово-телеграфный союзъ обратился съ запросомъвъ Моск. С. Р. Д., прекратить ли почтово-телеграфное сношеніе Москвы съ Петербургомъ; Совѣтъ отвѣтилъ утвердительно (№ 3 „Изв. С. Р. Д.“). Но союзъ былъ уже

безсиленъ провести это рѣшеніе. Сношенія съ Петербургомъ продолжалось.

Теперь перейдемъ къ наиболѣе выдающемуся событію этого дня, послужившему поворотнымъ пунктомъ въ движеніи,—къ осадѣ народнаго митинга въ „Акваріумѣ“.

Осада „Акваріума“.

Приводимъ разсказъ одной соціалъ-демократки, бывшей на митингѣ.

„Вечеромъ 8 декабря былъ назначенъ общій митингъ въ обычномъ мѣстѣ—въ саду „Акваріумъ“.

Въ 5 ч. дня начался митингъ въ „Олимпіи“. У эстрады красовалась надпись: „Земля и Воля“. Залъ былъ освѣщенъ электричествомъ. Народу было биткомъ набито. Рѣчи были обыкновенныя „митинговыя“. Ораторы, с. р. и с. д., призывали къ немедленному выступленію, къ вооруженному возстанію. Повышеннымъ тономъ сообщали, напр., о томъ, что въ Туккумѣ сожгли 200 сонныхъ драгунъ. Возгласы „Побѣдить—или умереть“! встрѣчались толпой съ восторгомъ. Вообще чувствовалось, что публика наэлектризована, но не отъ рѣчей ораторовъ, а отъ какого то тревожнаго ожиданія, что на улицѣ что-то должно произойти.

Одна изъ говорившихъ съ трибуны произнесла очень горячую рѣчь: обрисовавъ общее положеніе Россіи, она пришла къ выводу, что единственный выходъ въ настоящій моментъ, это—вооруженное возстаніе.

Въ 8 ч. вечера открылся второй митингъ (с. д.) въ театрѣ „Акваріумъ“. Выступили ораторы с. д, и отчасти с. р. Говорили то же, что и въ „Олимпіи“, призывали къ вооруженному возстанію. Предсѣдатель, замѣтивъ, что рѣчи общаго характера производятъ слабое впечатлѣніе, предложилъ собранію выслушать нѣсколько рѣчей на опредѣленныя темы. Вызвались говорить 3 оратора, одинъ изъ нихъ—на тему о косвенныхъ налогахъ.

Выходившіе незадолго до этого на Садовую съ митинга встрѣтили пѣхотный патруль, направлявшійся отъ М. Бронной къ Тверской. Противъ „Акваріума“ солдаты останови-

лись и, простоявъ минуты три, какъ будто къ чему-то прислушиваясь, отпавились дальше.

Въ 9 час. вечера предсѣдатель сообщилъ собранію, что „Акваріумъ“ обложенъ войсками, и предупредилъ, что выхода изъ сада нѣтъ. Это извѣстіе вызвало въ залѣ волненіе, хотя и не сильное. Очень многіе стали уходить, и имъ удавалось безпрепятственно выбраться на улицу: очевидно, солдаты пропускали.

Предсѣдатель призывалъ оставшихся сидѣть спокойно и, чтобы подбодрить публику, предложилъ спѣть „марсельезу“. Пѣніе вышло далеко не стройнымъ. Продолжали выходить. Собраніе (осталось человѣкъ 1000) спокойно выслушало намѣченныя три рѣчи, и въ 10 ч. митингъ былъ объявленъ закрытымъ. Никакихъ указаній, въ какомъ порядкѣ выходить, какъ себя вести, предсѣдатель при этомъ не давалъ, публика, въ свою очередь, тоже отъ него ничего не требовала.

Выходимъ во дворъ. Тамъ толпится масса народу, тысячи четыре—вышли съ митинга и изъ „Олимпіи“. Была свѣтлая ночь, выпалъ первый снѣгъ. Идемъ къ однимъ воротамъ—заперты, къ другимъ и третьимъ—то же. Нѣкоторые говорили: „Пропускаютъ, но только обыскиваютъ“; другіе предлагали уходить черезъ заборъ, что многіе и дѣлали, въ томъ числѣ дружинники и партійные ораторы. Преобладало мнѣніе, что выходить не слѣдуетъ: во первыхъ мы не гарантированы, что солдаты насъ не изобьютъ, а если и удастся уйти отъ нихъ, то разорветъ черная сотня: у всѣхъ еще были въ памяти октябрьскіе черные дни. Толпа, оставшись безъ предсѣдателей и ораторовъ, чувствовала, что у нея нѣтъ руководителей и ждала указаній извнѣ.

Въ это время кто-то изъ толпы далъ по направленію къ улицѣ нѣсколько выстрѣловъ. Сейчасъ же раздались отвѣтные выстрѣлы со стороны стоявшихъ на улицѣ солдатъ, выстрѣловъ 15, не больше. Никто раненъ не былъ. Толпа вела себя превосходно, не было ни взвизгиваній, ни паники, и только крикнули солдатамъ: „Это выстрѣлы провокаторскіе!“ На дворѣ было очень холодно, мы рѣшили вернуться въ театръ, чтобы что-нибудь предпринять. Къ этому времени толпа значительно порѣдѣла и въ залъ вошло не больше 1000 человѣкъ.

Въ залѣ было темно: электричество было погашено. У кого-то нашелся въ карманѣ огарокъ, его зажгли и открыли пренія по вопросу о томъ, на какихъ условіяхъ намъ слѣдуетъ выйти изъ „Акваріума“. Пренія велись безъ предсѣдателя. Толпа уже не относилась къ ораторамъ съ тѣмъ почтеніемъ и вниманіемъ, съ какимъ слушаетъ ихъ обыкновенно на митингахъ—чувствовалось, что толпа готова взять свою судьбу въ свои руки. Одинъ изъ ораторовъ предложилъ остаться здѣсь всю ночь: „утромъ придетъ народъ и выручитъ насъ“, сказалъ онъ. Большинствомъ, однако, было рѣшено предъявить командиру отряда наши условія: насъ должны выпустить безъ обыска и гарантировать неприкосновенность личности. Выбрали парламентера, и отправили къ войскамъ. Тотъ вскорѣ вернулся и передалъ категорическое требованіе—пусть всѣ выйдутъ черезъ обыскъ. Раздались голоса: „Незачѣмъ вступать въ переговоры съ офицеромъ—вѣдь это то же правительство, съ которымъ мы ведемъ войну“. Имъ возражали: „Мы—отрядъ, попавшій въ неудобное положеніе, и намъ приходится сдаться; это бываетъ и на войнѣ, и унизительнаго тутъ ничего нѣтъ“.

Во время этихъ обсуженій приходятъ посланные отъ с. д. и с. р. дружинъ и предлагаютъ подчиниться обыску, потому что дружины помочь не могутъ. Одинъ ораторъ воскликнулъ: „Товарищи! Если мы здѣсь умремъ, то завтра даже самые благонамѣренные возьмутся за оружіе“.

Около 12 ч. ночи пренія были прерваны замѣчаніемъ изъ толпы: „Вы вотъ тутъ говорите, а солдаты уже на дворѣ“. Въ залъ входятъ солдаты съ ружьями безъ офицера. Они вошли тихо и стали въ глубинѣ зала, освѣщенные зажженной бумагой, которую они держали въ рукахъ. Изъ темной половины зала раздались было апплодисменты и привѣтственные крики: „Солдаты къ намъ пришли!“ Тѣ не шелохнулись. Толпа поняла, что солдаты пришли, не какъ товарищи, но продолжала спокойно сидѣть на своихъ мѣстахъ. Кто-то замѣтилъ: „Солдаты, пожайлуста, осторожнѣе съ огнемъ!“ Была попытка обратиться къ нимъ съ рѣчью, но публика остановила оратора: это, дескать, можетъ возстановить солдатъ противъ толпы. Простоявъ минутъ 5-10, солдаты удалились.

Едва они успѣли уйти, какъ въ залъ уже не вошли, а

ворвались солдаты съ ружьями, впереди нихъ вбѣжали нѣсколько пожарныхъ, освѣщая дорогу факелами, а за ними усатый приставъ съ звѣрскимъ лицомъ, грубо бросившій толпѣ: „Ну! Вонъ!“—и скомандовалъ солдатамъ очистить залъ. Часть публики сейчасъ же подчинилась и стала быстро выходить. Тѣхъ, кто замѣшкались, выталкивали солдаты.

По двору мы проходили сквозь строй солдатъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ шпалерами. Солдаты были, повидимому, добродушно настроены и держали себя корректно. При выходѣ изъ сада стояли три пары городовыхъ и ощупывали выходящихъ. Нѣкоторые пробовали съ ними шутить: „Городовые, когда вы забастуете?“ Тѣ огрызались: „Молчать, не разговаривать, а то получишь!“ Обыскъ былъ не пріятный. Довольно тщательно обыскивали мужчинъ, женщинъ обыскивали унизительно. Пропускали въ двухъ мѣстахъ.

Въ палисадникѣ за воротами не давали останавливаться. Тамъ стояли человѣкъ 10—15 солдатъ Астраханскаго полка и били всѣхъ проходившихъ мимо нихъ: кто кулакомъ, кто прикладомъ по ногамъ. Нѣкоторые отъ ударовъ падали. На улицѣ только командовали: „Направо!“ или „налѣво“! Налѣво—значитъ свободенъ, направо—арестованъ. Всего такихъ арестованныхъ было чел. 45-50; у нихъ отобрали револьверы и на другой день почти всѣхъ выпустили.

Ко мнѣ подбѣжалъ маленькій солдатикъ и ударилъ по затылку. Хотѣлъ и второй ударить, но какой-то чинъ въ сѣромъ пальто сказалъ, поморщившись: „Не надо“. Это „не надо“, этотъ снисходительный тонъ пожалѣвшаго меня офицера или пристава меня такъ оскорбилъ, что у меня навернулись слезы на глазахъ. На мнѣ было старенькое пальто и платокъ—можетъ быть меня приняли за работницу.

Вся Садовая вплоть до М. Бронной была запружена драгунами и пѣхотой. Въ Ермолаевскомъ пер. тоже стояли драгуны—насъ туда не пустили. Публики никого, и только на М. Бронной робко жмутся люди и встревоженными голосами спрашиваютъ: „Вы изъ „Акваріума“? Ну, что тамъ дѣлается?“

Пьяные драгуны налетаютъ на собирающіяся кучки людей и разгоняютъ ихъ нагайками. При этомъ бьютъ мимоходомъ и идущихъ изъ „Акваріума“, если кто изъ нихъ подвернется подъ руку!

Большая часть участниковъ митинговъ въ „Олимпіи“ и „Акваріумѣ“, числомъ до 3000 человѣкъ, какъ сообщаетъ „Жизнь“ (отъ 19 декабря), въ томъ числѣ большинство изъ боевыхъ дружинъ, чтобы избѣжать обыска, выбрались изъ сада черезъ заборъ и пробрались на свободныя отъ войска улицы. Очень многіе изъ выходившихъ черезъ установленные выходы успѣли сдать бывшее при нихъ оружіе дружинникамъ. Многіе перебрались въ Комиссаровское училище. Войска, обложившіе „Акваріумъ“, замѣтили это лишь много спустя. Казаки и полиція были переведены въ Благовѣщенскій пер., къ входу въ училище. Войска простояли передъ училищемъ до 2-хъ час. ночи, полиція—до 3-хъ час., затѣмъ были уведены. Укрывшіеся въ училищѣ провели тамъ ночь, и утромъ разошлись небольшими группами“.

Такимъ образомъ въ „виды“ правителей первопрестольной столицы въ этотъ день еще не входилъ массовый терроръ. Власти выпустили на время добычу или потому, что растерялись и не знали какой курсъ взять, или же потому, что осуществляли замыслы „великихъ провокаторовъ“ Фонтанки и Каменнаго острова, и, твердо разсчитывая, что движеніе—не безъ помощи соотвѣтствующихъ „агентовъ“—приметъ болѣе рѣзкія формы, надѣялись съ лихвой вознаградить себя въ дальнѣйшемъ. Событія слѣдующихъ дней дадутъ читателю возможность остановится на одномъ изъ этихъ возможныхъ объясненій „мягкости“ московскаго кроваваго адмирала, проявленной имъ по отношенію къ скрывавшимся въ домѣ Комиссарова завѣдомымъ „бунтовщикамъ“.

IV.

Третій день, 9 декабря. Первыя баррикады.

Осада митинга въ „Акваріумѣ“ дала матеріалъ для массы толковъ, и на слѣдующій день всевозможныя версіи этого событія не сходили съ устъ обывателей. Толъко болѣе крупныя событія оттѣснили эти разговоры на задній планъ. Появленіе на улицахъ драгунъ, разсказы о происходящихъ стычкахъ въ разныхъ концахъ города—все это производитъ на публику свое дѣйствіе, и настроеніе дѣлается все болѣе тревожнымъ. Одно сообщеніе о приближеніи войска или полиціи способно вызвать панику. Публики на улицахъ по прежнему много, но вышла она на улицу видимо только потому, что дома не сидится. Неизвѣстность хуже опасности. Нервы взвинчены. Всякій рѣзкій звукъ заставляетъ публику вздрагивать и тревожно оглядываться по сторонамъ. Достаточно кому-либо крикнуть: „казаки“, и вся масса стремглавъ бросается куда попало. Видя это, извощики тоже мчатся сломя голову. Черезъ нѣсколько минутъ испугъ проходитъ, но не надолго.

Это можно было наблюдать, напримѣръ, на Тверской въ третьемъ часу дня. Отъ генералъ-губернаторскаго дома къ Тріумфальнымъ воротамъ проходила маленькая группа—человѣкъ 20 демонстрантовъ, большею частью подростковъ, съ краснымъ знаменемъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Завидя ихъ еще издали, публика бросается прочь съ Тверской, укрываясь по переулкамъ, опасаясь, что каждую минуту на манифестантовъ могутъ напасть войска и тогда достанется всѣмъ. Убѣдившись, что войскъ нѣтъ, всѣ постепенно возвращаются на Тверскую и сопровождаютъ шествіе

но не присоединяясь къ нему, а идя сплошной массой по панели.

Вчерашній инцидентъ въ Акваріумѣ несомнѣнно обострилъ отношенія между сторонами. Такъ дружинники, до этого лишь кое-гдѣ и отъ времени до времени разоружавшіе городовыхъ и убивавшіе ихъ въ рѣдкихъ случаяхъ (это имѣло мѣсто и до забастовки, напр., въ ночь на 4 и 5 декабря),—съ вечера этого дня стали разоружать систематически, о чемъ въ 8 часовъ вечера состоялось постановленіе Коалиціоннаго Совѣта дружинъ. Впрочемъ въ эти дни городовыхъ уже не было на постахъ; лишь мѣстами ихъ можно было видѣть, и то не иначе, какъ группами въ 4—5 человѣкъ. Кстати сказать, въ Москвѣ дружинники именно при разоруженіи городовыхъ первые начали примѣнять требованіе поднимать руки,—пріемъ, имѣющій въ виду обезопасить себя при встрѣчѣ съ противникомъ.

Фабрики и заводы стали совсѣмъ, прекратили работу и мелкія, промышленныя заведенія; забастовали послѣднія 14 предпріятій въ Лефортовѣ; а въ подмосковной деревнѣ Черкизовѣ, гдѣ наканунѣ забастовка „не прошла“, половина фабрикъ бросили работу. Всюду на большихъ фабрикахъ и заводахъ происходятъ многолюдные митинги рабочихъ. Были митинги на Прохоровской мануфактурѣ, у Говардовскаго, Мамонтова, Грачева, Геннера, Пальма, на Даниловскомъ Сахарномъ заводѣ и въ Брестскихъ мастерскихъ. У Гюбнера на митингѣ былъ арестованъ ораторъ, но по требованію депутатовъ освобожденъ.

Кое-гдѣ на митингахъ слышатся жалобы навздорожаніе продуктовъ, особенно муки. Такъ сегодня на митингѣ въ Брестскихъ мастерскихъ приводились случаи, когда лавочники поднимали значительно цѣны. Рѣшено обратиться въ С. Р. Д. съ просьбой организовать доставку муки изъ провинціи—для этой цѣли должны снаряжаться поѣзда. На этотъ же митингъ пришли военный докторъ, инженеръ и начальникъ санитарнаго отряда съ просьбой— отправить поѣздъ съ ранеными, возвращающимися съ Дальняго Востока. Отношеніе къ ожидаемой вооруженной борьбѣ выразилось въ слѣдующіемъ постановленіи: всякій, кто сдѣлаетъ выстрѣлъ безъ разрѣшенія предсѣдателя или начальника боевой дружины—долженъ быть казненъ; затѣмъ рѣшено еже-

дневно собирать на оружіе и отдавать въ Исп. Комитетъ Совѣта Раб. Депутатовъ. Тутъ же было собрано на оружіе 7 руб.

Въ Бутырскомъ районѣ сегодня преобладаютъ митинги по отдѣльнымъ заводамъ. Послѣ митинга расходятся съ красными флагами. Въ Городскомъ районѣ рабочіе табачныхъ фабрикъ собирались на митинги вмѣстѣ. Заканчивались тоже шествіемъ съ знаменами и пѣснями. Настроеніе повышенное; собираютъ на оружіе; на митингѣ у Бостонжогло собрали на оружіе 110 руб.

Изъ Замоскворѣцкаго района сообщаютъ, что вчера вечеромъ стала Павелецкая (Ряз.-Уральская) дорога. Рабочіе требуютъ устройства митинговъ, но организованное бюро этой дороги, куда входитъ много либераловъ, всячески откладываютъ общее собраніе служащихъ и рабочихъ. Рабочіе рѣшили собраться самостоятельно, если бюро будетъ откладывать дальше. Многіе рабочіе на Павелецкой дорогѣ не понимаютъ, чѣмъ вызвана забастовка. Циндельскіе рабочіе вошли въ болѣе тѣсное общеніе съ „охраняющими“ ихъ драгунами и солдатами. Тѣ обѣщали въ рабочихъ не стрѣлять и охранять ихъ собранія отъ нападеній. У Цинделя ежедневно происходитъ нѣсколько митинговъ. На Даниловской мануфактурѣ крѣпко засѣлъ вражескій штабъ *). Сегодня у входа тамъ обыскивали рабочихъ, и если находили оружіе, избивали и арестовывали. На многихъ заводахъ Замоскворѣцкаго района сегодня митинги. Настроеніе хорошее—требуютъ болѣе активныхъ дѣйствій. Выбирали депутатовъ въ Сов. Раб. Деп. Работаютъ только на трехъ маленькихъ заводахъ съ общимъ количествомъ рабочихъ 300 чел.

Въ Прѣсненскомъ районѣ преобладаетъ бодрое настроеніе. Продолжаются митинги. На Прохоровской фабрикѣ есть знамена С. Д. партіи. Кухню украшаютъ флаги съ надписями: „Да здравствуетъ Учред. Собраніе“ Р. С. Д. Р. П. „Жить въ свободѣ—умереть въ борьбѣ“. На митингѣ у М. Пальма рѣшено требовать расплаты звонкой монетой и выдачи штрафного капитала для того, чтобы изъ него оказывать помощь товарищамъ. На остальныхъ фабрикахъ также происходятъ митинги. Выбираютъ депутатовъ въ Совѣтъ, гдѣ еще не выбрали. („Извѣстія С. Р. Д.“).

*) Корреспондентъ „Изв. С. Р. Д.“, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія, имѣетъ въ виду очевидно черную сотню.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше фактовъ, относящихся къ первымъ днямъ забастовки, во многихъ случаяхъ рабочіе тотчасъ послѣ прекращенія работъ, а иногда и раньше (у Цинделя) приступили къ изготовленію холоднаго оружія, для обороны противъ черной сотни и полиціи. Но имѣя такое оружіе, они понимали нецѣлесообразность активно-наступательныхъ массовыхъ дѣйствій. Хорошо понимали они, также и то, что шансы на успѣхъ могутъ быть только въ томъ случаѣ, если на ихъ сторону перейдетъ часть войска.

При такомъ настроеніи рабочихъ массъ становится понятнымъ, почему они такъ чутко относились ко всякому факту, указывающему на сочувственное или хотя бы только пассивное отношеніе солдатъ, почему рабочіе такъ жадно прислушивались къ сообщеніямъ о томъ, что происходитъ въ войскахъ и охотно подхватывали и передавали всякіе слухи о томъ, что войска отказываются стрѣлять въ рабочихъ и готовы перейти на ихъ сторону.—Одинъ Сытинскій рабочій разсказываетъ, что 9 декабря во время происходившаго у нихъ въ типографіи митинга, было сообщено, что изъ Александровскихъ казармъ по Б. Серпуховской по направленію къ Цинделю, идутъ солдаты съ оркестромъ, играющимъ марсельезу. Всѣ думали, что онъ шелъ присоединиться къ рабочимъ. Отъ митинга была послана делегація къ солдатамъ просить ихъ присоединиться. Но депутація опоздала — до солдатъ уже нельзя было добраться. Пріѣхалъ Малаховъ, окружилъ пѣхотинцевъ казаками и драгунами, вернулъ ихъ обратно на плацъ передъ казармами и здѣсь передалъ имъ, что—„государь императоръ надѣется на ихъ вѣрность присягѣ“, „обѣщалъ мыло, по стакану водки“. Солдаты покрыли рѣчь Малахова криками „ура“ и вернулись въ казармы. „Послѣ этого ихъ уже не выпускали оттуда“, заключилъ рабочій свой разсказъ. Имѣются всѣ основанія думать, что этотъ фактъ—шествіе солдатъ съ марсельезой дѣйствительно имѣлъ мѣсто: онъ напечатанъ въ „Извѣст. С. Р. Д.“ въ тотъ же день, 9 декабря. Косвенное подтвержденіе мы находимъ въ „Нов. Времени“, которое сообщило, что командующій войсками Малаховъ передъ фронтомъ Кіевскаго и Таврическаго гренадерскихъ полковъ читалъ царскую телеграмму и „успокаивалъ“ солдатъ.

Въ свѣдѣнія, имѣющіяся въ организаціи, попало мжд у

прочимъ сообщеніе, что въ этотъ же день имѣлъ мѣсто случай столкновенія казаковъ съ драгунами. „Казаки въ количествѣ 500 человѣкъ ѣхали по Новинскому бульвару и, встрѣтившись съ толпою, получили отъ командующаго полицейскаго чина приказаніе—стрѣлять. Казаки вступили въ переговоры съ толпой и затѣмъ по командѣ унтера повернули назадъ и уѣхали. Медленно уѣзжавшихъ казаковъ толпа провожала криками „ура“. Эта часть сообщенія, очевидно, вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, но далѣе говорится: на Кудринской площади казаки столкнулись съ драгунами. Тѣ хотѣли ихъ повернуть обратно, но казаки приняли ихъ въ нагайки.—На мѣстѣ остались три драгуна“. Повидимому, здѣсь мы имѣемъ дѣло со слухомъ, продиктованнымъ вѣрой въ то, во что хочется вѣрить. Эта довѣрчивость ко всѣмъ извѣстіямъ о томъ, что войска, хоть въ части своей „братья—народа“ тѣмъ болѣе поразительна, что въ разныхъ частяхъ города происходятъ такія же, какъ и въ первые дни, „разсѣянія“ толпы патрулями всѣхъ родовъ оружія. На Тверской толпа хотѣла освободить арестованныхъ, которыхъ везли въ полицейской каретѣ, но была разогнана драгунами, причемъ была ранена арестованная курсистка. На Неглинномъ толпа хотѣла обезоружить городового. Драгуны напали на толпу, но... были встрѣчены выстрѣлами дружинниковъ. Это было чуть не единственное сопротивленіе, оказанное войску—усмирителю.

Но къ вечеру происходитъ событіе, послужившее толчкомъ, направившимъ толпу на постройку баррикадъ и открывшее эру уличной борьбы.

Мѣстомъ этого событія была Страстная площадь, которая вообще въ исторіи революціоннаго уличнаго движенія въ Москвѣ за послѣдніе годы играла выдающуюся роль. Все уличное движеніе 1905 года также прошло мимо памятника великаго русскаго писателя.

Къ вечеру на площади собралась толпа въ 300—400 чел. Начались рѣчи. Вдругъ съ двухъ сторонъ появились драгуны. Изъ толпы имъ кричали „братья, не трогайте насъ; переходите къ намъ!“ Драгуны проѣхали мимо, никого не тронувъ; но черезъ четверть часа они появились въ большемъ количествѣ и, аттаковали толпу. Толпа разсѣялась; часть ея (чел. 50) нашла пріютъ въ павильонѣ трамвая на той же пло-

щади. Драгуны требовали, чтобы они сдались, и, получивъ отказъ, направили внутрь нѣсколько залповъ и ускакали. Въ результатѣ молодецкой аттаки оказался убитымъ одинъ ученикъ Комиссаровскаго училища и нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Какое дѣйствіе это оказало на толпу, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа очевидца.

„Мнѣ случилось возвращаться домой 9 декабря, въ седьмомъ часу вечера отъ Старыхъ Тріумфальныхъ воротъ по Тверской. На улицѣ, была масса народа, то стоявшаго на панеляхъ или на улицѣ, то медленно двигавшаяся, по большей части по направленію къ Страстной площади. Все было погружено въ кромѣшную тьму. Свѣтились слабые огоньки лишь кое-гдѣ въ окнахъ квартиръ, выходящихъ по фасаду Тверской улицы. Всѣ магазины были заперты и окна ихъ загорожены деревянными щитами. Въ толпѣ чувствовалось приподнятое настроеніе. Въ массѣ это былъ рабочій людъ, молодежь, приказчики. Когда мы дошли до Страстной площади, окаймлявшая ее толпа оказалось въ еще болѣе возбужденномъ и какъ бы ожесточенномъ настроеніи: только что произошло столкновеніе съ отрядомъ драгунъ. Толпа шумѣла. По адресу драгунъ слышались проклятія: „убійцы“, „негодяи“.. Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли, какъ Страстная площадь, погруженная до сихъ поръ въ глубокій мракъ, освѣтилась отблескомъ, казалось, костра: толпа поджигала павильонъ, сыгравшій роль ловушки. Предварительно вынесли изъ него мебель жившаго тамъ сторожа и облили стѣны керосиномъ. Павильонъ началъ загораться. Толпа, увидѣвъ это, зашумѣла, сильнѣе. Прошло еще нѣсколько минутъ— и послышались колокольцы пожарныхъ командъ. Пріѣхали 3 части и быстро залили водой загорѣвшееся строеніе.

Толпа не препятствовала. Но здѣсь ей уже нечего было дѣлать. Начался обратныйтокъ по направленію къ Старымъ Тріумфальнымъ воротамъ. Тамъ возникло какое-то препятствіе. Послышались выстрѣлы. Тогда толпа сосредоточилась болѣе тѣсно противъ дома Гиршмана и принялась строить баррикады. Откуда-то притащили нѣсколько бочекъ, досокъ, разной деревянной и металической рухляди. Баррикада была крайне несовершенна, но эта была первая баррикада. Сдѣлавъ далѣе нѣсколько шаговъ впередъ, толпа выдвинулась на Трімфальную площадь. Здѣсь также была масса народа.

Приступили къ сокрушенію телеграфныхъ столбовъ и стали перегораживать и переплетать улицу проволокою. Это происходило около 8—9 часовъ вечера.

Баррикады строили, какъ попало, безъ всякой системы. Рабочій, присутствовавшій при началѣ постройки одной изъ баррикадъ у Тріуфальныхъ воротъ, такъ передаетъ эту сцену. „На углу Садовой, у Тверской стояли кучки сознательныхъ рабочихъ. Тутъ же толпилась публика. Вышелъ одинъ изъ-публики и сказалъ довольно чепушистую рѣчь, въ которой призывалъ строить баррикады. Толпа бросилась строить. Я удивился, добавилъ онъ, такъ какъ вечеромъ 9 декабря не было еще приказа строить баррикады ни отъ Сов. Раб. Деп., ни отъ другихъ организацій".

Врачъ одного санитарнаго отряда такъ рисуетъ описываемомент.

9-го декабря вечеромъ проходимъ по Б. Садовой и видимъ характерную картину: возлѣ воротъ виднѣются кучки—дворники, кухарки. У „Акваріума" стоитъ толпа. Видъ совершенно необычный, чувствуется какая то новая атмосфера. Какіе то люди тащатъ рѣшетки, вывѣски, валятъ телеграфные столбы, обрубаютъ проволоки. По всей площади стоятъ группы въ 50—100 человѣкъ, одна кучка въ 30—40 человѣкъ поетъ, снявъ шапки: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой". Въ центрѣ ея стоитъ человѣкъ и управляетъ хоромъ. Неподалеку городовой, но безъ шашки и также съ обнаженной головой. И онъ или раздѣлялъ или поддѣлывался подъ общее настроеніе.

Приводимъ также разсказъ другого участника санитарнаго отряда...

„Это было 9-го декабря вечеромъ еще до постройки баррикадъ, мы ѣхали въ Управу на извощикѣ. Когда доѣхали до Кудрина, извощикъ говоритъ, что по Садовой не повезетъ: „тамъ стрѣляютъ, еще убьютъ". Онъ обвезъ насъ переулками. На Тверской стояла толпа человѣкъ въ 200. Когда мы пересѣкли улицу, за нами раздался трескъ и грохотъ: это стали строить баррикады. Когда мы часа черезъ два вышли съ санитарнымъ отрядомъ изъ Управы на улицу, то нашъ отрядъ подвергся обстрѣлу изъ дома Хомякова, на углу Тверской и Садовой. Оказывается, въ этомъ домѣ засѣли драгуны и полиція еще до постройки баррикадъ. Пока послѣднія строи-

лись, драгуны не заявляли о себѣ. А какъ только постройка баррикадъ была окончена, они открыли огонь. На Тверской слышались выстрѣлы: солдаты обстрѣливали Пименовскій пер. и Тверскую. Было уже нѣсколько убитыхъ; говорятъ, убили извощика наповалъ. За два часа было 8 раненыхъ. У воротъ дома Гиршмана и другихъ домовъ дежурили жильцы и добровольно несли санитарную службу: подбирали раненыхъ, вносили ихъ во дворъ и вообще дѣятельно помогали санитарнымъ отрядамъ. Чуть не въ каждомъ дворѣ былъ перевязочный пунктъ. Меня удивило, что солдаты стрѣляли залпами, а въ отвѣтъ имъ раздавалась жидкая дробь револьверная: повидимому, это были неорганизованные дружинники. Баррикады были сдѣланы кое-какъ и въ серединѣ оставлялся пролетъ, чтобъ можно было проѣхать извощику".

Около 11 часовъ вечера войска начали брать баррикады. Брали ихъ слѣдующимъ образомъ: Вдоль по улицѣ ѣхала карета съ прожекторомъ направленнымъ на баррикады. Позади ея ѣхали драгуны и стрѣляли въ предполагаемыхъ защитниковъ баррикадъ. Кромѣ того съ несомнѣнностью былъ установленъ тотъ фактъ, что по дружинникамъ и просто по толпѣ, стоявшей на площади у Тріумфальныхъ воротъ стрѣляли изъ нѣкоторыхъ близъ лежащихъ домомъ засѣвшіе тамъ драгуны и переодѣтые городовые. Показанія нѣсколькихъ очевидцевъ сходятся въ томъ, что и въ Акваріумѣ также засѣли казаки и драгуны еще до постройки баррикадъ.

Изложенная картина развитія событія на вопросъ, **кто** и **зачѣмъ** строилъ первыя баррикады заставляетъ отвѣтить: уличная, неорганизованная толпа, возмущенная избіеніями и убійствами, произведенными драгунами,—въ цѣляхъ защиты отъ этихъ послѣднихъ. Но слѣдующія показанія устанавливаютъ участіе и силъ организованныхъ: съ одной стороны— это сознательные рабочіе и дружинники, а съ другой— агенты тѣхъ, кто властвуетъ надъ страной во имя „охраненія общественной безопасности и порядка".

Начальникъ одной дружины разсказываетъ: „Выѣзжая изъ Воротниковскаго пер., на Садовую въ 10 час. вечера 9 декабря я услышалъ пѣніе и шумъ приближающейся толпы. Извощикъ остановилъ лошадь. По Садовой, направляясь къ Тріумфальнымъ воротамъ, мимо насъ прошла скорымъ шагомъ толпа человѣкъ въ 150; она пѣла вполголоса „Вставай, по-

дымайся", за ней черезъ нѣсколько минутъ вторая толпа, но поменьше (чел. 70), съ пѣніемъ „похороннаго марша". Эта толпа шла также скоро какъ и первая, какъ будто направляясь куда то въ опредѣленое мѣсто: очевидно она шла строить баррикады".

„Проходя площадь въ 9 часовъ вечера, я замѣтилъ, говоритъ другой очевидецъ,—что желѣзная рѣшетка у фонтана была сломана и на углу Тверской и Садовой изъ нея строили баррикаду. На мой вопросъ обращенный къ одному рабочему, что̀ здѣсь дѣлается, онъ сказалъ, что дружинники здѣсь и на Страстной площади поджидаютъ драгунъ, которые застряли въ Палашевскомъ пер. и не двигаются оттуда".

Но вотъ показанія о другого типа организованной силѣ. „Часа въ два ночи на 10 дек. мы проходили у Тріумфальныхъ воротъ. Около баррикады, противъ дома Орлова, мы видимъ на снѣгу дорожку крови, которая тянется и пропадаетъ въ сосѣднихъ воротахъ. Мы спрашиваемъ, что тутъ случилось. Изъ толпы намъ отвѣчаютъ: „Убили слесаря одного, онъ тутъ вотъ и живетъ. Вышелъ онъ за ворота съ трубочкой. Какіе то пять человѣкъ строютъ баррикаду. Увидали его и говорятъ: „Помоги, милый человѣкъ". Онъ пошелъ къ нимъ, помогъ: пронесли они какую то вывѣску, ларь притащили. Онъ тоже тутъ все помогалъ. Вдругъ одинъ изъ этихъ пятерыхъ взялъ, да и пырнулъ его въ бокъ кинжаломъ; убилъ наповалъ".

Приведемъ еще одно показаніе очевидца, могущее намъ кое-что уяснить. Незадолго до нападенія войскъ на баррикады, около главной баррикады на углу Тверской и Садовой какія то лица приглашали стоявшихъ поодаль дружинниковъ подойти къ нимъ защищать баррикады. Когда тѣ подошли, отъ баррикадъ по нимъ былъ сдѣланъ почти въ упоръ, револьверный залпъ. Нѣсколько человѣкъ упало.

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ сильное основаніе полагать, что рабочій, говорившій доктору про первые выстрѣлы изъ за баррикадъ: „это выстрѣлы провокаторскіе и баррикады провокаторскія", былъ несовсѣмъ не правъ.

Разрушивъ баррикады, драгуны разъѣзжали по улицамъ и безпорядочно стрѣляли во всѣ стороны. Между 12 и 2 часами ночи шла почти непрерывная пальба по Тверской и Садовой отъ Тріумфальныхъ воротъ. Затѣмъ стихло.

Какая то кучка людей чинитъ разрушенную баррикаду. Улицы, погруженныя во мракъ, кажутся загадочными, таинственными. На каждомъ углу можно наткнуться на засаду.

Изъ окна трактира на углу Воротниковскаго пер. и Садовой падаетъ свѣтлая полоса на снѣгъ. Идетъ какой то человѣкъ, съ виду рабочій: Едва попалъ онъ въ эту свѣтлую полосу, раздается одиночный револьверный выстрѣлъ. Человѣкъ какъ то нелѣпо взмахнулъ руками и упалъ на снѣгъ".

Завидѣвъ издали людей, какъ то боишься приближаться къ нимъ: не знаешь—враги или друзья? И жутко пробираться по совершенно омертвѣвшимъ улицамъ.

Но генералъ-губернаторъ и его присные пребывали въ дѣятельности. У Дубасова ночью происходило совѣщаніе, на которомъ рѣшено принять „самыя крайнія мѣры" для подавленія возстанія и принято предложеніе предсѣдателя „союза русскихъ людей" кн. Щербатова—образовать милицію, подчиненную мѣстной участковой полиціи.

V.

Разгромъ дома Фидлера.

Вечеръ этого дня 9-го декабря ознаменовался небывалымъ для Москвы, хотя и много видѣвшей, событіемъ: артиллерійскимъ огнемъ былъ разгромленъ домъ Фидлера. Этотъ домъ сыгралъ довольно крупную роль въ послѣдніе мѣсяцы, и хорошо извѣстенъ большинству москвичей. Здѣсь быкновенно происходили митинги, партійныя и союзныя собранія, читались лекціи и рефераты.

Постоянно, начиная съ октябрьскаго черносотеннаго движенія въ Москвѣ, здѣсь дежурили дружины для охраны собраній. Въ этотъ день сюда должны были собраться желѣзнодорожные служащіе на митингъ, а также дружинники.

Относительно цѣли собранія въ этотъ вечеръ „всевѣдущее“ „Новое Время“ писало:

„Планъ революціонеровъ заключался, какъ говорятъ, въ томъ чтобы сегодня на разсвѣтѣ захватить Николаевскій вокзалъ и взять въ свои руки сообщеніе съ Петербургомъ, а затѣмъ боевая дружина должна была идти изъ дома Фидлера, чтобы завладѣть зданіемъ думы и государственнымъ банкомъ и объявить временное правительство. Завладѣнію зданіемъ думы должны были помочь рабочіе. Въ домѣ Фидлера былъ митингъ, на который собралось человѣкъ 500“.

„Внушенность“ этого сообщенія, внѣ сомнѣнія. Въ главѣ III мы узнаемъ, что активная цѣль, и то лишь, части сорвавшихся у Фидлера, была очень скромная: съ сборнаго пункта въ д. Фидлера двинуться, раздѣлившись на мелкіе отряды, на разоруженіе городовыхъ.

Здѣсь мы сообщимъ факты осады и разгрома.

Незадолго до 8 час. въ домѣ Фидлера собралось человѣкъ 00 дружинниковъ, санитаровъ и пришедшей на митингъ пу-

блики. Было около 70 желѣзно-дорожныхъ рабочихъ. Остальные, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь. Женщинъ было человѣкъ 10, изъ нихъ 2 гимназистки. Одна изъ участницъ такъ разсказываетъ пережитое ею въ эту страшную ночь.

„Собраніе было назначено въ 9 час. вечера. Въ ожиданіи, пока соберутся всѣ, одна половина пришедшихъ раньше занималась пѣніемъ, внизу въ рекреаціонномъ залѣ, подъ аккомпаниментъ рояля, а другая половина ужинала въ подвальномъ этажѣ. Только часовые были на своихъ мѣстахъ, внутри зданія.

Въ девятомъ часу намъ сообщили, что зданіе окружено войсками. Мы выбѣжали на лѣстницу и увидали, что главный входъ занятъ солдатами, а въ вестибюлѣ полукругомъ расположились городовые, пристава, околодочные, шпіоны и переодѣтые жандармы. Дружинники стояли на лѣстницѣ и переругивались съ полиціей. Полиція требовала, чтобы всѣ сдались, и заявили, что они будутъ отведены въ участокъ. Дружинники настаивали, чтобы пришедшіе удалились изъ зданія. Полиція и драгуны вышли на улицу. Мы занимали всю лѣстницу, ведущую наверхъ. На нижнія ступени сверху сейчасъ же полетѣли парты, изъ которыхъ образовалась баррикада.

Стали совѣщаться, сдаваться или нѣтъ. Мнѣнія раздѣлились. Начальники дружинъ послали парламентеровъ, которые предложили войскамъ, что сдадутся желающіе. Офицеръ отвѣтилъ, что не признаетъ частичной сдачи и требуетъ, чтобы сдались всѣ. Тогда одинъ изъ начальниковъ, стоя на верхней площадкѣ, нѣсколько разъ спрашивалъ собраніе, желаютъ ли сдаваться или нѣтъ, и каждый разъ онъ получалъ единодушный отвѣтъ: „желаемъ бороться до послѣдней капли крови. Лучше умереть всѣмъ вмѣстѣ.“ Больше всѣхъ при этомъ волновались дружинницы изъ сборной и кавказской дружины: онѣ ни за что не хотѣли сдаваться.

Между прочимъ, начальникъ дружины сообщилъ, что онъ подслушалъ сейчасъ разговоръ по телефону съ охраннымъ отдѣленіемъ. Оттуда говорили: „Переговоры—переговорами, а все таки всѣхъ перерубить“.

Опять выслали парламентеровъ съ отвѣтомъ: „Отказываемся сдаться“.

Тогда снова въ зданіе вошли полиція, шпіоны и драгуны,

съ двумя офицерами во главѣ. Офицеръ предложилъ всѣмъ женщинамъ уйти. 2 сестры милосердія хотѣли было уйти, но дружинники имъ отсовѣтовали: „Все равно васъ на улицѣ растерзаютъ“. Въ этотъ моментъ, наши часовые, стоявшіе въ 4-мъ этажѣ, крикнули намъ сверху, что привезли пушки. Было уже $10^1/_2$ час. Офицеръ заявилъ:

— Мы будемъ стоять, пока дружинники не начнутъ стрѣлять первые.

Дружинники отвѣтили:

— И мы будемъ стоять, пока вы не начнете стрѣлять.

Мы надѣялись продержаться до 11 часовъ вечера, когда, какъ говорили, должна была прійти на выручку дружина. Въ крайнемъ случаѣ разсчитывали продержаться даже до утра.

Всѣ думали въ ту минуту, что кончится какъ вчера въ „Акваріумѣ“. Никому и въ голову не приходило, что черезъ нѣсколько минутъ въ насъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ. Офицеры изволили „шутить“.

— Вы хотите уходить? спросилъ одинъ изъ офицеровъ двухъ гимназистокъ изъ санитарнаго отряда.

— Нѣтъ, намъ и здѣсь хорошо, отвѣчали онѣ, смѣясь.

— Мы васъ всѣхъ перестрѣляемъ, лучше уходите, **шутилъ** офицеръ.

— Да вѣдь мы въ санитарномъ отрядѣ, кто-же будетъ раненыхъ перевязывать?

— Ничего, у насъ есть свой красный крестъ.

Городовые и драгуны, слышавшіе этотъ разговоръ, громко смѣялись и совсѣмъ не выглядѣли звѣрями.

Трудно было думать, чтобы такъ вели себя палачи съ намѣченными ими жертвами, но вотъ офицеры, посовѣтовавшись между собою, объявляютъ намъ:

— Даемъ вамъ четверть часа на размышленіе. Если не сдадитесь, то ровно чрезъ четверть часа будемъ стрѣлять.

Послѣ этого солдаты и полицейскіе всѣ вышли на улицу. Тутъ схверу спустили еще нѣсколько партъ и прочно завалили нижнюю часть лѣстницы. Всѣ стали по своимъ мѣстамъ. Внизу маузеры и винтовки, выше — браунинги и револьверы. Санитарный отрядъ расположился въ четвертомъ этажѣ.

Было страшно тихо, но настроеніе было приподнятое, всѣ были крайне возбуждены, но молчали. Прошло всего

10 минутъ. Три раза проигралъ сигнальный рожокъ и раздался холостой залпъ изъ орудій. Въ четвертомъ этажѣ поднялась страшная сумятица: двѣ сестры милосердія упали въ обморокъ, нѣкоторымъ санитарамъ сдѣлалось дурно — ихъ отпаивали водой. Но скоро всѣ оправились. Дружинники были видимо спокойны.

Не прошло и минуты, и въ ярко-освѣщенныя окна четвертаго этажа съ страшнымъ трескомъ полетѣли снаряды. Окна вылетѣли со звономъ. Всѣ старались укрыться отъ отъ влетавшихъ снарядовъ. Многіе крестились. Мы упали на полъ, залѣзли подъ парты и ползкомъ выбрались въ коридоръ. Тутъ началось что-то невообразимое. Дружинники стали стрѣлять какъ попало, съ четвертаго этажа быбросили пять бомбъ. Какъ выяснилось потомъ, изъ нихъ разорвались только три. Одной изъ нихъ былъ убитъ тотъ самый офицеръ, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ „шутилъ“ съ нами. Раздались голоса, что у насъ есть раненые. Тѣ изъ санитаровъ, которые сами не нуждались въ помощи, побѣжали осмотрѣть ихъ. Ихъ оказалось трое: одинъ контуженъ въ спину, другой раненъ въ ухо и третій—въ плечо. Въ окно четвертаго этажа влетѣла шрапнѣль, ударилась о косякъ. Посыпался кирпичъ, и стоявшій у окна дружинникъ Евгеній Салтановъ упалъ, пораженный на смерть.

Послѣ седьмого залпа орудія смолкли. Съ улицы явился съ бѣлымъ флагомъ солдатъ съ предложеніемъ сдаться. Начальники дружинъ опять стали спрашивать: кто желаетъ сдаться? Парламентеру отвѣтили, что мы отказываемся сдаться. Во время этой 15-минутной передышки Иванъ Ив. Фидлеръ ходилъ по лѣстницѣ и упрашивалъ дружинниковъ:

— Ради Бога, не стрѣляйте! Сдавайтесь!

Страшно возбужденные дружинники отвѣтили ему рѣзко:

— Ив. Ив., не смущайте публику, а то мы васъ застрѣлимъ.

Тогда Фидлеръ вышелъ на улицу и сталъ умолять войска не стрѣлять. Околодочный подошелъ къ нему и со словами: „Мнѣ отъ васъ нужно справочку маленькую получить“— выстрѣлилъ ему въ ногу. Фидлеръ упалъ, его увезли. Семью свою онъ еще до стрѣльбы успѣлъ перевести во флигель на дворѣ.

Опять загрохотали пушки и затрещали пулеметы. Цѣли-

лись больше въ 4-ый этажъ. Такъ продолжалось до часу ночи. Шрапнель рвалась ужасно, гулъ, трескъ. Подъ конецъ была невообразимая паника. Всѣ были невмѣняемы. Одинъ дружинникъ прикладомъ вышибъ оконную раму и кричалъ: „Сдаемся!“ Домъ дрожалъ отъ выстрѣловъ и мы боялись, что онъ обрушится.

Наконецъ, видя безполезность дальнѣйшаго упорства послали двухъ парламентеровъ, заявить войскамъ, что всѣ сдаются. Имъ приходилось прыгать черезъ баррикаду. Когда они появились на улицѣ съ бѣлымъ флагомъ, всякая стрѣльба прекратилась. Вскорѣ они вернулись и сообщили, что командующій отрядомъ офицеръ далъ честное слово, что больше стрѣлять въ насъ не будутъ, всѣхъ уведутъ въ пересыльную тюрьму и тамъ перепишутъ. Къ моменту сдачи въ домѣ Фидлера оставалось всего человѣкъ 130—140 молодежи: Человѣкъ 70, главнымъ образомъ рабочіе изъ желѣзно-дорожной дружины и одинъ солдатъ, бывшій въ числѣ дружинниковъ, успѣли спастись черезъ заборъ и черезъ электрическую станцію. Это бѣгство было вскорѣ замѣчено, и на дворъ поставили драгунъ, такъ что этотъ путь былъ отрѣзанъ.

Сначала вышла первая большая группа плѣнныхъ, человѣкъ 80—100. Съ дровяного двора отрядили конвой изъ драгунъ, жандармовъ и казаковъ, и сейчасъ же увели въ тюрьму. Неправда, что при этомъ была брошена бомба. Ни полиція, ни драгуны въ зданіе не входили. Оставшіеся спѣшно ломали оружіе, чтобы оно не досталось войску, съ размаху ударяя револьверы и винтовки о перила лѣстницы.

Я попала во вторую группу (человѣкъ 40—50) и вышла самой послѣдней. Тротуары у главнаго входа были изуродованы бомбами. Мы перешли на противоположный уголъ, къ дому Фролова. На дровяномъ дворѣ, напротивъ, стояла пѣхота и пушки. Оба переулка были совершенно пусты. Было темно. Насъ удивляло, почему насъ заставляютъ ждать и никуда не ведутъ. Мы стояли тихо. У всѣхъ на виду были бѣлые платки.

Вдругъ со стороны Чистыхъ прудовъ налетѣли драгуны подъ предводительствомъ браваго ротмистра.

— Шашки вонъ! Руби ихъ!..—и онъ разразился сильнѣйшей нецензурной бранью. Онъ былъ вдребезги пьянъ, съ пѣной у рта, какъ и у его лошади. Прямо дикарь какой-то.

Въ это время раздались выстрѣлы. Надъ нашими головами просвистѣли пули. Мы были поражены: ужъ не дружинники-ли явились къ намъ на выручку? Но нѣтъ—это съ дровяного двора стрѣляла пѣхота поверху. Драгуны повернули лошадей и бросились было на утекъ, но сейчасъ же вернулись и опять бросились на насъ. А офицеръ все напиралъ на насъ и кричалъ:

— Я вамъ покажу, какъ митинги устраивать! Я васъ перекрошу всѣхъ—будете знать, какъ здѣсь собираться!

Ему отвѣчали изъ толпы:

— Мерзавцы! Дали честное слово, что нетронете! Мы сдались безъ оружія. Это провокаторство!

— Руби ихъ!!—кричалъ офицеръ въ изступленіи.

Но драгунамъ не надо было напоминать: они работали шашками во всю. Они были совсѣмъ пьяны и плохо управляли лошадьми: одинъ изъ нихъ даже налетѣлъ на фонарный столбъ и могъ только выругаться.

Толпа бросилась вразсыпную. Большая часть побѣжала къ Машкову переулку. Драгуны пустились за ними, настигали ихъ и стали жестоко рубить шашками. Офицеръ налетѣлъ на меня. Я бросилась изъ подъ лошади на тротуаръ и упала ничкомъ на землю. Мнѣ въ ту минуту почему-то казалось, что такъ лучше. „Ложитесь!“—сказала я товарищу, стоявшему рядомъ. Онъ легъ на мостовую подъ откосомъ тротуара, другой повалился поодаль.

— Что за чучело тутъ валяется? Навѣрное притворяется. Руби ее!—крикнулъ палачъ.

— Эту не надо,—пробормоталъ драгунъ.

Перепрыгнувъ черезъ дальняго товарища, офицеръ направилъ лошадь на тротуаръ, но она не шла и поднялась на дыбы. Онъ никакъ не могъ достать меня шашкой и только отрубилъ кусочекъ кожи на пальцѣ, когда я невольно прикрывала голову руками. Сильно натянувъ поводья, онъ осадилъ лошадь и, взмахнувъ шашкой, снесъ половину черепа лежавшему рядомъ со мной товарищу. На меня брызнула кровь и мозги убитаго. Въ это время около насъ не осталось уже ни одного драгуна: всѣ ускакали вдогонку за убѣгавшей толпой. Пьяный извергъ повернулъ лошадь на заднихъ ногахъ и тоже пустился вслѣдъ за ними.

Я вскочила на ноги. Смотрю—надо мной разбитое окно.

Въ воротахъ прячутся нѣсколько человѣкъ нашихъ. Я побѣжала на уголъ и заглянула въ Лобковскій переулокъ. Тамъ рѣзня уже прекратилась, казаки и жандармы, ѣхавшіе на встрѣчу бѣгущимъ, стали забирать и уводить плѣнныхъ. Мы полѣзли въ окно, впрыгнули въ чью-то квартиру, опрокинули чернилицу и съ крикомъ пробѣжавъ черезъ нѣсколько комнатъ, выскочили на парадную лѣстницу. Швейцаръ замахалъ на насъ руками:

— Сюда нельзя: тутъ офицеръ говоритъ по телефону. Идите на черную лѣстницу.

Вся черная лѣстница была залита кровью. Мы всѣ порѣзались о стекла, когда лѣзли въ окно, руки и плечи были всѣ въ крови отъ сабельныхъ ударовъ. Мы позвонили въ квартиру верхняго этажа. За дверью послышались шаги и мужской голосъ спросилъ:

— Сколько васъ?

— Четверо,—отвѣчаю я.

Намъ отворили. Мы вошли всѣ 10 человѣкъ, устроили въ кухнѣ лазаретъ и перевязали другъ другу раны. Было уже 2 часа ночи. Изъ окна мы видѣли, какъ по Покровкѣ всю ночь разъѣзжали драгуны.

Въ 7 часовъ утра, когда стало свѣтать мы по одному стали выходить. По лѣстницѣ крались тихо—дворникъ сказалъ, что можетъ выдать сосѣдняя прислуга. Внизу стояла какая-то женщина, которая сообщила намъ, что драгуны сдѣлали обыскъ въ домѣ Фидлера, нашли тамъ солдата и убили его. Когда я вышла на Покровку, то увидала на посту 5 городовыхъ съ винтовками. Они говорили между собой: „Какъ мы ихъ ночью здорово почистили“.

Два дружинника во время бѣгства успѣли спрятаться въ домѣ Рубановича. Одинъ спрятался въ курятникѣ, гдѣ пролежалъ всю ночь и утромъ ушелъ. Другой зарылся въ уголья, но ночью дворники его выдали драгунамъ, которые зарубили его шашками.

Всего убитыхъ было 5: Евгеній Салтановъ *), ученикъ 7 кл. Фидлеровскаго училища убитъ шрапнелью, одинъ дружинникъ убитъ драгунскимъ офицеромъ, другой—драгунами

*) Трупъ Салтанова цѣлыхъ 8 дней пролежалъ въ погребѣ: его полиція не давала хоронить. Матери сообщили о смерти сына только на 20-й день.

въ д. Рубановича; кромѣ того, двое были еще убиты на крышѣ. 8 человѣкъ было тяжело раненныхъ и человѣкъ 20 легко. 120 человѣкъ взяты въ плѣнъ.

Со стороны войскъ потери такія: убитъ поручикъ Самогитскаго полка, два драгунскихъ унтеръ-офицера, тяжело раненъ артиллерійскій капитанъ. Кромѣ того, какъ говорятъ, было убито и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Нѣкоторымъ дружинамъ успѣли сообщить объ осадѣ и онѣ шли къ Фидлеровцамъ на выручку, но ихъ разгоняли солдаты. Они подходили со всѣхъ сторонъ, нѣкоторые лѣзли даже по крышамъ домовъ, но не было возможности пробраться. Подходившая съ Чистыхъ Прудовъ кавказская дружина стрѣляла въ драгунъ и бросила двѣ бомбы. Одной изъ нихъ убитъ драгунъ. По кавказцамъ драгуны дали нѣсколько залповъ, и имъ пришлось отступить.

Въ училищѣ при обыскѣ найдено 13 бомбъ, 18 винтовокъ и 15 револьверовъ Браунинга.

Дополняемъ разсказъ участницы отрывкомъ напечатаннаго въ „Жизни“ разсказа очевидца.

„Когда пальба затихла, и драгуны перестали рубить и топтать беззащитныхъ, обыватели сосѣднихъ домовъ могли отрывками слышать телефонный докладъ командовавшаго войсками: „Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что штурмовать училище я призналъ невозможнымъ. Войти по защищаемой лѣстницѣ было бы безумiемъ, въ виду неизбѣжности значительныкъ потерь *). Я цѣлый часъ усиленно просилъ артиллеріи, но вышло какое-то недоразумѣніе; наконецъ на помощь мнѣ прислали два орудія. Тогда я немедленно приступилъ къ дѣйствіямъ, такъ какъ дожидаться утра было въ высшей степени опасно. Артиллерія и поручикъ, командовавшій ею, были выше всякихъ похвалъ, и 12–15 шрапнелей произвели превосходное дѣйствіе... Захвачены главные дѣятели революціонныхъ и либеральныхъ комитетовъ. Долженъ присовокупить, что произошло недоразумѣніе съ С., когда онъ прибылъ съ приказомъ рубить толпу, а со стороны послѣдней неудачно былъ сдѣланъ провокаторскій выстрѣлъ. Началась суматоха и поручикъ Л. принужденъ былъ стрѣлять съ фланга. Я съ шашкою бросился, рискуя жизнью, къ мчавшимся драгунамъ и кое-какъ остановилъ ихъ...“ Дальше ротмистръ испрашивалъ распоряженій для дальнѣйшихъ дѣйствій,—отступать-ли ему къ почтамту.

Къ 5 час. утра все было кончено. Остались зіяющія черныя раны на бѣломъ фонѣ дома Фидлера“. („Жизнь“. 19 дек. 1905 г.).

*) Мы видѣли, что гг. офицеры, солдаты и полицейскіе ни только входили внутрь зданія, но даже „шутили“.

VI.

День 10 декабря: начало разстрѣла Москвы.

Утромъ улицы имѣли видъ, ставшій уже „обычнымъ“. Всюду масса народа. Цѣлыя толпы ходятъ осматривать мѣста, гдѣ въ эту ночь происходили стычки. У трамвайнаго павильона на Страстной площади толпится народъ, разсматривая слѣды ночныхъ происшествій и перетолковывая ихъ по своему. Горячо обсуждается ужасная исторія съ Фидлерскимъ домомъ. Сообщается о томъ, какъ утромъ двумя молодыми людьми, проѣзжавшими на извозчикѣ по Гнѣздниковскому переулку, было взорвано охранное отдѣленіе. Направленная въ эту сторону фантазія обывателя быстро подхватываетъ и дополняетъ всякій относящійся сюда слухъ. Говорятъ, напримѣръ, что взорвано также жандармское управленіе. Скоро выясняется, что это невѣрно.

Кое-гдѣ на улицахъ можно видѣть маленькіе митинги. Вотъ у типографіи „Вечерней почты“ на Тверскомъ бульварѣ собралась небольшая группа. Въ центрѣ ея въ извозчичьихъ саняхъ стоитъ молодой человѣкъ и произноситъ рѣчь. Говоритъ кратко, но сильно.—„Итакъ, товарищи, не повинуйтесь начальству, слушайте соц.-демократовъ“—заканчиваетъ онъ свою рѣчь и выѣзжаетъ изъ толпы. Та провожаетъ его бурными криками одобренія.

Кучки народа разоружали встрѣчныхъ офицеровъ. Происходили при этомъ очень любопытныя сценки. Идетъ, напр., нѣсколько человѣкъ интеллигентовъ, встрѣчаютъ офицера. Его останавливаютъ и корректно предлагаютъ отдать оружіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ-говорятъ они—все равно у него отберутъ дружинники. Офицеръ отдаетъ шашку, но

проситъ оставить ему портупею и даетъ честное офицерское слово, что револьвера у него нѣтъ. Черезъ нѣсколько шаговъ его обступаетъ уже кучка разношерстной публики и, не вѣря на слово, начинаетъ обыскивать, и находитъ у него револьверъ. Офицеръ страшно сконфуженъ, и подъ градомъ насмѣшекъ удаляется. На Каретной-Садовой въ одинъ день разоружили среди бѣла дня 3-хъ, потомъ опять 3-хъ и еще 2-хъ городовыхъ. Кромѣ того, тогда же разоружили пристава и офицера. Бывшая при этомъ публика очень настаивала, чтобы офицера обезоружили. Офицеръ взмолился: „Все возьмите", говорилъ онъ дружинникамъ,— „и револьверъ, и даже пальто, если нужно, только шашку оставьте — она дареная". Его отпустили, отобравъ револьверъ.

У дома градоначальника съ самаго утра выстроена полиція, драгуны и казаки. По всему Тверскому бульвару расхаживаетъ масса полиціи. Драгуны ведутъ себя пока сдержанно, какъ будто чего то выжидаютъ.

Въ 12 ч. дня картина рѣзко мѣняется.

Драгуны, обосновавшись въ центрѣ Тверской, оттѣсняютъ публику изъ всѣхъ переулковъ, выходящихъ на нее близъ дома ген.-губернатора. Часть Тверской, заключенная между Страстной площадью и Газетнымъ переулкомъ, занята войсками. Публику полиція оттѣсняетъ въ переулки и оттуда на Тверскую уже не пускаетъ, или пускаетъ съ большимъ разборомъ.

Кучки народу стоятъ у воротъ и наблюдаютъ за солдатами.—Гдѣ-то раздаются отдѣльные выстрѣлы. Очевидецъ, которому удалось пробраться въ эту занятую войсками часть города, проѣзжавшій въ это время вверхъ по Тверской, такъ передаетъ видѣнное имъ. У дома ген.-губернатора масса полиціи. Впереди, около булочной Филиппова, слышатся отдѣльные револьверные выстрѣлы. Оттуда въ карьеръ мчится драгунъ, а его обстрѣливаютъ изъ кучекъ, еще оставшихся на Тверской.

У Страстного монастыря показывается эскадронъ драгунъ и располагается на площади. На перекресткѣ ея и верхней части Тверской сплошной стѣной стоитъ огромная толпа. По командѣ офицера драгуны двинулись рысью прямо на нее. Толпа не шелохнулась. „Меня поразило,—говоритъ

очевидецъ — это спокойствіе толпы, въ немъ было что-то особенное, грозное". Драгуны, подъѣхавъ вплотную къ толпѣ, круто повернули назадъ. Изъ толпы—очевидно вслѣдъ драгунамъ — поднялась частая револьверная пальба. Драгуны спѣшились, начали стрѣлять залпами по тремъ направленіямъ: вдоль обоихъ бульваровъ и внизъ по Тверской, но не въ толпу.

Всюду, какъ сказано, толпились кучки людей. Внезапные залпы, направленные въ нихъ, заставили ихъ шарахнуться и прятаться во дворы и подъѣзды. Не успѣвшіе укрыться падали на мѣстѣ убитыми или ранеными. Часть укрылась въ д. Голгофскаго, но драгуны подошли вплотную и начали стрѣлять въ окна; спасавшимся тамъ пришлось лечь на полъ.

Названная выше толпа, стоявшая стѣной у площади, разошлась; драгуны, пострѣлявъ, уѣхали. У павильона трамвая начали показываться новыя кучки народа, но налетѣвшій откуда-то патруль драгунъ шашками началъ разгонять ихъ. Опять убитые и раненые. Тутъ съ Б. Бронной выскочили дружинники и открыли огонь по драгунамъ; тѣ сначала отстрѣливались, но, потерявъ двоихъ ранеными, не выдержали и поскакали къ Никитскимъ воротамъ.

У Богословскаго переулка ихъ встрѣтили выстрѣлами, и на мѣстѣ остался трупъ драгунской лошади.

На углу Садовой и Тверской на прежнемъ мѣстѣ съ утра возобновляется разрушенная вчера баррикада.

Этихъ ничтожныхъ стычекъ, крайне немногочисленныхъ случаевъ слабаго сопротивленія, оказаннаго драгунамъ кучками дружинниковъ, нѣсколькихъ баррикадъ, носившихъ демонстративный и въ лучшемъ случаѣ оборонительный, но никакъ не боевой характеръ,—было достаточно для „самодержца всея Москвы", чтобы приступить къ осуществленію тѣхъ методовъ борьбы съ крамолой, которые ему не пришлось примѣнить въ отданной было въ его владѣніе губерніи. Какъ извѣстно, онъ объявилъ населенію Курской губерніи, что въ случаѣ малѣйшихъ безпорядковъ со стороны какого либо сельскаго общества „всѣ жилища такого общества и все его имущество будутъ по приказу моему уничтожены". Но за нѣсколько дней владычества надъ Москвой Дубасовъ обогатилъ свою формулу управленія еще новымъ членомъ, а именно—къ уничтоженію всего имущества и всѣхъ жи-

лищъ онъ добавилъ еще пару словъ: уничтоженіе населенія — вѣроятно также подразумѣвая мѣстоименіе всего.

Или, можетъ быть, мы ошибаемся? Не увѣрялъ ли адмиралъ всего за пять сутокъ до описываемаго дня, на оффиціальномъ пріемѣ представителей земства и города, что по его убѣжденію „крамолу надо побѣждать не залпами и штыками, а нравственнымъ воздѣйствіемъ лучшихъ людей Россіи?“ Но чѣмъ же виноватъ адмиралъ, что „лучшіе люди“ не оказали ему никакого содѣйствія, и ему пришлось прибѣгнуть къ воздѣйствію... шрапнели!

Мы видѣли обстановку центра Москвы къ 1 часу дня 10 декабря, и вотъ что произошло въ этотъ ужасный часъ.

На Страстную площадь были привезены 4 орудія—и вся Москва была потрясена раздавшимися пушечными выстрѣлами. Стрѣляли вверхъ по Тверской и вдоль бульваровъ Страстного и Тверского. У церкви въ Палашовскомъ переулкѣ поставили пулеметъ и стали обстрѣливать переулокъ. Стоявшая на углу у лавки толпа шарахнулась во всѣ стороны, но 7 человѣкъ, какъ подкошенные, упали на снѣгъ. На другомъ концѣ переулка, гдѣ онъ выходитъ на Тверскую, разорвавшейся шрапнелью убито 10 человѣкъ. Грохотъ пушекъ пересыпался дробью ружейныхъ залповъ, и количество жертвъ стали считать уже многими десятками.

Разрывается шрапнель у Ново-Екатерининской больницы, и на мѣстѣ падаютъ 10 человѣкъ убитыми и ранеными. При видѣ этого, населеніе съ ужасомъ прислушивается къ пальбѣ и все еще не можетъ взять въ толкъ: неужели такъ — потѣхи ради, играютъ жизнью населенія? На Тверской можно еще предположить, что тамъ стрѣльбу вызвала большая баррикада, выстроенная у Тріумфальныхъ воротъ. Но что долженъ думать житель Кудринской площади, когда тамъ разрывались шрапнели, пущенныя съ Тверской?

Трещатъ ружейныя залпы, рвется шрапнель, осыпая осколками все кругомъ. Солдатскіе патрули попрятались въ переулки, но кучки и даже толпы народа стоятъ вездѣ, гдѣ только можно считать себя сколько нибудь защищенными отъ разстрѣла,—и здѣсь, подъ грохотъ орудій, трескъ пулеметовъ и ружейныхъ выстрѣловъ, созрѣваетъ великій гнѣвъ народа.

— Трусы! отъ японцевъ бѣжали, бросали пушки, а тѣ, что остались — обратили противъ безоружнаго народа, противъ женщинъ и дѣтей. Да, женщинъ и дѣтей! Вотъ я сейчасъ изъ участка, тамъ лежитъ молодая женщина съ вырванной грудью, тамъ же убитый мальчикъ...

— Чего имъ жалѣть народъ? имъ бы только власть свою сохранить!

— Какъ же это солдаты то стрѣляютъ?

— Не видѣлъ развѣ?—они всѣ вдребезги пьяны, да, говорятъ, и не накормленные. А кромѣ того, мало ли наговорили имъ подлецы-офицеры? Не понимаютъ сами солдаты, кого защищаютъ.

На углу Пименовскаго пер. и Тверской стоитъ кордонъ изъ 10 чел. пѣхотныхъ солдатъ. У солдатъ красныя, пьяныя, звѣрскія лица. Предводительствуетъ ими какой-то полицейскій. Физіономія у него побитая, заклеенная пластырями. Проходившій мимо санитарный отрядъ обратился къ нему: „можно ли пробраться по Тверской?"—„А попробуй—пойди на счастье". Отрядъ повернулъ къ Тріумфальнымъ воротамъ и прошелъ кварталъ по Тверской. По немъ не стрѣляли—очевидно тогда еще не было приказано разстрѣливать санитарные отряды.

Вскорѣ и, очевидно, подъ вліяніемъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ началась лихорадочная постройка баррикадъ.

Все населеніе отъ мала до велика—на улицахъ.

Своеобразную картину представляла въ два часа дня Тріумфальная площадь. Стоитъ толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Проходящихъ офицеровъ разоружаютъ. Дѣлается это добродушно, со смѣхомъ, безъ побоевъ. Всего тутъ разоружили человѣкъ 6 офицеровъ. Толпа хотѣла было обезоружить проѣзжавшаго мимо на рысакѣ полиціймейстера Свѣшникова. но онъ успѣлъ скрыться. Кто-то крикнулъ: „Товарищи! давай строить баррикады". Откуда-то появилась пила и началась пилка столбовъ. Эффектно было видѣть, какъ отъ дружныхъ усилій толпы большой фруктовый павильонъ сталъ колыхаться изъ стороны въ сторону и наконецъ рухнулъ, какъ карточный домикъ, при веселыхъ кликахъ толпы.

На М. Бронной баррикады растутъ одна за другой. Публика поймала полицейскую карету и остановила ее. На зад-

ней площадкѣ сидѣлъ переодѣтый околодочный. Ссадивъ его, хотѣли разломать карету, но какой-то студентъ сказалъ что лучше ее приспособить для перевозки раненыхъ. Сѣлъ въ нее и уѣхалъ.

По Козихинскому пер. скачетъ казакъ. Изъ толпы раздается одинокій выстрѣлъ. Казакъ, убитый наповалъ, кувырнулся. Его трупъ взвалили поперекъ сѣдла и повели лошадь подъ уздцы. Лавочники, стоящіе тутъ, толкуютъ по этому поводу: „Ишь, герой—думалъ: пролечу. Вотъ тебѣ и пролетѣлъ!“ Бывшій здѣсь санитарный отрядъ направился по Тверскому бульвару и хотѣлъ устроиться у церкви Дмитрія Солунскаго. Но по немъ уже начали стрѣлять. И ему пришлось уйти. Съ этого времени,—очевидно по приказанію—въ санитаровъ начали стрѣлять систематически.

У Никитскихъ воротъ толпится масса народа и съ тревогой прислушивается къ грохоту орудій. Встрѣчаются бѣгущіе съ Тверского бульвара. „Проклятые, мерзавцы“ — тономъ безсильной злобы говорятъ они и въ паническомъ страхѣ спасаются отъ осколковъ шрапнели и отъ града пуль, летящихъ съ Тверской. Опрометью мчится извозчикъ, за нимъ еще нѣсколько. Какъ-бы по уговору, они сталкиваются въ переулкѣ, ставятъ лошадей мордами другъ къ другу, а сами забираются подъ нихъ.

Въ районѣ Кудринской площади спѣшно строятъ баррикады. Вся Садовая отъ Кудринской до Тверской усѣяна ими съ промежутками въ 100—120 шаговъ. Кромѣ того поперекъ улицы протянута проволока.

Въ этомъ районѣ было въ этотъ день уже много убитыхъ и раненыхъ. Фельдшерица, проходившая около 3—4 часовъ дня къ Кудринской площади, разсказываетъ, что слышала со двора Арбатской полицейской части какой-то вой. Рабочіе, строившіе баррикады въ Скатертномъ переулкѣ, сказали ей, что это — „бабы въ части, воютъ по своимъ“.

На Кудринской площади надъ постройкой баррикадъ возятся среди толпы нѣсколько внушительныхъ фигуръ. Не то это лабазники, не то ломовые. Изъ толпы кричатъ: „Тащи кіоскъ“.—„Да это газетчика, можетъ онъ бѣдный человѣкъ“.—„Знаю я: онъ черносотенникъ, онъ и газеты продаетъ черносотенныя. Тащи, чего тамъ!“

Въ Трубниковскомъ пер. снимаютъ ворота и загоражи-

ваютъ переулокъ. У одной баррикады прохожему на его вопросъ, зачѣмъ строятъ ее, отвѣтили: „А чтобы кавалерія не могла проѣхать“.

Кое-гдѣ принимаютъ участіе въ постройкѣ баррикадъ и солдаты. На Георгіевской площади въ Грузинахъ очевидецъ, проѣзжая мимо, замѣтилъ, что три пѣхотныхъ солдата (безъ оружія) снимали чугунныя ограды и таскали на постройку.

Особенно быстро строились баррикады и другія заграждения по Сухаревской-Садовой. Тамъ ихъ воздвигали съ баснословной быстротой. Для сооруженія баррикадъ достаточно было 15 минутъ, передаетъ очевидецъ. Основаніемъ баррикады служили обыкновенно подпиленные и поваленные попарно телеграфные столбы. Затѣмъ уже сверху валили все, что попадется подъ руку: ограду садиковъ, бочки, ворота и просто доски. Какъ меланхолически сообшаютъ реакціонныя газеты, „вопреки распоряженію полиціи—держать ворота на запорѣ—ворота вовсе сняты съ петелъ и употреблены на постройку баррикадъ!“ Въ постройкѣ принимала участіе довольно разношерстная толпа,—„охочая публика изъ окружающихъ домовъ“,—какъ выразился очевидецъ. Постройкой руководили нѣсколько человѣкъ, со щипцами для перерѣзыванія проволоки и одноручными пилами.

Дружно шла постройка и на Долгоруковской. Тамъ пользовались всѣмъ, что могло бы послужить для постройки заграждений, особенно досталось линіи трамвая: въ дѣло шла толстая мѣдная проволока, кронштейны, пытались даже валить столбы, но неуспѣшно. Работа идетъ весело, дружно Интересно снимаютъ верхніе провода трамвая. Задѣваютъ за проводъ толстый крюкъ, человѣкъ сто тянетъ проводъ внизъ, а часть виснетъ на немъ, какъ грозди винограда. Наконецъ кронштейнъ отлетаетъ съ трескомъ. Нѣсколько человѣкъ падаетъ на землю. Раздаются шутки, смѣхъ. Не обошлось и безъ юмористическихъ выходокъ. На баррикадѣ, загораживавшей выходъ Оружейнаго переулка на Каретную площадь, были поставлены два чучела, одѣтыя въ шинели и въ какую-то солдатскую рвань. На одномъ чучелѣ написано „Треповъ“ и „патроновъ не жалѣть“; въ руки ему всунули палку. Другое чучело съ надписью „Дубасовъ“ заставили держать въ рукахъ красный флагъ. Никакого девиза на немъ не выставили—за него сильнѣе всякихъ словъ говорили пушки.

Часовъ около $3^1/_2$ пальба изъ пушекъ у Страстного монастыря стала рѣже и затѣмъ на время совсѣмъ затихла. Только раскаты ружейныхъ залповъ не прекращались почти весь день.

Итакъ въ центрѣ города уже лилась кровь и жертвы считались десятками убитыхъ и сотнями раненыхъ, — на окраинахъ, гдѣ сосредоточено преимущественно фабрично-заводское населеніе, утро этого страшнаго дня протекало такъ же, какъ и въ предшествовавшіе дни.

Тамъ продолжались митинги, причемъ соединялись иногда рабочіе нѣсколькихъ фабрикъ. Происходили демонстративныя шествія, привлекавшія до 10 тысячъ участниковъ.

Въ этотъ день еще продолжались общіе митинги рабочихъ въ Политехническомъ музеѣ и Народномъ домѣ на Введенской площади. Дадимъ здѣсь между прочимъ мѣсто описанія митинга въ этомъ послѣднемъ.

„Собралось всего человѣкъ 800—900. Было много женщинъ-работницъ. Сходились группами по заводамъ, съ красными знаменами и пѣніемъ марсельезы. Всѣ принесенныя знамена—ихъ было около десяти—поставили на сценѣ полукругомъ позади ораторской трибуны. Въ центрѣ эстрады былъ укрѣпленъ большой плакатъ съ надписью: „Да здравствуетъ Росс. Соц.-Демокр. Рабочая Партія“.

До начала рѣчей всѣ вмѣстѣ удивительно стройно пропѣли много революціонныхъ пѣсенъ. Затѣмъ былъ сдѣланъ цѣлый рядъ фактическихъ сообщеній о ходѣ забастовки и о первыхъ столкновеніяхъ съ драгунами и казаками въ городѣ. Одинъ изъ ораторовъ с. д., самъ бывшій наканунѣ вечеромъ на баррикадахъ, между прочимъ сообщилъ слѣдующее *). Къ одной изъ баррикадъ на Тверской подошла рота солдатъ Ростовскаго полка. Изъ толпы имъ сказали нѣсколько словъ. Вслѣдъ за ротой прискакала казачья сотня, но Ростовцы повернулись лицомъ къ казакамъ и дали по нимъ залпъ. Казаки отступили.

Впечатлѣніе отъ разсказаннаго въ собраніи огромное.

Другой ораторъ с.-д. говорилъ о политической заба-

---

*) Для насъ интересенъ въ данномъ случаѣ не самый фактъ, болѣе чѣмъ сомнительный, а то, какъ отнеслась къ такому сообщенію рабочая масса на митингѣ.

стовкѣ и вооруженномъ возстаніи. Послѣднее, по его словамъ, придетъ къ успѣшному концу лишь при условіи присоединенія войскъ къ возставшимъ. Цѣль возстанія—передать власти въ руки временнаго правительства; послѣднее должно, выполняя волю народа, созвать учредительное собраніе на основѣ четырехчленной формулы избранія. Задачей учредительнаго собранія является учрежденіе демократической республики.—Это основное минимальное требованіе пролетаріата, ибо только при этомъ условіи возможна полная и успѣшная борьба пролетаріата за торжество соціализма".

Въ другихъ мѣстахъ тоже происходили митинги. На Таганской площади собралась около кіоска толпа человѣкъ въ 200: были тутъ дворники, приказчики, мелкіе торговцы и чиновники. Полиція не препятствовала. Соціалдемократы не выступали. Ораторы были все свои, мѣстные. Митингъ носилъ умѣренный характеръ; говорили о требованіяхъ рабочихъ, о землѣ. Единственнымъ политическимъ лозунгомъ выставлялось учредительное собраніе. Одинъ старикъ въ своей рѣчи упрекалъ партіи, что онѣ разъединяются, и доказывалъ необходимость объединенія. Толпа съ митинга пошла было къ Таганской тюрьмѣ освобождать членовъ крестьянскаго съѣзда и другихъ политическихъ. Но тамъ стояли два пулемета и крѣпкіе патрули. Толпа разошлась. Стрѣльбы не было.

Особенно выдѣлилась Прѣсня, къ которой мы и перейдемъ.

Утромъ былъ громадный митингъ на Прохоровской фабрикѣ. Къ концу митинга пришли рабочіе Даниловскаго сахарнаго завода съ краснымъ знаменемъ и были встрѣчены криками „ура". Настроеніе было очень приподнятое. На митингѣ было рѣшено, согласно съ постановленіемъ районнаго Совѣта Рабочихъ депутатовъ, устроить демонстративное шествіе по улицамъ.

Толпа перешла на дворъ, раздѣлилась на десятки и съ флагами и пѣснями вышла на улицу. Тутъ къ ней присоединились рабочіе завода Мамонтова, Миллера и другихъ съ краснымъ знаменемъ с.-д. партіи.

Вся эта масса въ 10.000 человѣкъ со знаменами и пѣніемъ рабочей марсельезы двинулась къ Прѣсненской заставѣ, а оттуда повернула по Б. Прѣснѣ. Когда прошли нѣкоторое разстояніе, задніе ряды вдругъ заволновались,

произошла паника. Передніе ряды, оглянувшись, увидали казаковъ. Въ этотъ моментъ общаго смятенія выступили изъ толпы двѣ дѣвушки—работницы Прохоровской фабрики съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ и бросились навстрѣчу казакамъ со словами:

— Стрѣляйте въ насъ, убейте насъ, а живыми мы знамя не отдадимъ!

Офицеръ попробовалъ двинуться съ казаками впередъ и нѣсколько разъ наѣзжалъ на женщинъ, но онѣ выставляли знамя навстрѣчу лошадямъ.

Моментъ былъ рѣшительный. Казаки были удивлены и смущены. Толпа скоро оправилась, волненіе въ ней улеглось, она разступилась по обѣ стороны къ тротуарамъ, чтобы пропустить казаковъ впередъ.

— Казаки, неужели вы будете въ насъ стрѣлять? Неужели вы будете преступниками?—раздалось изъ толпы, когда казаки проѣзжали мимо.

— Не стрѣляйте въ насъ, и мы въ васъ стрѣлять не будемъ",—отвѣчали казаки.

Видя это, молодой казачій офицеръ сталъ ругать казаковъ площадными словами, но ругань его была заглушена негодующими криками изъ толпы: „Сволочь, мерзавецъ!"—„Да здравствуютъ товарищи и братья-казаки! Одинъ изъ товарищей обратился къ казакамъ съ рѣчью. Онъ говорилъ, что они тоже угнетаются царскимъ правительствомъ, какъ и рабочіе. „Мы идемъ къ вамъ съ пустыми руками, неужели же вы будете стрѣлять въ насъ?"

Вдругъ задніе ряды казаковъ стали повертывать коней назадъ, передніе, глядя на нихъ, заколебались; наконецъ, закинувъ винтовки за плечи, они рѣшительно повернули назадъ и ускакали при восторженныхъ крикахъ толпы: „ура!" да здравствуюуъ казаки!"

Толпа пошла дальше и, обойдя кругомъ по Трехгорному переулку, вернулась обратно къ столовой Прохоровской фабрики. Здѣсь двумя товарищами были сказаны рѣчи. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что это только начало и спрашивалъ рабочихъ, что, если будетъ болѣе серьезное выступленіе—будутъ они разбѣгаться или нѣтъ?

— Нѣтъ! отвѣчала толпа.

На этомъ собраніе закончилось, и всѣ разошлись до другого митинга.

Въ это время въ сосѣднемъ Хамовническомъ районѣ происходило слѣдующее. Въ 2½ часа, во исполненіе директивы Федеративнаго Совѣта Соціалъ-демократической партіи, *) рабочіе Гюбнера и сосѣднихъ фабрикъ толпой въ 5000 человѣкъ съ красными знаменами и оркестомъ рабочихъ 3-го виннаго склада, игравшимъ марсельезу, двинулись къ Хамовническимъ казармамъ, гдѣ расположены Сумской драгунскій, а также Несвижскій и Перновскій пѣхотные гренадерскіе полки. Демонстранты выстроились на площади передъ казармами и отправили къ Несвижцамъ депутатовъ. Противъ нихъ начальство распорядилось выкатить пулеметы. Толпа, однако, не тронулась. Въ эту минуту къ воротамъ Несвижскихъ казармъ подошелъ драгунскій офицеръ и предложилъ убрать пулеметы:

„Я съ одними драгунами съ ними расправлюсь.“

Драгуны выскочили изъ своихъ казармъ и съ шашками наголо врубились въ толпу. За ними вслѣдъ выбѣжали, накинувъ шинели, нѣсколько десятковъ драгунъ безъ оружія и избивали кулаками разбѣгающихся рабочихъ.—Одинъ молодой офицеръ пробовалъ остановить эту кулачную расправу, но услышалъ въ отвѣтъ отъ драгунъ: „Никакъ нельзя, ваше благородіе, мы изъ за нихъ третій день не раздѣваемся.“ Нѣсколько рабочихъ тяжело ранено.

Черезъ полчаса послѣ этого на плацъ вывели осѣдланныхъ лошадей; нѣсколько драгунскихъ офицеровъ (и въ ихъ числѣ ротмистръ, герой разгрома дома Фидлера) съ винтовками въ рукахъ вскочили на лошадей и въ сопровожденіи сильнаго отряда Сумскихъ драгунъ, двинулись въ городъ на „усмиреніе мятежниковъ.“

Плацъ на нѣкоторое время опустѣлъ.

Но вотъ изъ казармъ выкатили орудіе подъ прикрытіемъ драгунъ и приготовились стрѣлять по направленію къ Остоженкѣ: начальство распустило встревожившій солдатъ провокаторскій слухъ, что „идетъ несмѣтная толпа забастовщиковъ съ бомбами и хочетъ взорвать казармы. Драгуны простояли ¾ часа съ орудіемъ, обыскали и, из-

*) См. главу XII.

били двухъ проходившихъ мимо рабочихъ, и вернулись въ казармы.

Къ вечеру этого дня вся Прѣсня была покрыта баррикадами. Вотъ какъ это началось.

„Въ 3 часа дня—разсказываетъ одна изъ участницъ—состоялся второй митингъ на Прохоровской фабрикѣ, и на этотъ разъ масса уже требовала отъ депутатовъ чего-нибудь болѣе рѣшительнаго. Надо замѣтить, что авторитетъ депутатовъ въ глазахъ массы былъ высокъ. Митинги ее уже больше не удовлетворяли, а чего-нибудь болѣе рѣшительнаго депутаты тогда еще предложить не могли.

Со всѣхъ сторонъ раздавался настойчивый вопросъ „что дѣлать?“ Много народу хотѣли уже идти въ городъ и даже часть, хотя правда небольшая, уже отправилась туда. Тамъ въ это время строились баррикады и происходила стрѣльба.

Положеніе депутатовъ было очень затруднительное: нужно было не упускать момента, а еслибъ запоздали хотя на часъ—два съ постройкой баррикадъ и не сказали рѣшительно, что дѣлать, то настроеніе бы упало и ничего бы не вышло.

Но, наконецъ, въ 4 часа дня была получена директива изъ центра строить баррикады. Настроеніе массы въ одинъ мигъ измѣнилось, лица сразу оживились. Раздѣлились на десятки, выбрали начальниковъ и вооружились чѣмъ попало—ломами, лопатами, топорами—высыпали на улицу. Боевая дружина тоже была распредѣлена по мѣстамъ для охраны строящихъ баррикады.

Улицы были переполнены народомъ. Много было тутъ любопытныхъ, но большая часть обывателей сама принимала участіе въ постройкахъ баррикадъ. Напр., бабы тащили сани, кровати, дворники—ворота, дрова. По всей Прѣснѣ раздавался гулъ и трескъ—это рубили топорами телеграфные и фонарные столбы. Было впечатлѣніе словно рубятъ лѣсъ. Рабочіе подходили къ каждому дому, отпирали ворота, снимали ихъ и несли на баррикады. Кое гдѣ пробовали препятствовать хозяева и дворники, но послѣ угрозъ со стороны дружины—они удалялись, оставляя свое добро въ распоряженіе рабочихъ.

Въ общемъ въ этотъ день, какъ и въ другіе, сочувствіе

обывателей было на сторонѣ рабочихъ, а отчасти былъ страхъ передъ ними и сознаніе, что теперь они вполнѣ во власти рабочихъ.“

Вернемся теперь на Тверскую. Вотъ какъ обитатель Страстной площади описываетъ финальный эпизодъ этого страшнаго дня. „Стрѣльба изъ пушекъ и пулеметовъ продолжалась здѣсь отъ 1 часа до $3^1/_2$ ч. дня. Послѣ этого артиллерія передвинулась по Тверской, сдѣлала туръ по городу и возвратилась на площадь около $6^1/_2$ часовъ вечера. Затѣмъ она была увезена, площадь же поставлена подъ охрану солдатъ. И намъ довелось наблюдать слѣдующее.

Брошенные неизвѣстно зачѣмъ на пустой площади, окруженные непроглядною тьмою, солдаты, повидимому, чувствовали себя въ положеніи осажденныхъ и угрожаемыхъ со стороны подступающаго со всѣхъ сторонъ страшнаго, неизвѣстнаго врага. Они начали стрѣльбу, носившую по истинѣ, паническій характеръ. Залпы производились ежесекундно. Это было нѣчто еще болѣе страшное чѣмъ пережитая нами днемъ пальба изъ пушекъ и пулеметовъ. Въ то же время слышались безпрерывные окрики, переходившіе отъ одной группы солдатъ къ другой; этихъ группъ было нѣсколько, разставленныхъ по площади и ея угламъ. Такъ продолжалось до 8-ми часовъ. Безпрерывная ружейная трескотня и команда производила на невольныхъ слушателей угнетающее впечатлѣніе. Съ каждою минутою положеніе дѣлалось все болѣе невыносимымъ.

Только что часы пробили 8, одинъ за другимъ раздались два страшныхъ удара, потрясшіе, казалось, всю нашу мѣстность.

— „Бомбы“, сказали мы другъ другу.

— „Начали бросать бомбы на площадь“ сказала вошедшая черезъ минуту прислуга.

Эти два удара принесли намъ успокоеніе послѣ страшнаго дня. Всѣхъ солдатъ какъ бы смело со всей площади. Они бѣжали и лишь издали раздалось нѣсколько выстрѣловъ, которыми отстрѣливались бѣжавшіе. Наконецъ, все стихло.»

Въ то время, когда на Страстной площади воцарилась тишина и для обитателей ея явилась возможность хотя нѣ-

сколько передохнуть отъ пережитыхъ ужасовъ,—въ районѣ Сухаревской—Садовой часы ужаса только начинались.

На веранду Сухаревой башни втащили, малокалиберныя пушки, а шестидюймовыя орудія поставили на площади. Въ 10 час. вечера были пущены сигнальныя ракеты, загрохатали орудія: начали обстрѣливать Садовую, освѣщая ее съ башни прожекторомъ.

Въ этотъ вечеръ на углу Садовой и 4-й Мѣщанской буквально была снесена шрапнелью группа людей. Лужи крови и мозги съ волосами, прилипшіе къ вывѣскамъ, видны были въ теченіе нѣсколькихъ дней. Вся Сухаревская площадь была занята пѣхотой, которая стрѣляла изъ ружей залпами.

Мѣстами войска съ пожарными уже въ этотъ вечеръ пытались разрушать баррикады. На Кудринскую площадь около 9 час. вечера пріѣхали драгуны и пожарные съ факелами и принялись было растаскивать баррикады. Дѣлали они это лѣниво и неохотно и вообще видно было, что они чувствуютъ себя очень скверно. Въ газетномъ кіоскѣ засѣли дружинники и открыли оттуда огонь по пожарнымъ и драгунамъ. Послѣдніе пробовали выбить дружинниковъ изъ засады, но безуспѣшно: лошади запутались въ проволокѣ, и драгуны удрали.

Около 10 ч. вечера казаки, стоявшіе во дворѣ дома въ Георгіевскомъ переулкѣ, разобрали баррикаду у Патріаршихъ прудовъ, но ночью она была опять возстановлена.

Кругомъ всей Бутырской тюрьмы устроены загражденія Тамъ вечеромъ было столкновеніе боевой дружины съ 8 казаками; изъ нихъ часть была убита, часть ранена. Винтовки отобраны. Послѣ этого патрули не рѣшаются разъѣзжать, городовые тоже попрятались.

Войска и полиція вымещали свою злость на плѣнныхъ. Что во всѣхъ участкахъ били, объ этомъ и говорить не приходится. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ они просто истязали свои жертвы. Такъ уже 10-го декабря въ участкѣ издѣвались надъ двумя забранными санитарами: фельдшеромъ и сестрой милосердія. Ихъ били чѣмъ попало, и по чемъ попало. При этомъ двое городовыхъ держали у виска и у груди своихъ жертвъ револьверы, а другіе били ихъ до потери сознанія.

„На легковыхъ извозчикахъ и въ каретахъ скорой помощи перевозили массу раненыхъ какъ нижнихъ чиновъ, такъ

и дружинниковъ и лицъ изъ публики. Особенно заполнена Новая Екатерининская больница и частныя лечебницы въ районѣ Тверской. Многіе изъ раненыхъ уже умерли. Точнаго подсчета пострадавшихъ сейчасъ произвести нельзя, но говорятъ, что раненые исчисляются сотнями", сообщаетъ газетный корреспондентъ.

Въ этотъ вечеръ было разобрано оружіе въ двухъ магазинахъ. „Въ 5 час. вечера къ оружейному магазину Торбекъ на Театральной площади, подъѣхали на извозчикѣ нѣсколько человѣкъ, и разбивъ стекла, увезли изъ магазина оружіе, котораго, впрочемъ, тамъ было немного. Отъ неосторожности съ огнемъ произошелъ взрывъ и запасы патроновъ погибли въ огнѣ. Многіе обожжены. Прибывшіе драгуны разсѣяли собравшуюся толпу выстрѣлами. Есть убитые и раненые.

Въ 9 час. вечера разграбленъ большой оружейный магазинъ Тарнопольскаго, находящійся на Большой Лубянкѣ. Похищено все оружіе". (Телеграмма Россійскаго Агентства).

VII.

Улицы Москвы 11 декабря.

Съ ранняго утра 11 декабря пальба—и орудійная и ружейная—раздавалась по всему городу. Къ этому времени войска нѣсколько расширили районъ своихъ дѣйствій, занявъ мѣста ниже по Тверской и въ прилегающихъ переулкахъ. На Театральной площади поставлена полубатарея. При ней 20—40 артиллеристовъ, эскадронъ драгунъ и сотня казаковъ. Сюда же направилась рота пѣхоты. Тверскую и университетъ охраняютъ гренадеры 4-го и 6-го полковъ. У Охотнаго ряда—Тверскіе драгуны. Около Городской думы драгуны шашками разогнали толпу и стрѣляли по ней вдогонку изъ винтовокъ. На Трубной площади стоятъ солдаты, обстрѣливаютъ ружейными залпами Неглинный и Петровскій бульвары. Вдоль Неглиннаго проѣзда стрѣляютъ солдаты съ угла Софійки; на перекресткѣ съ Кузнецкимъ мостомъ падаютъ убитые и раненые. Въ санитаровъ, хотѣвшихъ подобрать раненыхъ, стрѣляли.

Сухаревская площадь занята войсками; раздается ружейная пальба. Стрѣляютъ и изъ пушекъ: около 11 утра было сдѣлано до 10 орудійныхъ выстрѣловъ.

Изъ Спасскихъ казармъ выходятъ новые пѣхотные отряды и направляются къ Сухаревой башнѣ.

Тутъ же толпится человѣкъ 300 народу. Офицеръ выходившаго изъ казармъ отряда закричалъ, чтобы они разошлись; но толпа не трогалась съ мѣста. Солдаты выстроились и пошли къ Сухаревой площади. Около Спасскихъ казармъ 30—40 солдатъ Астраханскаго полка съ офицерами подполковникомъ Микушевскимъ, капитаномъ Селивановымъ

и подполковникомъ Арефьевымъ. Офицеры ругали публику и заставляли квартирантовъ близъ лежащихъ домовъ закрывать форточки и не стоять у воротъ.

Слѣдующій взводъ солдатъ, выходившій изъ казармъ, не предупредивъ толпу, далъ по ней залпъ, ранивъ 6 человѣкъ.

12 час. дня. У Красныхъ воротъ стоитъ огромная толпа, вся Каланчевская до Южнаго переулка тоже запружена народомъ. Передъ толпой на площади гарцуютъ 4 казака.

Городъ въ главныхъ центрахъ покрытъ сѣтью баррикадъ. Большинство изъ нихъ переходятъ изъ рукъ въ руки. Обыкновенно солдаты, взявъ баррикаду, уѣзжаютъ, а толпа ихъ тотчасъ возобновляетъ. Такъ баррикада, на Тверской у Тріумфальныхъ воротъ уже нѣсколько разъ разрушалась и воздвигалась вновь. Около, „Акваріума," на всей Садовой и Новинскомъ бульварѣ за ночь баррикады были разрушены полиціей и пожарными. Но ихъ въ теченіе 2—3 час. (между 11 час. утра и 3 час. дня) успѣли воздвигнуть заново, несмотря на то, что вся эта мѣстность обстрѣливалась разъѣздами драгунъ.

Забаррикадированы районы Бронной, Грузинъ, Долгоруковской, Срѣтенки и Покровки, Цвѣтной бульваръ, Екатеринскій паркъ.

Отряды пѣхотинцевъ сначала жестокимъ огнемъ обстрѣливаютъ улицу и баррикаду, а затѣмъ уже начинаютъ разбирать. Во многихъ мѣстахъ матеріалы складываютъ въ кучи и жгутъ. На лицахъ солдатъ утомленіе и досада, движенія медленны, вялы: возьметъ какую-нибудь доску и еле-еле тащитъ.

На Тріумфальной площади горятъ баррикады. Около нихъ—солдаты съ ружьями и какая то толпа. Можно подумать, что это черносотенцы подъ охраной солдатъ жгутъ баррикады, но по распросамъ идущихъ оттуда оказывается, что солдаты останавливаютъ прохожихъ и подъ страхомъ разстрѣла заставляютъ разбирать и жечь баррикады.

Когда утромъ пожарные пришли на Кудринскую площадь сжигать баррикады, толпа стояла на площади и наблюдала за ними. Пожарные часа два бились надъ уничтоженіемъ баррикадъ. „Не горитъ", трунила толпа.

Днемъ опять пріѣхали пожарные. Видимъ—пожарный обозъ на площади уперся въ баррикады. Постояли, постояли

пожарные, не спѣша повернули на Поварскую и въѣхали въ Трубниковскій переулокъ, потомъ въ проходной церковный дворъ. Медленно волокутся пожарные, нехотя, лѣниво. Брандмейстеръ горячится, выбѣгаетъ на бульваръ, хочетъ найти дорогу для проѣзда пожарнаго обоза. Публика надъ нимъ подсмѣивается и доказываетъ ему, что проѣхать нигдѣ нельзя. У пожарныхъ самое беззаботное настроеніе: стоятъ покуриваютъ, болтаютъ съ публикой.

„Вы какой части?“—„Мы — Пречистинской.“—„Чего же вы не спѣшите!“—Ничего, не горитъ, поспѣемъ.“ Постояли эдакъ и удалились куда-то по Б. Никитской.

Всюду на Кудринѣ баррикады. Какіе-то рабочіе постукиваютъ молотками, стараясь сбить болты у желѣзнаго телеграфнаго столба. Поперекъ Поварской строятъ баррикаду; работа идетъ спокойно, увѣренно.

На площади много народу, стоятъ кучками.

Чувствовалось, что всѣ вышли на улицу. Столпилось много санитаровъ изъ трехъ санитарныхъ отрядовъ. Идетъ кучка рабочихъ и приказываетъ дворникамъ отворять ворота. На площадь медленно выѣзжаетъ военная телѣжка для перевозки убитыхъ съ 4 солдатами. Они слѣзаютъ, поднимаютъ трупъ офицера, убитаго часа за два передъ тѣмъ, и приподнявъ крышку ящика, кладутъ туда трупъ. Кучки народа молча смотрятъ. Телѣжка медленно двинулась на Поварскую; ей дали проѣхать и сейчасъ же за ней сомкнули баррикаду.

По Сытинскому переулку (на Тверскомъ бульварѣ) идутъ нѣсколько драгунъ безъ винтовокъ разбирать баррикаду. Солдаты нѣсколько робѣютъ, но офицеръ ободряетъ ихъ: „Мы безоружны, **они** стрѣлять не будутъ. Я пойду впередъ. Онъ первый подходитъ къ баррикадѣ и видя, что она ни кѣмъ не защищается, приказываетъ ломать. Солдаты принимаются тутъ же по переулку раскидывать баррикаду.

Въ это время въ двухъ шагахъ происходитъ такая сцена.

У Страстного монастыря стоитъ человѣкъ 50 драгунъ и обыскиваютъ носилки Краснаго Креста. Проходятъ кучками люди и жмутся ближе къ домамъ. Площадь почти пуста. Посреди нея расхаживаетъ какой-то пѣхотный офицеръ и „пострѣливаетъ“ изъ револьвера въ прохожихъ.

— Ваше благородіе! кричитъ ему издали прилично одѣтый обыватель. „Можно пройти?“

— Проходите, проходите.

— Да какъ же — вы вѣдь стрѣляете!

— Я не въ васъ, я вонъ въ того прохвоста, отвѣчаетъ офицеръ и цѣлится въ проходящаго вдали рабочаго.

— Ты самъ прохвостъ! кричитъ рабочій.

Раздается выстрѣлъ. Промахъ. Рабочій, грозясь издали кулакомъ, исчезаетъ.

На Долгоруковской самыя прочныя загражденія и поставлены близко одно отъ другого, черезъ каждые 50—100 шаговъ. На баррикадахъ масса красныхъ знаменъ съ надписями: „За свободу!“ „Земля и Воля!“ „Солдаты, присоединяйтесь“ и т. д.

Въ этотъ день происходило много стычекъ дружинниковъ съ войсками. Болѣе крупныя были на Каретной-Садовой, у Красныхъ воротъ и у Бутырской пересыльной тюрьмы.

У Красныхъ воротъ построена большая прочная баррикада; ее защищаетъ большая дружина. Между баррикадой и войсками ходитъ человѣкъ 10 солдатъ съ ружьями; они подходятъ близко къ баррикадѣ и безъ выстрѣла возвращаются обратно. Дружина пока не трогаетъ ихъ и не стрѣляетъ. Но вотъ солдаты даютъ залпъ, дружина отступаетъ въ одинъ изъ домовъ и открываетъ пальбу, правда, не надолго. Баррикада сжигается и площадь занимается солдатами.

Но въ другихъ мѣстахъ въ этотъ день войска не рѣшались занимать захваченныхъ ими мѣстъ, а все подвигались впередъ, разрушая баррикады.

На Каретной-Садовой втеченіе дня произошли одно за другимъ нѣсколько серьезныхъ столкновеній между дружиной и войсками, и поле сраженія осталась въ концѣ концовъ въ рукахъ дружинниковъ. Участники этихъ сраженій, начальникъ дружины и рядовой дружинникъ, передаютъ, что дѣло было такъ.

„Въ Каретномъ ряду 20 жандармовъ устроили во дворѣ одного дома засаду. Дружинники ихъ выслѣдили, къ воротамъ дома подошла дружина, партіи с.-д., изъ 25 человѣкъ, вооруженныхъ маузерами, да человѣкъ 20 присоединившихся къ

ней волонтеровъ, а сзади нея наступала безоружная толпа человѣкъ въ 400.

— Сдавайтесь!, кричали жандармамъ дружинники.

Толпа поддерживала это требованіе страшнымъ шумомъ и крикомъ. Жандармы отвѣтили выстрѣлами изъ револьверовъ, но въ нихъ былъ данъ залпъ—другой, третій... Жандармы бросились спасаться черезъ заборъ, но на сосѣднемъ дворѣ наткнулись на случайно находившуюся тамъ небольшую дружину. Та встрѣтила жандармовъ огнемъ и уложила ихъ всѣхъ, кромѣ одного, которому удалось добраться до казармъ жандармскаго дивизіона и поднять тревогу. Изъ воротъ казармъ показались 20 жандармовъ съ винтовками и подняли безпорядочную стрѣльбу. Послѣ залпа дружины двое жандармовъ, раненые склонились къ сѣдламъ. Остальные, поддерживая раненыхъ, скрылись, и черезъ минуту вышли спѣшенные 30 человѣкъ, но, не выдержавъ и 2-хъ минутъ, отступили. Вскорѣ появилась отъ Ново-Екатерининской больницы полурота пѣхоты. Дружинники отступили и, пропустивъ одну баррикаду, засѣли за второй. Начальникъ дружины подползъ къ первой баррикадѣ и ждалъ. Астраханцы наступали стройно. Главная колонна шла по срединѣ улицы, а фланги выдвинулись впередъ и по тротуаромъ приближались къ баррикадѣ. Въ этотъ моментъ начальникъ дружины выпрямился во весь ростъ и обратился къ солдатамъ съ краткой рѣчью. Солдаты остановились и слушали молча. Ораторъ, услышавъ команду стрѣлять, отданную вполголоса офицеромъ, присѣлъ за баррикадой. Раздался залпъ, но не сразу и не дружный: стрѣляли человѣкъ 8, не больше. Потомъ полурота дала еще залпъ, уже „хорошій“. Тогда начальникъ дружины отползъ назадъ ко второй баррикадѣ и далъ приказъ стрѣлять. Дружина дала сначала залпъ, а потомъ стала стрѣлять на выборъ. Унтеръ-офицеръ убитъ наповалъ, еще человѣкъ шесть солдатъ упало. Удивительно мѣтко стрѣляли 2 черкеса изъ примкнувшихъ къ дружинѣ вольныхъ стрѣлковъ. Залпы дружинниковъ толпа сопровождала ударами по желѣзнымъ вывѣскамъ, чугуннымъ рѣшеткамъ и пр. Это, очевидно, усиливало впечатлѣніе.—Ни одинъ дружинникъ во время этой перестрѣлки не былъ даже раненъ: солдаты все время стрѣляли въ первую баррикаду, изъ за которой къ нимъ держалъ рѣчь ораторъ, а дружинники

сидѣли за второй. Только какой-то шальной пулей шагахъ въ 150 позади дружинниковъ ранена въ грудь переходившая улицу женщина.

Въ это время отъ Сухаревой башни подвигалось орудіе, которое разбивало баррикады по Садовой. Появилось и другое орудіе, изъ Каретнаго Ряда. Дружина отступила къ углу Долгоруковской и оттуда, съ дистанціи 450 шаговъ, начала перестрѣлку съ артиллеристами. Пострѣлявъ нѣкоторое время, пушки увезли.

Къ концу этого дня появилась группа вдребезги пьяныхъ солдатъ, а съ ними 15 чел. переодѣтыхъ городовыхъ и принялись разбирать баррикаду, у которой произошли описанныя столкновенія. Противъ нихъ выслали 3—4 дружинниковъ, а троихъ отправили въ обходъ и открыли по нимъ перекрестный огонь. Солдаты вертѣлись, не зная, куда имъ стрѣлять, и послѣ безпорядочной пальбы отступили".

Послѣ этихъ пяти отраженныхъ аттакъ, войска не являлись на Каретную площадь дня два. Кавалерійскія аттаки въ этомъ мѣстѣ были невозможны изъ-за проволочной паутины.

Жандармы же, потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ съ дружинниками, спѣшившись, заняли Петровскія ворота. Они положили ружья на ограду бульвара, и начали стрѣлять вдоль Петровки и Страстного бульвара по всѣмъ прохожимъ. Тутъ ими было убито нѣсколько человѣкъ.

Мелкія стычки и ружейный обстрѣлъ происходятъ во всѣхъ частяхъ города.

На Пименовской улицѣ въ Косомъ переулкѣ около 12 ч. дня дружина Кушнаревской типографіи дала отпоръ наскочившимъ казакамъ. Двое наборщиковъ при этомъ ранены. Около 2—3 ч. дня по Садовой въ районѣ 3-й Мѣщанской проѣзжалъ взводъ драгунъ. Вдругъ сзади послышались выстрѣлы. Перепуганныя лошади понеслись, налетѣли на проволочныя загражденія. Запутались въ проволокѣ и попадали. Въ это время спереди изъ-за баррикады была брошена бомба и раздались выстрѣлы. Въ результатѣ весь отрядъ перераненъ и обезоруженъ.

Вся Кудринская Садовая, Новинскій бульваръ и всѣ переулки въ районѣ Кудринской площади и Смоленскаго рынка къ двумъ часамъ дня опять были покрыты баррикадами и опутаны проволочной паутиной. Часамъ къ 4 сюда нагрянули

драгуны, а на Смоленскомъ рынкѣ были установлены 3 орудія и началась пальба по направленію къ Дѣвичьему полю и Новинскому бульвару. Есть уже 3 убитыхъ шрапнелью: одинъ мальчикъ и двое мужчинъ. Въ это же время начинается орудійная пальба въ Кудринѣ. По Скатертному переулку пронесли оттуда раненаго: ему пушечнымъ ядромъ оторвало ноги. Съ Поварской драгуны обстрѣливаютъ проходящихъ по Кудринской площади. Незадолго передъ этимъ по Новинскому бульвару прозжали 5 драгунъ. Изъ стоявшей тамъ небольшой толпы раздались выстрѣлы, и драгуны обратились въ бѣгство. Съ каланчи у церкви на Кудринской улицѣ стрѣляютъ по проходящимъ. Драгуны стрѣляютъ на Арбатѣ; въ Кривоарбатскомъ переулкѣ раненъ подростокъ. По Остоженкѣ разъѣзжаютъ 10 пьяныхъ драгунъ и стрѣляютъ. Слышна ружейная пальба на Тверской, отъ Сухаревой башни доносится грохотъ орудій.

Около Міусскаго вагоннаго парка на Лѣсной улицѣ происходятъ часто стычки съ войсками всѣхъ родомъ оружія. Баррикады тамъ устроены изъ трамвайныхъ вагоновъ *), вытащенныхъ на улицу и составленныхъ поперекъ ея по обѣ стороны парка. Такимъ же путемъ забаррикадированы переулки у парка. Часовъ около 12 дня здѣсь завязалась перестрѣлка у дружинниковъ съ казаками и частью конвойной комапды. Изъ публики ранено при перестрѣлкѣ 4 человѣка. Дружинники не пострадали; казаковъ, говорятъ, ранено 5 человѣкъ. Вообще это одно изъ немногихъ мѣстъ, гдѣ дружина, засѣвъ за баррикады и регулярно отбиваясь отъ войскъ, сравнительно долго держалась.

Прѣсня продолжаетъ укрѣпляться. Тамъ забаррикадированы Горбатый мостъ съ двухъ сторонъ, Нижне-Предтеченскій и всѣ ближайшіе переулки.

Построены баррикады въ проѣздахъ Цвѣтного бульвара.

Теперь остановимся подробнѣе на Замоскворѣчьи, которое въ этотъ день также покрылось сѣтью баррикадъ и гдѣ

---

*) Необходимо замѣтить, что на постройку баррикадъ рабочіе брали исключительно конные вагоны и прицѣпные трамвайные, а болѣе цѣнные моторные вагоны не трогали. Только одинъ моторный вагонъ, по недосмотру организатора, руководившаго постройкой, попалъ на баррикаду.—

по распоряженію московской администраціи была подожжена крупнѣйшая московская типографія Сытина.

Съ утра на Серпуховской площади стояли казаки (въ черныхъ буркахъ и черкескахъ) и стрѣляли вдоль улицъ залпами. Убили при этомъ мальчика, который все грозилъ имъ пальцемъ и цѣловалъ подстрѣленную рядомъ съ нимъ птицу. Были ранены нѣсколько случайныхъ прохожихъ.

Часовъ въ 11—12 утра состоялся общій районный митингъ на фабрикѣ Цинделя. Было сообщено постановленіе Исполнительнаго Комитета — строить баррикады. Митингъ обсудилъ это постановленіе и рѣшилъ приступить къ постройкѣ баррикадъ, чтобы преградить кавалеріи возможность разъѣзжать. Во время митинга у воротъ стояли 5—6 городовыхъ; они вели себя мирно. Послѣ митинга рабочіе Сытина и Михайлова сразу взялись за работу и выстроили большую, въ ростъ человѣка—баррикаду на Пятницкой улицѣ, и нѣсколько маленькихъ по переулкамъ, около Сытинской типографіи. Нѣкоторыя улицы, выходящія на Серпуховскую площадь, также были забаррикадированы.

Въ 2 ч. дня на площади показался взводъ драгунъ и открылъ огонь по толпѣ, стоявшей на Пятницкой улицѣ. Въ отвѣтъ на залпы драгунъ раздались револьверные выстрѣлы. Въ результатѣ въ толпѣ одинъ убитъ и двое ранены.

Вдоль Серпуховской улицы раздается рѣзкая стрѣльба. На углу Арсеньевскаго переулка и Б. Серпуховской пѣхотный патруль обыскиваетъ прохожихъ. При вопросахъ можно-ли пройти солдаты отвѣчаютъ утвердительно, но потомъ вслѣдъ прохожимъ пускаютъ пули.

„Въ третьемъ часу дня, разсказываетъ очевидецъ, мы шли отъ Цинделя по Сѣнной. Мимо насъ пронеслись 7—8 драгунъ по направленію къ Сытину. Тамъ уже трещали выстрѣлы. На Шаболовкѣ и въ Кривомъ переулкѣ шла энергичная постройка баррикадъ. Строили человѣкъ 100 организованныхъ рабочихъ, 5—6 дружинниковъ, мѣстные жители, по большей части тоже рабочій людъ. На фабрикѣ Симано начинаютъ ломать желѣзныя ворота. Хозяинъ высунулся изъ форточки. Рабочіе требуютъ, чтобы онъ отворилъ. „А вы мнѣ ничего не сдѣлаете?“ Его успокоили. Онъ вышелъ съ семьей, отперъ ворота. Ихъ сняли и водворили на баррикадѣ. Попъ мѣстной церкви заперся кругомъ и никого не пускаетъ. Ему

пригрозили „не оставить камня на камнѣ“, если онъ не отопретъ ворота. Попъ струсилъ и послалъ дворниковъ открыть ворота настежъ.

Вся Шаболовка и Донская — вплоть до Донского монастыря въ баррикадахъ. Перегорожены переулки Кривой и Ризположенскій, всѣ выходы на Калужскую площадь забаррикадированы. Здѣсь работаютъ бромлеевскіе рабочіе. Дальше, по всему спуску къ Крымскому мосту въ темнотѣ (былъ уже седьмой часъ вечера) копошится народъ, строя баррикады“.

Но вернемся къ Сытину. Драгуны, подъѣхавъ въ сопровожденіи полицейскихъ къ типографіи, дали нѣсколько залповъ въ большую баррикаду, а затѣмъ принялись обстрѣливать Пятницкую и прилегающіе переулки. Стрѣляли по сосѣднимъ домамъ и въ окна типографіи.

Всѣ попрятались во дворахъ. Улица опустѣла. По всему было видно, что опричники явились съ опредѣленными намѣреніями. Человѣкъ 10 драгунъ ворвались во дворъ дома Спиридонова (во 2-мъ Монетчиковомъ переулкѣ), рядомъ съ типографіей, и заявили дворнику: „здѣсь живутъ 200 сытинцевъ—мы ихъ всѣхъ сейчасъ изрубимъ и переколотимъ“. Драгуны были пьяны и еле ворочали языкомъ. Дворникъ убѣдилъ ихъ, что сытинскихъ рабочихъ въ домѣ живетъ всего человѣкъ десять, да и тѣ безоружные. Драгуны выѣхали со двора. Остальные драгуны вытребовали въ лавкѣ Высочаковой четвертную бутыль съ керосиномъ и облив имъ парадную дверь зданія типографіи, подожгли ее. Она вспыхнула яркимъ пламенемъ. Нѣсколько учениковъ типографіи (ихъ было вмѣстѣ съ дворниками и сторожами человѣкъ 12) схватили ведра и стали заливать горѣвшую дверь. Полиція и драгуны прогнали ихъ. Пріѣхавшей пожарной командѣ драгуны запретили тушить, пригрозивъ, что будутъ стрѣлять.

Затѣмъ начался систематическій поджогъ типографіи. Очевидцы, наблюдавшіе изъ оконъ сосѣднихъ домовъ, видѣли, какъ драгуны, предварительно обстрѣлявъ окна перваго этажа (очевидно, чтобы обезопасить себя отъ предполагаемой засады), вошли съ факелами въ помѣщеніе перваго этажа и ходили тамъ изъ угла въ уголъ. Минутъ черезъ пятнадцать сильно разгорѣлось и пламя валило въ разбитыя

окна. Такъ продолжалось около часу. Потомъ, послѣ нѣсколькихъ залповъ по окнамъ второго этажа, драгуны такимъ же порядкомъ подожгли и этотъ этажъ.

Наступила ночь, и зарево громаднаго пожара озарило небо надъ погруженной во мракъ Москвой. На темныхъ улицахъ раздаются залпы и одиночные ружейные выстрѣлы почти безъ умолку. Гдѣ то вдали палятъ изъ орудій.

На Тверской изрѣдка слышатся рѣзкіе сухіе выстрѣлы. Это солдаты, словно охотники, подкарауливаютъ свою жертву и стрѣляютъ въ отдѣльныхъ прохожихъ.

Дальше отъ Тверской въ Грузинахъ, Кудринѣ, на Поварской—у баррикадъ (не у всѣхъ, а болѣе солидныхъ и важныхъ) стоятъ кучками дружинники. Обыватели относятся довѣрчиво къ нимъ.

На Кудринской площади у баррикады, загораживающей выходъ съ Поварской, засѣли дружинники. Публика разошлась. Рабочій, строившій баррикаду, говоритъ, что „сегодня велѣли только строить баррикады, не защищать“. Къ дружинникамъ это не относится и они собираются отстаивать занятую ими позицію. Но вотъ показываются драгуны. „Мимо насъ, разсказываетъ очевидецъ, по Поварской медленно подвигается кавалькада по направленію къ Кудринской площади. Мы предвкушаемъ, что вотъ они сейчасъ наткнутся въ темнотѣ на баррикаду, и, затаивъ дыханіе, прислушиваемся къ каждому звуку на улицѣ. Вотъ раздался одинъ, другой выстрѣлъ, и затѣмъ частый, бѣглый огонь: это дружинники около баррикады встрѣтили драгунъ выстрѣлами. Тѣ отвѣчали. Затѣмъ стрѣльба прекратилась. Слышны голоса и конскій топотъ: ѣдутъ назадъ. Мы стоимъ за желѣзными воротами и слушаемъ. Раздается команда: „Ребята, разсыпься!“ „Да смотри на окна, а то какой-нибудь сукинъ сынъ выстрѣлитъ“.

На улицѣ страшно темно.

Драгуны, видно, сильно трусятъ—„Кто за мной идетъ?“ вскрикиваетъ вдругъ одинъ изъ нихъ въ темнотѣ.—„Это я!“ —„Тьфу!“

Вдругъ поднялась частая револьверная стрѣльба. Драгуны приходятъ въ замѣшательство, но потомъ оправляются и начинаютъ палить въ темноту куда попало. Перестрѣлка затягивается часа на два.

Стрѣльба идетъ кругомъ. Пули жужжатъ, гдѣ-то стекло зазвенѣло... Слышны далекіе выстрѣлы съ Горбатаго моста, очевидно, драгунъ и тамъ принимали дружинники.

Лишь глубокой ночью пальба стихаетъ и на время совсѣмъ прекращается. Но не надолго. Черезъ часъ, другой среди зловѣщей тишины раздается раскатъ орудійнаго выстрѣла. Стрѣляютъ съ Кудринской площади по Поварской. Очевидно, ускакавшіе драгуны прислали артиллерію прогнать дружинниковъ.

VIII.

Улицы Москвы 12—15 декабря.

Громадное зданіе Сытинской типографіи горѣло до утра. По временамъ слышался шумъ и трескъ—это внутри обрушивались балки и своды вмѣстѣ съ машинами. Сосѣдніе жители всю ночь не могли сомкнуть глазъ и видѣли, что пожарные ходили по переулкамъ и осматривали сосѣдніе дома—не залетѣла бы искра. Пользуясь темнотой, полиція разбирала баррикады. Драгуны съ винтовками въ рукахъ подстерегали на Серпуховской площади одинокихъ прохожихъ, подкрадывались къ нимъ въ темнотѣ и стрѣляли.

Когда разсвѣло, пожарные стали заливать горящее зданіе со двора, направляя рукава въ пробитыя въ крышѣ отверстія. Часовъ въ 11 утра 12 декабря прибыла еще одна пожарная команда и приступила къ тушенію пожара.

Характерно, что дворники до 7 час. утра не выпускали изъ домовъ рабочихъ, хотѣвшихъ бѣжать тушить пожаръ. Однако, рабочіе потихоньку пробирались въ дымящіяся развалины и пытались прекратить огонь: они боялись, что загорятся бочки со скипидаромъ и произойдетъ взрывъ.

Жители видѣли изъ оконъ квартиръ, какъ ночью привезли бочку съ водкой, поставили на улицѣ въ началѣ Б. Ордынки и оттуда носили ведрами на площадь къ солдатамъ.

Какъ говорятъ, утромъ пріѣзжалъ градоначальникъ къ мѣсту пожарища и благодарилъ солдатъ.

Управляющій типографіей Сытина ѣздилъ къ помощнику градоначальника Будбергу объясняться. Будбергъ сказалъ буквально слѣдующее: „Ничего кромѣ зла, я вамъ не желаю. Очень сожалѣю, что два года назадъ васъ не сожгли.“

По городу ходили слухи одинъ нелѣпѣе другого, будто бы въ типографіи забаррикадировались 600 вооруженныхъ

типографскихъ рабочихъ, будто они сами подожгли типографію и, воспользовавшись суматохой, ушли. Все это оказалось чистѣйшимъ вымысломъ: въ зданіяхъ Сытина находились только сторожа, дворники и человѣкъ 10 учениковъ въ спальнѣ.

Въ 6 вечера въ типографіи Сытина былъ произведенъ обыскъ, въ которомъ принимали участіе одни драгуны. Когда они подъѣзжали къ воротамъ, стоявшій тутъ рабочій, испугавшись ихъ, бросился бѣжать въ двери сторожки.

Драгуны стали громко стучать въ ворота и требовать, чтобы имъ отперли. Сторожу, который не могъ указать, куда дѣвался человѣкъ, стоявшій у воротъ, нанесли шашкой ударъ по рукѣ и бросились обыскивать во дворѣ. Найдя его, привели къ офицеру. „Нагибай голову!“ скомандовалъ ему офицеръ. Его начали бить чѣмъ-то въ родѣ плетки, били и кулаками и отпустили едва живого. Натѣшившись надъ рабочимъ, они пошли съ обыскомъ на спальню и у одного ученика нашли въ сундукѣ отвертку отъ ружья. Со двора фабрики драгуны направились черезъ дорогу въ домъ Спиридонова, выгнали всѣхъ жильцовъ къ воротамъ и начали хозяйничать въ квартирахъ. Перерыли все вверхъ дномъ, но ничего не нашли.

Одновременно съ приканчиваніемъ неугодной типографіи, съ утра въ Замоскворѣчьи разъѣздъ тверскихъ драгунъ вмѣстѣ съ полиціей начали разбирать баррикады. Дворники развозили на салазкахъ ворота, между прочимъ, и тѣ, что были сняты вчера съ участка. Передъ разборкой драгуны обстрѣливали „на всякій случай“ баррикады. При этомъ были ранены нѣсколько прохожихъ и убитъ дворникъ фабрики Симано. Къ часу дня загражденія еще стояли только на Донской, да на спускѣ къ Крымскому мосту валялись неубранные жернова, составлявшіе основу баррикадъ.

Полиція приказывала открыть лавки, закрытыя по распоряженію С. Р. Д.*)

*) Интересно отмѣтить здѣсь отношеніе лавочниковъ къ „власти“. Къ одному лавочнику на Калужской улицѣ является городовой и приказываетъ открыть лавку. — „Да она не велѣла,„ отвѣчаетъ лавочникъ. „Кто она?“ спрашиваетъ городовой. Лавочникъ называетъ пользующуюся огромнымъ вліяніемъ организаторшу (с. д.) мѣстнаго завода. „Законная власть“ въ безсиліи разводитъ руками.

Но Замоскворѣчье было единственнымъ раіономъ, въ которомъ „законныя власти“ возстановили свое господство уже въ ночь съ 11 на 12 число, за то въ другихъ частяхъ города за ночь выстроены новыя баррикады и переплетены проволочной паутиной. Мѣстами оставлены такія узкія лазейки, что сквозь укрѣпленную линію можно пробираться только ползкомъ.

Утро 12 дек. въ покрытыхъ баррикадами районахъ Москвы началось „мирно“: открылись нѣкоторые лавки и магазины. Выстрѣловъ почти не слышно. Жители пользуются этимъ временемъ, запасаются провизіей на день и больше, чтобы потомъ ужъ не вылѣзать изъ своихъ угловъ. Но съ 11—12 час. утра началась стрѣльба. Улицы быстро пустѣютъ, лавки закрываются, жители не рѣшаются ходить дальше своего переулка, а то и угла своего дома. Многіе пункты оцѣпляются войсками, и патрули обыскиваютъ проходящихъ. Если находятъ оружіе, то арестовываютъ, а то и просто убиваютъ тутъ же на мѣстѣ. Въ „Китай-Городъ“, на Ильинку, Никольскую, Варварку и въ Кремль совсѣмъ не пропускаютъ. Всѣ заставы гужевыхъ дорогъ, ведущихъ въ Москву, закрыты. Власти осматриваютъ проѣзжихъ, крестьяне съ провизіей пропускаются, но „подозрительныя“ лица задерживаются. Передвиженіе страшно затруднено. Напримѣръ, на то, чтобы попасть отъ Красныхъ воротъ на Арбатъ, приходилось употребить 6 часовъ и по пути подвергнуться 37 разъ обыску и не разъ попадать подъ пули.

„Не могли состояться занятія даже въ такихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ не предполагалось забастовокъ, такъ какъ чиновники и служащіе въ виду стрѣльбы на улицахъ естественно не рѣшались покинуть свои дома и выходить на службу. Поэтому банки и всѣ правительственныя и общественныя учрежденія закрыты. Присутствуютъ только старшіе начальники, живущіе въ домахъ, гдѣ помѣщаются учрежденія. Телеграфъ прекратилъ пріемъ частныхъ телеграммъ и принимаетъ только правительственныя. Въ почтамтѣ работа замялась, вслѣдствіе остановки желѣзныхъ дорогъ и невозможности направить корреспонденцію. Дѣйствіе городского телеграфа остановлено распоряженіемъ генералъ-губернатора. Сообщаются между собою только казенныя учрежденія. По распоряженію администраціи всѣ частные або-

ненты выключены изъ телефонной сѣти для того, чтобы не дать возможности переговариваться революціонерамъ" („Новое Время").

На перекресткахъ поставлены артиллерійскія орудія, которыя продолжаютъ „мести" улицы шрапнелью. При малѣйшемъ подозрѣніи, что изъ оконъ въ солдатъ стрѣляютъ дружинники, домъ обстрѣливаютъ не только ружейными залпами, но и орудійнымъ огнемъ. На Неглинномъ проѣздѣ подвергнутъ обстрѣлу домъ Шугаева; поводомъ послужили выстрѣлы въ солдатъ изъ оконъ мастерской мѣховщика. Убито два нижнихъ чина. Въ помѣщеніи мѣховщика также есть убитые.

Въ больницахъ и покойницкихъ при участкахъ уже нѣтъ мѣста для раненыхъ и труповъ. Во многихъ частныхъ домахъ, обозначенныхъ бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ, устроены частные госпитали и пріемные пункты, но и они переполнены.

Начиная съ 12-го всѣ послѣдующіе дни, вплоть до пріѣзда Семеновцевъ и начала разгрома Пресни 17 декабря, по существу ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Все это время внѣшняя картина города мало мѣняется. Значительная часть города сплошь покрыта баррикадами. Мѣстами они разрушаются, но быстро сооружаются вновь. Въ центрѣ магазины открыты. Кромѣ того, лавки со съѣстными припасами торгуютъ по утрамъ и въ другихъ частяхъ города до 10 часовъ. По утрамъ выстрѣловъ не слышно, не видно и войскъ. Но съ 10—11 час. утра уже грохочутъ пушки и разстрѣливаютъ баррикады и дома, изъ оконъ которыхъ были выстрѣлы. „Достаточно одного выстрѣла изъ какого либо дома, чтобы къ этому дому была немедленно доставлена артиллерія и начался орудійный разгромъ. Револьверные выстрѣлы изъ оконъ въ большинствѣ случаевъ провокаторскіе, либо дружинники стрѣляютъ изъ засадъ, имѣющихъ удобные выходы на случай бѣгства. Выстрѣлъ, хотя бы и провокаторскій, вызываетъ разрушительное дѣйствіе артиллеріи на весь домъ и страдаютъ и правые и виноватые". („Молва").

„13 декабря одновременно началась орудійная пальба на Садовой, въ Кудринѣ, на Самотекѣ, на Арбатѣ и на Брон-

ной. Это срывали баррикады, которыя тутъ же жгли пожарные, или преслѣдовали „забастовщиковъ“, которые пострѣляютъ изъ браунинговъ и перескочатъ на другую улицу; за ними перевозятъ орудія, а они переходятъ на третью улицу и такъ безъ конца цѣлый день. Арбатъ обстрѣливался артиллеріей на всемъ протяженіи отъ Арбатской площади до Смоленскаго рынка. Здѣсь было очень много жертвъ. Войска, особенно драгуны, страшно ожесточены и немилосердно расправляются. На Арбатѣ, между прочимъ, убито нѣсколько человѣкъ, глядѣвшихъ въ окна въ то время, какъ драгуны съ пожарными разбирали баррикады *).

Громили изъ орудій много домовъ, изъ которыхъ стрѣляли въ войска дружинники или провокаторы. Между прочимъ на Тверской громили два огромныхъ дома, Гиршмана и Коровина. Выстрѣлъ въ войска былъ сдѣланъ изъ пустой квартиры въ домѣ Коровина, гдѣ пріютилась дружина. Выведена была артиллерія и два орудія. Пуская гранаты въ домъ Коровина, разрушили его стѣны, а также балконъ въ сосѣднемъ домѣ Гиршмана.

На Краснопрудной улицѣ обстрѣливали дома Титова, Кононова и электрическую подстанцію трамвая. У Прѣсненской заставы также „пришлось“, говоритъ корреспондентъ газеты г-на Суворина, обстрѣлять артиллеріей и повредить цѣлый рядъ домовъ.

По Садовой отъ Сухаревой башни до Каретнаго ряда баррикады были разобраны въ ночь на 13-е войсками и теперь эта часть города свободна. Но на Долгоруковской и дальше по Садовой до Кудрина баррикады еще держатся.

Опишемъ характерный эпизодъ борьбы съ баррикадами въ этой мѣстности.

13 декабря около 2-хъ часовъ дня пожарные на углу Садовой и М. Бронной пытались разобрать баррикады подъ охраной солдатъ. Солдаты держали ружья на прицѣлъ. Ихъ никто не трогалъ; тогда они сложили ружья въ козлы. Въ этотъ моментъ съ угла Малой Бронной и Живодерки дру-

*) Такъ, изъ окна магаз. обуви Ремезова смотрѣли хозяинъ и приказчики. Внезапно подошедшій драгунъ, прицѣлился и выстрѣлилъ. Стоявшіе въ передней части магазина успѣли присѣсть на полъ, а бывшій въ задней комнатѣ сынъ хозяина, не слышавшій крика: „Ложись!“ былъ убитъ наповалъ.

жинники начали пальбу по солдатамъ. Солдаты бросились бѣжать. Потомъ, опомнившись, часть стала стрѣлять, но огонь дружинниковъ былъ сильнѣе и солдаты отступили съ крикомъ „орудіе!“ Когда пришло орудіе, дружинниковъ — въ числѣ 25 человѣкъ—уже не было, а артиллерія принялась палить по номерамъ „Ялта“, аптекѣ Рубановскаго и Полтавскихъ банямъ, **откуда выстрѣловъ не было**. Здѣсь уже прямо растрѣлъ домовъ обусловливается местью солдатъ и желаніемъ запугать и устрашить населеніе, чтобы оно не потворствовало и не покрывало дружинниковъ. Аптека разрушена снарядами, въ квартирѣ Рубановскаго въ нѣкоторыхъ комнатахъ все разворочено. По словамъ корреспондента „Нов. Времени“, на его глазахъ на Садовой улицѣ было выпущено до 60 шрапнелей. Другой очевидецъ, видѣвшій этихъ драгунъ и артиллеристовъ до описаннаго обстрѣла, говоритъ, что солдаты были пьяны: ихъ поили въ домѣ Сологуба, гдѣ они стояли во дворѣ. Одинъ изъ снарядовъ залетѣлъ отсюда въ домъ № 40 на Долгоруковской улицѣ, въ разстояніи $1^1/_4$ версты отъ того мѣста, гдѣ стояли орудія.

Очевидцы разсказываютъ, что часто артиллерія продѣлывала такія вещи: проѣзжаетъ по улицѣ, большею частью пустой, потомъ останавливается гдѣ либо у воротъ и стрѣляетъ во дворъ. Пострѣлявъ, снимается и ѣдетъ дальше.

До вчерашняго дня бой продолжался только до наступленія темноты, т. е. до пятаго часа, но сегодня 13 дек. рѣдкая артиллерійская и ружейная стрѣльба продолжалась далеко за полночь. Очевидно, возможность поддерживать бой до такого поздняго времени явилась слѣдствіемъ прибытія въ Москву новыхъ войскъ, въ видѣ резервнаго полка, артиллеріи и казаковъ.

Съ этого дня, 13 декабря, замѣчается у войскъ стремленіе занимать взятыя позиціи. Напр., послѣ того, какъ по Садовой отъ Сухаревой башни проѣхалось орудіе и прочистило путь, кое-гдѣ по этой линіи были поставлены патрули. Такіе патрули стояли также на Пречистенкѣ, около университета, манежа и Александровскаго сада, а также на многихъ улицахъ, пересѣкающихъ Тверскую. Всѣ они обыскиваютъ прохожихъ и, если находятъ револьверъ, арестовываютъ, а то и просто тутъ же пристрѣливаютъ. У университета и манежа строгій надзоръ: боятся покушеній и палятъ послѣ

перваго оклика. Близъ Малаго театра по прежнему артиллерія. У думы вооруженные винтовками городовые. Лубянка тоже занята патрулями. Но войска было очевидно недостаточно для того, чтобы занять всѣ захваченныя ими позиціи, а потому, за исключеніемъ центра города, патрули стояли только мѣстами, да и то не постоянно. Имъ приходилось переходить съ мѣста на мѣсто.

Въ помощь драгунамъ и казакамъ для разрушенія баррикадъ командировались пожарные. Они старались ломать и жечь ихъ. При этомъ, конечно, происходили стычки съ дружинниками. Такія стычки между прочимъ были на Арбатѣ и Кудринской площади. Обнаружилось, что у пожарныхъ были револьверы: на Арбатѣ они отстрѣливались.

Но несмотря на всѣ старанія, несмотря на то, что въ ночь съ 11 на 12 были сожжены всѣ баррикады по Садовой отъ Тверской до Сухаревой и въ Кудринѣ—онѣ возобновлялись вновь очень быстро. Баррикадами были покрыты 13 декабря слѣдующія части города: районъ Бронныхъ, Садовая отъ Цвѣтного бульвара до Кудрина, одна изъ Тверскихъ-Ямскихъ, переулки между Плющихой, Москвой рѣкой и Смоленскимъ рынкомъ, часть Сокольниковъ, выходы на Каланчевскую площадь, районъ у Андроньевскаго монастыря. Были также цѣлые укрѣпленные районы, какъ Прѣсня, Дорогомилово и мѣстность около Симонова монастыря.

Населеніе уже перестало обращать вниманіе на ружейные и револьверные выстрѣлы и начинаетъ понемногу привыкать и приспособляться къ окружающей обстановкѣ.

Въ первый день на баррикады всѣ смотрѣли съ удивленіемъ, и тревогой но черезъ день-два привыкли и къ барридамъ и къ новому положенію вещей.

„Когда я проѣзжалъ черезъ Грузины на извозчикѣ, разсказываетъ очевидецъ, то лавки торговали, публика гуляла какъ ни въ чемъ не бывало. По дворамъ черезъ разобранныя ворота и заборы были наѣзженныя дороги, въ объѣздъ баррикадъ. Дворники исполняли свои обязанности, скребли тротуары, мели улицу и снѣгъ тщательно подгребали къ баррикадамъ. Дружинники завели строгіе порядки, которымъ всѣ подчинялись“.

На Садовой и Тверской масса публики осматриваетъ разрушенные артиллерійскимъ огнемъ дома. Раздаются не-

лестные отзывы по адресу начальства вообще, Дубасова въ частности. —„Самъ забрался въ Кремль и сидитъ, а на обывателей выпустилъ пьяныя орды драгунъ, казаковъ и артиллеристовъ“. На Неглинномъ проѣздѣ около разгромленнаго дома Шугаева толпится много народу и осматриваетъ большія пробоины на стѣнахъ. Здѣсь же стоитъ тарелка съ кускомъ окрававленнаго человѣческаго мяса и запиской: „Жертвуйте пострадавшимъ отъ произвола“ Публика охотно даетъ.

Толпа издѣвается надъ офицерами, которые передвигались по городу подъ конвоемъ драгунъ. Это вызывало насмѣшки не только со стороны толпы, но и со стороны солдатъ. Такъ, шедшіе по Моховой къ манежу солдаты въ количествѣ 50—60 человѣкъ (безъ офицера), встрѣтивъ проѣзжавшаго на извощикѣ офицера подъ конвоемъ 5 драгунъ, вмѣстѣ съ толпой провожали его насмѣшками.

Большее вниманіе удѣлялось расклееннымъ по городу обязательнымъ постановленіямъ генералъ-губернатора. Въ этихъ **постановленіяхъ** движеніе по улицамъ за исключеніемъ служебнныхъ людей разрѣшается только до 9 часовъ вечера, причемъ послѣ 6 часовъ вечера всѣ проходящіе и проѣзжающіе будутъ-де подвергаться обыску, а всѣ имѣющіе оружіе или какіе-либо орудія будутъ задерживаемы. Жителямъ предписано также завѣшивать всѣ наружныя окна квартиръ и заколотить оконныя форточки во избѣжаніе обстрѣливанія войсками. Виновные въ нарушеніи этого постановленія будутъ подвергнуты заключенію до трехъ мѣсяцевъ и штрафу до трехъ тысячъ рублей, а виновные въ стрѣльбѣ будутъ преданы военному суду. Выражая далѣе благодарность „доблестнымъ“ войскамъ за ихъ службу, Дубасовъ призываетъ населеніе исполнять обязательныя постановленія, какъ раньше изданныя, такъ и издаваемыя, прекратить забастовку, особенно желѣзнодорожную и почтово-телеграфную, и объединиться для содѣйствія войскамъ и полиціи, не опасаясь никого и ничего и сохраняя увѣренность, что „законная власть“ охранитъ обывателей. Затѣмъ въ виду частаго повторенія засадъ въ частныхъ домахъ, стрѣлявшихъ по войскамъ и полиціи, генералъ-губернаторъ предупреждаетъ, что если на улицѣ появится толпа болѣе чѣмъ въ три человѣка, то она будетъ обстрѣливаема вой-

сками и полиціей. Ворота и двери домовъ и дворовъ должны быть закрыты, причемъ отвѣтственность за это, а также обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы въ домахъ не хранилось оружіе, возлагаются на домовладѣльцевъ и управляющихъ. Въ случаѣ обнаруженія взрывчатыхъ веществъ и оружія, хозяева домовъ, гдѣ они будутъ найдены, подвергаются секвестру имущества.

Во многихъ мѣстахъ публика читала и рвала это объявленіе.

Эти драконовскія мѣры не остались на бумагѣ, а даже были превзойдены дѣйствительностью.

Фактически патрули обыскивали и стрѣляли цѣлый день съ утра до вечера, стрѣляли даже въ кучки, читающія на перекресткахъ объявленія генералъ-губернатора.

Въ ночь на 13-ое произведенъ длинный рядъ арестовъ. Днемъ аресты стали массовыми. Всѣ арестованные доставляются въ охранное отдѣленіе, а уже оттуда ихъ распредѣляютъ по мѣстамъ заключенія. Вслѣдствіе массовыхъ арестовъ всѣ московскія тюрьмы и арестантскія помѣщенія переполнены. Больницы Басманная, Ново-Екатерининская и другія городскія, частныя и тюремныя переполнены ранеными жертвами борьбы, которыхъ насчитывается приблизительно около 2,000 чел. Среди раненыхъ много женщинъ и дѣтей. За недостаткомъ помѣщеній раненыхъ отправляютъ въ глазную и спеціальную женскую больницу. Запрещеніе оказывать раненымъ частную врачебную помощь ставитъ раненыхъ въ невыносимо тяжелое положеніе. Общественныя организаціи не могутъ собраться для рѣшенія этого вопроса, такъ какъ всѣ части города разобщены другъ отъ друга. Переѣздъ же изъ одной части города въ другую связанъ съ явной опасностью для жизни: солдаты и драгуны стрѣляютъ зря, безъ толку и куда попало.

За то 13 декабря въ первый разъ собралась, наконецъ, Московская городская дума. Но необычнымъ днямъ соотвѣтствовала и необычная обстановка этого собранія думы: засѣданіе было закрытое, зданіе думы охранялось усиленнымъ нарядомъ полиціи, на Театральной площади стояли орудія, кавалерія и пѣхота. (Дѣятельности московской думы во время декабрьскихъ дней мы посвящаемъ особую главу).

14 декабря улицы Москвы представляли собой арену той же борьбы. Наряду съ разрушеніемъ однихъ баррикадъ, появляются новыя. Такъ, на Б. Царицынской, около университетскихъ клиникъ, баррикады появились только 14 декабря: это были самыя позднія баррикады. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ баррикады разрушались часто, нѣкоторыя пока совсѣмъ не трогались. Къ числу послѣднихъ нужно отнести районъ Бронныхъ и Грузины. Систематически разрушать ихъ стали только подъ конецъ, когда дружинники бросили защищать ихъ и перешли въ другіе районы. Пушки не умолкали и весь этотъ день, и нѣтъ возможности да и надобности приводить всѣ случии артиллерійскаго разгрома. Отмѣтимъ слѣдующіе факты.

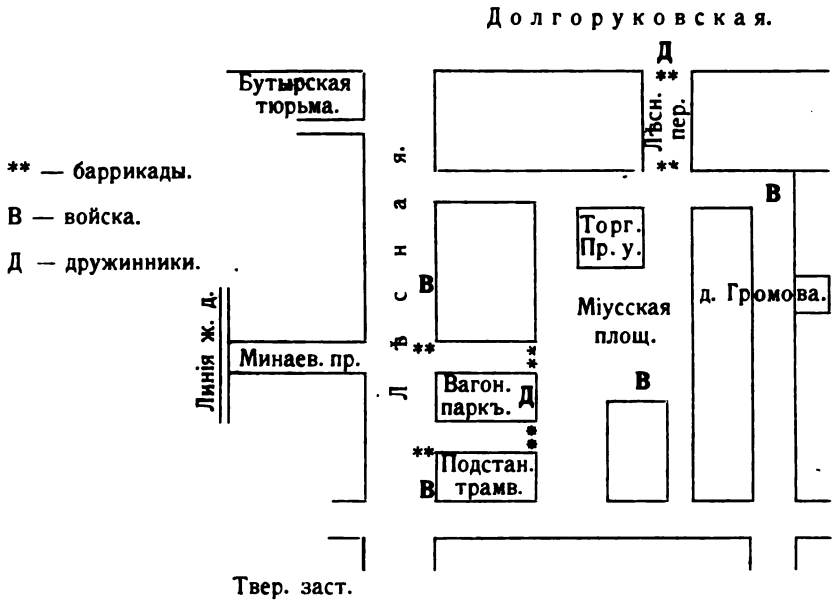
На углу М. Бронной и Тверского бульвара 14 декабря около 5 часовъ дня артиллерія разгромила квартиру зубного врача въ д. Романова, за то только, что въ ней помѣщался красный крестъ.

Упомянемъ домъ Ястребовой на углу Садовой, въ которомъ отколотъ цѣлый уголъ, домъ Братанова на Садовой, домъ Гзовскаго на Краснопрудной, одинъ домъ на Арбатѣ и домъ Орловыхъ въ Чухинскомъ переулкѣ. Въ Каретномъ ряду обстрѣливался гранатами домъ Шика, въ которомъ находится квартира извѣстнаго общественнаго дѣятеля, присяжнаго повѣреннаго Тесленко, откуда будто бы стрѣляли въ находящіяся напротивъ казармы жандармскаго дивизіона. Въ этотъ же день было произведено артиллерійское наступленіе на Прѣсню (см. главу IX).

Обратимся теперь къ непосредственной борьбѣ между дружинами и войсками. Въ теченіе цѣлыхъ пяти дней войска и военное начальство не успѣли освоиться съ пріемами дружинниковъ, не сумѣли найти способа справляться съ баррикадами и, никогда не зная ни силъ, ни расположенія противника, обнаружили необычайную растерянность и безтолковость въ своихъ дѣйствіяхъ. Характерно въ этомъ отношеніи „сраженіе“ 4 декабря на Міусской площади.

Міусскій вагонный паркъ и прилегающія къ нему мастерскія и подстанція трамвая были отгорожены четырьмя баррикадами: двѣ были поставлены на Лѣсной улицѣ и двѣ въ сосѣднихъ переулкахъ. Минаевскій проѣздъ, который ведетъ къ соединительной вѣткѣ Брестской и Николаевской

желѣзныхъ дорогъ, остался почему-то не забаррикадированнымъ. Даемъ планъ мѣстности:



Дружинѣ городскихъ служащихъ (38 человѣкъ: 34 винчестера, 4 маузера и у нѣкоторыхъ кромѣ того—браунинги) былъ данъ приказъ собраться къ 10 час. утра 14 декабря въ вагонномъ паркѣ. Дружинники стали по немногу собираться; начальникъ дружины еще не приходилъ. Въ 9 ч. утра паркъ неожиданно оказался оцѣпленымъ войсками. Главная масса пѣхоты и драгунъ съ 3-мя орудіями и 2-ми пулеметами расположилась на Міусской площади фронтомъ къ Торгово-Промышленному училищу. Два небольшихъ отряда драгунъ были посланы къ баррикадамъ на Лѣсную улицу—очевидно, чтобы отрѣзать дружинникамъ путь къ отступленію. Со стороны пересыльной тюрьмы къ сторожевому отряду присоединилась и конвойная команда.

Въ осадѣ очутились всего 13 дружинниковъ безъ командира. У каждаго былъ обычный дневной запасъ боевыхъ патроновъ. О томъ, гдѣ хранятся ящики съ запасными патронами, они не знали. На ихъ глазомѣръ войска пришло человѣкъ 500—600. Однако, они рѣшили дать имъ отпоръ.

Оба пулемета навели на фасадъ Торгово-Промышленнаго училища и открыли стрѣльбу. Было выпущено съ промежутками до 200 пуль. Дружинники, отрядивъ троихъ на охрану баррикадъ на Лѣсной, засѣли во 2-мъ этажѣ, надъ мастерскими *). Какъ только затрещали пулеметы, дружинники дали залпъ по отряду осаждавшихъ. Двое солдатъ упали, остальные отскочили отъ пулеметовъ, но потомъ, оправившись, продолжали обстрѣлъ училища. Разобравши, наконецъ, что стрѣляютъ со стороны парка, войска навели орудія и пулеметы въ эту сторону и начали бомбардировать вагонный паркъ. Снаряды ложились на большомъ пространствѣ—досталось тутъ и дымовой трубѣ мастерскихъ. Всего было сдѣлано по парку до 40 орудійныхъ выстрѣловъ. Дружинники продолжали изъ оконъ осыпать солдатъ пулями съ дистанціи въ 250 шаговъ. Они подмѣтили, что изъ орудій стрѣляютъ не залпами, а по очереди, наводя ихъ то въ одно, то въ другое мѣсто. Какъ только они завидятъ, что орудіе наведено на правый уголъ зданія, они перебѣгаютъ на лѣвую сторону. Раздается выстрѣлъ, снарядъ влетаетъ въ окно, съ трескомъ разрываясь въ залѣ, или пробиваетъ сквозную брешь въ стѣнѣ. Дружинники сейчасъ же бѣгутъ къ образовавшейся бреши и, пользуясь ею или разбитымъ окномъ, какъ амбразурой, продолжаютъ стрѣлять. Все это время на задахъ три дружинника вели перестрѣлку съ конвойной командой.

Истративъ послѣ 4-хъ часовой перестрѣлки всѣ патроны, дружинники спрятали во дворѣ винтовки и всѣ ушли по Минаевскому проѣзду, оставивъ двоихъ, которые должны были какъ можно дольше отвлекать вниманіе войскъ. Въ это время орудія обвезли кругомъ и еще часа полтора обстрѣливали Лѣсную улицу отъ Тверской заставы. Тутъ было сдѣлано выстрѣловъ 12—15.

Наконецъ, около 4 час. дня, видя, что гарнизонъ „крѣпости“ давно не отвѣчаетъ на выстрѣлы, войска рѣшились перейти за черту баррикадъ и, осторожно подвигаясь впередъ съ ружьями на перевѣсъ, принялись обшаривать всю мѣстность. Не встрѣтивъ нигдѣ ни души, солдаты во-

*) Кстати сказать, въ этомъ самомъ зданіи дружинники учились стрѣльбѣ цѣлыхъ двѣ недѣли, и имъ никто не мѣшалъ.

шли, наконецъ, въ вагонный сарай и вдругъ остановились: подъ вагономъ въ смотровой ямѣ они увидѣли двухъ оставшихся дружинниковъ.

— Что за люди? что вы здѣсь дѣлаете? спросили солдаты, направивъ на нихъ ружья.

— А мы тутъ городское имущество сторожимъ.

— А дружинники гдѣ?.. спросилъ офицеръ.

— Они всѣ ушли.

— Когда же они ушли?..

— Да эдакъ съ часъ, пожалуй.

— Гдѣ же они вышли?!

— По Минаевскому проѣзду.

— Да развѣ тамъ не поставлено охраны?! обратился офицеръ къ солдатамъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

Офицеръ выругался, приказалъ „сторожамъ“ вылѣзти и искать оружіе. Тѣ водили солдатъ по разнымъ лазейкамъ и закоулкамъ и — ничего не нашли. Солдаты сами случайно наткнулись на два ящика патроновъ, о которыхъ дружинники не знали. Впослѣдствіи, впрочемъ, зарытыя винтовки куда-то пропали.

Въ это же время сборная дружина въ 12 человѣкъ габаевцевъ и волонтеровъ (одинъ винчестеръ, нѣсколько маузеровъ и револьверы) засѣла на углу Долгоруковской улицы и Лѣсного переулка и безпокоила осаждающихъ. Короткій Лѣсной переулокъ былъ загороженъ плохенькой баррикадой шагахъ въ 150 впереди дружинниковъ.

Они сидѣли не за самой баррикадой, а на углу Долгоруковской улицы, прикрываясь какъ щитомъ, желѣзнымъ телефоннымъ распредѣлительнымъ шкафомъ и подстрѣливали каждаго солдата, который подкрадывался съ винтовкой и пытался перебѣжать переулокъ. Наконецъ, десятку солдатъ удалось выскочить изъ-за угла и дать залпъ по баррикадѣ. Дружинники открыли сильный огонь и уложили пятерыхъ. Солдаты прекратили дальнѣйшія попытки, а дружина ушла на Селезневскую улицу „снимать“ полицію съ каланчи Сущевской части. Послѣ этого сюда было наведено орудіе, изъ котораго было сдѣлано нѣсколько десятковъ выстрѣловъ вдоль Лѣсного переулка и по окружающимъ домамъ. Восемь снарядовъ попало въ домъ Домовладѣльческаго обществ

въ Лѣсномъ переулкѣ. Нѣсколько деревянныхъ домовъ подожжено снарядами.

„Большой пожаръ произошелъ въ домѣ Громова: сначала войска палили въ верхній этажъ. Жильцы въ паническомъ ужасѣ бросались внизъ. Тѣмъ временемъ начался пожаръ. Пожарные пріѣхали, но ихъ почему-то угнали. Домъ весь въ огнѣ, а со всѣхъ сторонъ дождемъ сыплются на него пули. Женщины, дѣти бросались бѣжать, но бѣжать некуда. Представлялся выборъ—сгорѣть или быть разстрѣляннымъ; спасенія не было. И люди бросали все и бѣжали, скашиваемые по пути свистящими въ воздухѣ во всѣхъ направленіяхъ пулями. Много убитыхъ, много сгорѣвшихъ. Нѣсколько прилегающихъ домовъ сгорѣло до тла. Сейчасъ горятъ дома Устинова на Міусской площади, угрожая распространеніемъ огня на многочисленные здѣсь лѣсные склады, стоящіе милліоны рублей („Молва“).

Въ Торгово-промышленномъ училищѣ войска произвели тщательный обыскъ. Искали оружія почему то въ паровомъ котлѣ, но, къ великой досадѣ жандармовъ, тамъ ничего не оказалось. Отобрали только нѣсколько револьверовъ, бывшихъ по карманамъ у учениковъ. Арестовали учениковъ и два санитарныхъ отряда: отрядъ Торгово-промышленнаго училища и 3-й отрядъ медицинскаго союза. Разгромивъ нѣсколько кварталовъ артиллерійскимъ огнемъ и принудивъ двѣ дюжины дружинниковъ къ отступленію, войска спѣшили воспользоваться „побѣдой“, искали „крамолу“ въ промышленномъ училищѣ, поджигали жилые дома и истребляли ружейнымъ огнемъ обезумѣвшихъ отъ страха жителей. А въ это время, рядомъ съ оккупированной мѣстностью, въ Оружейномъ переулкѣ, нѣсколько дружинниковъ ворвались въ участокъ и, открывъ пальбу, навели панику на городовыхъ, но сидѣвшій въ участкѣ отрядъ пѣхоты выстрѣлами заставилъ нападавшихъ удалиться.

На Каланчевской площади, у вокзаловъ Николаевской, Ярославской и Казанской желѣзныхъ дорогъ нѣсколько дней подрядъ (съ 11 по 14 декабря) происходили серьезныя стычки между войсками и желѣзнодорожными рабочими и служащими. По приблизительному подсчету въ этихъ перестрѣлкахъ участвовало до 150 вооруженныхъ желѣзнодорожниковъ. Тамъ все время стрѣляли изъ орудій. Площадь

у Красныхъ воротъ, послѣ разрушенія баррикады 11 декабря, была занята войсками. 14-го днемъ можно было тамъ наблюдать такую картину: „Направо и налѣво отъ воротъ тянется полуразрушенная барррикада, построенная изъ сломанной желѣзной рѣшетки, обвитая телеграфною проволокою. Немного далѣе повисъ на проводахъ спиленный телеграфный столбъ. У самыхъ воротъ расположился взводъ артиллеріи при двухъ орудіяхъ, повидимому приготовленный къ стрѣльбѣ. Согласно всѣмъ правиламъ военнаго искусства артиллерію окружало „сторожевое охраненіе“ изъ конныхъ драгунъ“. („Молва.“)

Мелкія стычки происходили непрерывно: у Каменнаго моста, на М. Бронной, въ Трубниковскомъ переулкѣ, у Кудрина. Въ районѣ Кудрина за послѣдніе три дня было убито 13 драгунъ и казаковъ и 1 офицеръ.

Ходъ борьбы на улицахъ внушалъ надежды однимъ и опасеніе другимъ. Дубасовъ—какъ то̀ уже на слѣдующій день стало извѣстно̀ въ нѣкоторой части организаціи изъ выкраденной въ военномъ штабѣ переписки,—доносилъ въ Петербургъ, что изъ 15 тысячъ московскаго гарнизона онъ можетъ употребить въ дѣло только 5 тысячъ, такъ какъ остальные ненадежны, и просилъ присылки подкрѣпленій. Изъ Петербурга отвѣтили, что часть Петербургскаго гарнизона послана въ Прибалтійскій край, часть ненадежна, а остальные самимъ нужны. Тогда Дубасовъ попросилъ соединить себя по телефону съ Царскимъ Селомъ и заявилъ, что если ему не пришлютъ солдатъ, то онъ не ручается за „цѣлость самодержавія“. Тогда былъ данъ приказъ Семеновскому полку отправиться въ Москву.

Къ 15 декабря въ соотношеніи силъ противниковъ произошла глубокая перемѣна. Дружинники изнемогали и ряды ихъ все болѣе рѣдѣли. Войска же увеличивались въ числѣ, какъ за счетъ прибывшихъ подкрѣпленій изъ другихъ городовъ, такъ и благодаря тому, что все большія и большія части московскаго гарнизона принимали участіе въ активныхъ операціяхъ. Обыватель уставалъ, настроеніе рабочихъ массъ сильно шло на убыль, вѣра въ побѣду изсякла. Вотъ какъ корресподентъ „Молвы“ описываетъ этотъ день.

Сегодня положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Орудійная пальба началась только около часу дня и продолжается съ большими перерывами.

Артиллерія преимущественно громитъ на улицахъ баррикады. Кое-гдѣ гулко звучатъ выстрѣлы.

Къ общемъ замѣчается сравнительное затишье. Забастовка все еще держится твердо, хотя на нѣкоторыхъ улицахъ магазины открылись, не снимая однако ставенъ. Торгуетъ и Охотный рядъ. При рѣдкихъ орудійныхъ раскатахъ торговцы поспѣшно закрываютъ лавки.

Движеніе на улицахъ нѣсколько оживилось. Появились и извозчики.

Въ центральныхъ частяхъ города утромъ повидимому было нѣкоторое затишье, такъ какъ имѣется извѣстіе, что съ 10 до 12 час. дня были открыты нѣкоторые банки, но затѣмъ закрылись.

Въ городѣ всюду слѣды разрушительнаго дѣйствія войскъ. На Тверской цѣлый рядъ домовъ съ разбитыми стеклами, отбитыми карнизами, брешами. Окна наскоро забиты коврами, одѣялами, шторами.

На Міусской цѣлыя улицы съ изуродованными артиллеріей домами. Несчастное населеніе въ паническомъ ужасѣ металось по кварталу. Женщины теряли своихъ дѣтей. Очень много раненыхъ и убитыхъ. На Міусской же у Пыховскаго проѣзда тлѣетъ огромное пожарище — догораетъ домъ Громова, подожженный вчера артиллеріей. Сосѣдніе огромные лѣсные склады Аристова и другихъ какимъ то чудомъ уцѣлѣли.

Въ редакціи „Русск. Слова“ большая часть оконныхъ стеколъ пробита пулями.

Офицерскіе и нижніе чины 2-го Арбатскаго полицейскаго участка переѣхали сегодня въ частный домъ изъ боязни нападенія боевой дружины.

Продолжаются многочисленные аресты.

Провода телефоные между Петербургомъ и Москвой въ ночь на 15 декабря прерваны.

Изъ столкновеній этого дня отмѣтимъ перестрѣлку въ Б. Козихинскомъ переулкѣ. Дружина засѣла противъ участка на лѣсахъ вновь строющагося дома, а трое дружинниковъ были посланы на уголъ Палашевскаго переулка, чтобы оттуда „безпокоить непріятеля“. Драгуны, сидѣвшіе въ участкѣ, нѣсколько разъ выскакивали на выстрѣлы этого маленькаго отряда и начинали палить вдоль переулка, но сильный огонь сидѣвшей въ засадѣ дружины каждый разъ загонялъ драгунъ обратно въ участокъ и выводилъ изъ строя по нѣскольку человѣкъ убитыми и ранеными.

На улицахъ появилась „милиція“, набранная изъ всякаго сброда и вооруженная берданками съ примкнутыми штыками. „Новое Время“ сообщаетъ отъ 12 декабря, что „стала работать добровольная милиція, организованная генералъ-губернаторомъ при содѣйствіи „союза русскихъ людей“. Милиція дѣйствуетъ подъ руководствомъ полицейскихъ; она приступила сегодня къ разборкѣ баррикадъ и къ исполненію

другихъ полицейскихъ функцій въ трехъ полицейсхихъ участкахъ. Постепенно эта милиція будетъ введена и въ другихъ участкахъ на всемъ протяженіи города. Революціонеры почему-то (!) назвали эту милицію черносотенною".

Среди бѣла дня по Тверской проходитъ отрядъ „милиціи" человѣкъ въ 38—40, съ берданками на плечахъ. Предводительствуетъ этимъ сбродомъ браваго вида переодѣтый городовой. На Тверской громадное движеніе извозчиковъ и пѣшеходовъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядываютъ на эту нестройную вооруженную банду разношерстныхъ людей и спрашиваютъ другъ друга, что это за „боевая дружина".

— Это, чтобы лиценеровъ бить, говоритъ водовозъ.

— Хотѣли все милиціи,—вотъ вамъ и милиція, объясняетъ высокій сѣдой лавочникъ собравшейся вокругъ него кучкѣ дворниковъ и кухарокъ.

Пока районы были въ рукахъ революціонеровъ, грабежи и кражи прекратились совершенно. Но по мѣрѣ того, какъ войска брали одну часть города за другой и возстанавливали „законныя власти", усиливалось и хулиганство, которое вмѣстѣ съ мародерствомъ разнузданныхъ и пьяныхъ солдатъ дѣлали жизнь совершенно невыносимой. Сообщивъ отъ 13 декабря объ обращеніи Дубасова къ благонамѣреннымъ жителямъ „оказывать содѣйствіе войскамъ и полиціи, не опасаясь никого и сохраняя увѣренность, что законная власть охранитъ обывателей" газеты отмѣчаютъ, что „на улицахъ появились хулиганы, разгромы магазиновъ усиливаются: за прошедшую ночь ограблено нѣсколько магазиновъ готоваго платья, лавокъ и молочныхъ".

Заканчивая эту главу, необходимо отмѣтить провокаціонную роль полиціи въ этотъ періодъ. Еще съ 7-го и 8-го декабря полицейскіе съ постовъ почти изчезли. Но они не ушли совсѣмъ. Правда, порядочный процентъ ихъ отказывались отъ службы, не желая рисковать на каждомъ шагу жизнью. Большинство однако продолжало служить, только въ иной формѣ, переодѣвшись въ штатское платье. Теперь они совершенно слились съ черной сотней и даже составляли ея авангардъ. Мы уже отмѣтили раньше роль ихъ въ первые дни — при постройкѣ первыхъ баррикадъ. Теперь постараемся пополнить это другими фактами. Они придумали новую форму провокаціи. Забирались въ дома и стрѣляли

изъ нихъ—то по проходящимъ, то будто-бы въ войска. Поэтому-то нѣкоторые дома растрѣливали, мотивируя тѣмъ, что дружинники оттуда стрѣляли. 14 декабря провокаторы предательскимъ образомъ стрѣляли изъ слѣдующихъ домовъ: Зотова, Шапошникова, Соколова и Левыкина. Ранены 10 человѣкъ посторонней публики, изъ которыхъ двое умерло. Такой же обстрѣлъ производился въ концѣ Кузнечнаго переулка, на Ильинкѣ и у Камеръ-Коллежскаго вала.

Общая картина дня 15 декабря уже иная: Въ большей части города пальба затихла. Открылись банки, биржа, конторы, магазины. Вышелъ „Русскій Листокъ". На улицахъ оживленное движеніе. Всѣми чувствуется, что баррикадная жизнь кончилась.

Вечеромъ этого дня нѣкоторые начальники дружинъ постановили распустить свои дружины. Съ этого времени дружинники дѣйствовали, какъ частныя лица. Нѣкоторые изъ нихъ ушли на Прѣсню и сопротивлялись до конца.

Въ то время, какъ дружинники рѣшили прекратить борьбу, противникъ получилъ сильное подкрѣпленіе въ лицѣ прибывшихъ изъ Петербурга семеновцевъ, во главѣ съ Миномъ, и конно-гренадеръ, а изъ Варшавскаго военнаго округа—Ладожскаго полка.

Продолжала держаться одна только Прѣсня. На нее то и обрушился послѣдній страшный ударъ соединенныхъ силъ артиллеріи, драгунъ и петербургскихъ преторіанцевъ, излившихъ на нее весь гнѣвъ и всю месть почувствовавшей себя теперь сильной реакціи. Къ описанію событій на Прѣснѣ мы и перейдемъ.

IX.

Прѣсня 11—18 декабря.

Здѣсь разыгрался финалъ Московскаго возстанія Какъ уже знаетъ читатель, 10-го декабря къ вечеру вся Прѣсня покрылась баррикадами. Съ этого времени Прѣсня оказалась отрѣзанной отъ города и зажила своей особой жизнью до самаго разгрома 17-го декабря. Поэтому, событіямъ имѣвшимъ мѣсто на Прѣснѣ, посвящаемъ особый очеркъ.

Съ ходомъ забастовки въ первые дни читатель уже ознакомился въ первыхъ главахъ. Тамъ же разсказано и о происходящихъ въ этомъ районѣ митингахъ и демонстраціяхъ. 10-го декабря состоялся митингъ на Прохоровской фабрикѣ, на которомъ было рѣшено строить баррикады. Въ виду важности этого момента, разскажемъ объ этомъ митингѣ словами одной изъ участницъ.

„Митингъ собрался въ 3 часа дня. Здѣсь рабочіе потребовали отъ своихъ депутатовъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Надо было дать выходъ такому настроенію массы: часть рабочихъ стала уже уходить въ городъ, гдѣ въ это время строились баррикады и палили изъ пушекъ. Рабочіе депутаты получивъ соотвѣтствующую директиву изъ центра дали сигналъ строить баррикады. Масса сразу оживилась, работа закипѣла и уже къ 5—6 часамъ вся Прѣсня была покрыта баррикадами. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ красовались красныя знамена. Вся мѣстность приняла военный видъ и съ этого вечера началось свое „военное положеніе“ на Прѣснѣ. Вечеромъ же были разставлены патрули изъ боевой дружины. Въ этотъ же вечеръ было первое столкновеніе съ казаками. Казаки, переодѣвшись въ штатское платье, подошли

къ заставѣ и стали кричать: „Товарищи, пойдемте строить баррикады“. Едва только дружина сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, какъ началась стрѣльба; дружина отвѣчала тѣмъ же; казаки скоро исчезли. Раненныхъ со стороны дружины не было.

Вечеромъ дружина поймала одного подозрительнаго субъекта у баррикадъ и привела его на кухню; онъ былъ арестованъ. Патрули ночью пропускали съ большою строгостью и съ паролемъ; проходившихъ безъ пароля и незнакомыхъ, проводили на кухню. Въ этотъ же вечеръ, какъ и въ остальные дни, было отобрано много шашекъ, револьверовъ; обезоруживали городовыхъ частью на квартирахъ, частью на улицахъ.

На улицахъ ночью среди общей тишины слышался только возгласъ: „кто идетъ? пароль?“. Часовые расхаживали на своихъ постахъ, гремя шашками, отобранными у городовыхъ и офицеровъ. Ночь прошла спокойно. Набѣговъ не было. Настроеніе боевое“.

Но прежде чѣмъ дать мѣсто дальнѣйшему разсказу участницы, необходимо сначала ознакомиться съ тѣмъ, какъ были организованы управленіе и оборона укрѣпленной баррикадами Прѣсни и разсказать общій ходъ борьбы съ войсками. Данныя для этого заимствуемъ изъ матеріаловъ, имѣющихся въ с.-д. организаціи.

Съ 11-го декабря организуется руководство операціями по оборонѣ Прѣсни и составляется мѣстный совѣтъ изъ пяти членовъ: 2-хъ отъ районнаго совѣта рабочихъ депутатовъ; 1-го отъ с.-д. большевиковъ; 1-го отъ с.-д. меньшевиковъ; 1-го отъ с.-р. Военный совѣтъ взялъ на себя заботу о политическомъ руководительствѣ движеніемъ и о планѣ главныхъ военныхъ предпріятій. Практическое осуществленіе послѣднихъ передано начальникамъ дружинъ, во главѣ которыхъ сталъ главный начальникъ с.-д., большевикъ, а ближайшимъ помощникомъ его былъ товарищъ с.-р. Кромѣ того, на фабрикѣ Шмидта дѣйствовала самостоятельно и притомъ весьма энергично соціалдемократическая дружина.

Уже при постройкѣ баррикадъ 10—11 декабря произошелъ рядъ стычекъ съ казаками и солдатами: 1) были обезоружены 3 солдата, причемъ два изъ нихъ были убиты, 2) отбиты 3 аттаки казаковъ на баррикаду посреди Б. Прѣсни;

причемъ убиты и ранены офицеръ и 6 казаковъ; 3) три казака запутались въ проволочныхъ загражденіяхъ и сдались безъ выстрѣловъ; 4) 15 дружинниковъ были аттакованы въ Волковомъ пер. 60-ью казаками; залпами дружинниковъ убиты или ранены офицеръ и два казака, остальные бѣжали. Изъ дружинниковъ въ этотъ день было ранено двое, одинъ изъ нихъ смертельно. Казаки были вытѣснены со всей Прѣсни. Въ общемъ уже къ вечеру 11 декабря среди казаковъ обнаружилась сильная деморализація; офицерамъ съ трудомъ удавалось уговорить ихъ нападать на баррикады, причемъ и въ этотъдень, и позднѣе—пока шла пальба изъ револьверовъ, казаки не боялись и шли впередъ, но стоило начать стрѣлять изъ винтовокъ или маузеровъ—и казаки немедленно обращались въ бѣгство.

12-го декабря окончательно организуются дружины, которыя затѣмъ въ слѣдующіе дни пополняются. Составъ дружинъ былъ такой: изъ 40 человѣкъ состояла Шмидтовская дружина, вооруженная маузерами, причемъ 15 чел. изъ нихъ дѣйствовали внѣ Прѣсни. Грачевскую дружину составляли 15 чел. вооруженныхъ браунингами. Далѣе, Брестская дружина имѣла 20—22 челов., съ винтовками и браунингами. Прохоровская меньшевистская состояла изъ 10—20 чел., Прохоровская с.-р-ская—изъ 15 чел., вооруженныхъ смитами. Впослѣдствіи прибавились полицейскіе револьверы, солдатскія винтовки, охотничьи ружья. Подъ конецъ было до 200 чел. вооруженныхъ, у которыхъ было до 80 винтовокъ и маузеровъ.

Въ этотъ день 12 дек. былъ занятъ безъ сопротивленія участокъ, въ которомъ забрали оружіе и документы.

Съ Ходынскаго поля и Ваганьковскаго кладбища открыта была артиллерійская стрѣльба, при чемъ выстрѣлы направлялись на будки у заставы, на дома въ той же мѣстности и на Б. Прѣснѣ.

Дружинники усвоили партизанскую тактику: разбившись на отряды въ 2-3 человѣка, стрѣляли по казакамъ и артилеристамъ изъ домовъ, дровяныхъ складовъ, пустыхъ вагоновъ, потомъ быстро перебѣгали, повторяли то-же въ другомъ мѣстѣ и т. д. Такимъ образомъ, безъ всякихъ потерь со стороны дружинниковъ было убито до 15 казаковъ и артилеристовъ.—Отъ артиллерійскаго огня пострадало немало

обывателей и случайно—вдали отъ мѣста стычекъ—былъ смертельно раненъ одинъ дружинникъ (шрапнелью).

13 декабря на Прѣснѣ происходили лишь стычки съ казаками, причемъ дружинники скрывались въ домахъ и во дворахъ, а не за баррикадами,—и потому всегда почти не терпѣли потерь. На Прѣснѣ около Зоологическаго сада въ 4 ч. дня завязалась перестрѣлка съ казаками. Къ вечеру казакамъ и пожарнымъ удалось завладѣть баррикадой на Прѣсненскомъ мосту и сжечь ее. Причина этой неудачи дружинниковъ заключалась въ томъ, что охрана баррикады состояла исключительно изъ людей, вооруженныхъ браунингами и смитами. Ночью, однако, вмѣсто сожженной баррикады были выстроены двѣ новыхъ, выдвинутыхъ притомъ далѣе впередъ. Съ этого времени стали выставлять для охраны баррикадъ исключительно вооруженныхъ винтовками маузерами. Браунинги признаны полезными тогда, когда къ нимъ придѣлываются приклады. Остальные револьверы совершенно не идутъ въ ходъ.

14 и 15 декабря шла пушечная стрѣльба съ Кудринской улицы. Были разрушены богадѣльня противъ Прѣсненской части и сторожка Зоологическаго сада. Стрѣляли только часа по два подрядъ, а потомъ пушки увозили. Неоднократно казаки пробовали аттаковать баррикады отрядами въ 50 чел., но безуспѣшно.

14 декабря многіе дружинники утомились и двѣ дружины высказались за прекращеніе борьбы. Но объявленіе генералъ-губернатора съ призывомъ населенія къ содѣйствію войскамъ и полиціи и извѣстія о крайнемъ утомленіи войскъ снова подняли настроеніе. Въ ночь на 15-ое 300 рабочихъ вышли для починки и постройки баррикадъ. Построены баррикады по Трехгорному переулку, по которому раньше подъ охраной солдатъ возили съѣстные припасы на Ходынское поле.

Горячая перестрѣлка почти всѣ дни велась съ каланчи на Кудринской улицѣ, причемъ дружинники ежедневно снимали оттуда кого нибудь и бо́льшимъ успѣхамъ въ этомъ направленіи мѣшалъ лишь недостатокъ въ ружейныхъ патронахъ. Нѣкоторой поддержкой въ этомъ отношеніи послужила присылка 65 патроновъ солдатами Несвижскаго полка.

По ночамъ жители выставляли на Прѣснѣ караулы для сохранія порядка и устанавливали, по примѣру дружинниковъ, пароли.

Одинъ изъ прохоровскихъ дружинниковъ сообщаетъ, что день 15 декабря на Прѣснѣ прошелъ покойно. Сдѣлано дружиной нѣсколько арестовъ подозрительныхъ лицъ, (какъ то: дѣлающихъ фотограф. снимки съ баррикадъ, нѣсколько сыщиковъ) и обысканы квартиры на Б. Прѣснѣ, изъ которыхъ время отъ времени были слышны провокаторскіе выстрѣлы, причемъ найдено нѣсколько револьверовъ.

Вечеромъ 15 дек. дружинники арестовали на улицѣ начальника охраннаго отдѣленія Войлошникова и привели его на Прохоровскую фабрику. На квартирѣ у него былъ произведенъ обыскъ и конфисковано 600 руб. казенныхъ денегъ и фотографическія карточки поднадзорныхъ. Войлошниковъ былъ тутъ же приговоренъ къ смертной казни. Онъ выслушалъ приговоръ спокойно и потребовалъ, чтобы ему передъ смертью дали проститься съ женой и дѣтьми. Когда ему въ этомъ отказали, онъ продолжалъ энергично настаивать: „Я требую этого отъ васъ во имя человѣчности—и вы не можете мнѣ отказать въ этомъ: это мое право“. Вообще Войлошниковъ держалъ себя твердо и мужественно и ничего не вымаливалъ у своихъ враговъ.

Его проводили домой трое дружинниковъ. Оттуда его опять привели на Прохоровскую фабрику и разстрѣляли на дворѣ.

Для характеристики настроенія, которое пѣреживали защитники Прѣсни въ эти дни, приведемъ отрывки изъ разсказа участницы.

Въ воскресенье, 11 декабря настроеніе, какъ и наканунѣ, боевое, готовы хоть на войну сейчасъ идти. Уже рано утромъ прибавилось оружіе, отобранное у офицеровъ.

Въ понедѣльникъ 12 декабря, въ 11—12 час. утра одна изъ боевыхъ дружинъ вошла въ участокъ на Прѣснѣ, гдѣ былъ приставъ, околодочный и городовые; обезоружили ихъ, при чемъ приставъ отдалъ револьверъ и исчезъ. Дружина, забравъ все, что ей было надо (документы, фотографическія карточки, паспортные бланки), удалилась.

Весь этотъ день, какъ предъидущій, былъ день побѣды дружинниковъ. Торжество ихъ отражалось на настроеніи

всѣхъ. Вдругъ въ часъ дня началась пальба изъ пушекъ отъ Ваганьковскаго кладбища. Сообщили, что стрѣляютъ въ каменныя будки заставы, осколки летятъ по переулкамъ. Сначала это вызвало панику среди рабочихъ, но уже часа черезъ два привыкли и масса народу стояла на улицахъ у воротъ. Убитыхъ было три, раненыхъ 7 (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ бюро медицинскаго союза). Между прочимъ ранено трое дружинниковъ, причемъ когда одинъ изъ нихъ, раненый въ руку, бѣжалъ, его по дорогѣ кто-то ранилъ кинжаломъ—очевидно, черносотенникъ.

Въ 4 часа пальба прекратилась *) и на Прѣснѣ настала мертвая тишина; ночью лишь изрѣдка тамъ или здѣсь слышался выстрѣлъ винтовки или браунинга. Одна дружина встрѣтила трехъ солдатъ на Москвѣ-рѣкѣ. Произошла перестрѣлка, убитъ одинъ дружинникъ, одинъ раненъ. Солдаты убиты, у нихъ отобраны 3 винтовки.

Кстати здѣсь сказать, женщины-работницы записывались въ красный крестъ, ходили съ дружиной повсюду; напр., во время только что описанной перестрѣлки съ солдатами на Москвѣ-рѣкѣ одна изъ нихъ, бывшая тамъ, мнѣ разсказала слѣдующее: перевязавъ ногу раненому дружиннику, она увидала раненаго солдата; здѣсь невольно передъ ней сталъ вопросъ—перевязать ему раны или нѣтъ? Можетъ она это сдѣлать или нѣтъ? Тутъ, призналась она, ей стало его такъ жаль, что она всетаки рѣшилась это сдѣлать. „Жаль ужъ очень стало, не могла стерпѣть“, добавила она чутъ не со слезами. Въ будущемъ же рѣшила этого не дѣлать, говоря: „пусть ихъ подыхаютъ“.

Приходили къ депутатамъ съ жалобами рабочіе и обыватели. Первые совершенно уже не признавали свое прежнее начальство „хозяйское“. Депутаты помимо хозяина вводили свои порядки. Напр., свободныя мѣста въ спальняхъ по ихъ распоряженію занимались рабочими, живущими на частныхъ квартирахъ. Послѣ стрѣльбы изъ пушекъ многіе рабочіе, особенно женщины, стали уходить въ деревню, тогда депутаты объявили, что ихъ обратно принимать не будутъ, послѣ этого число уходившихъ замѣтно уменьши-

*) Въ этотъ день было отбито дружинниками орудіе, но они не сумѣли имъ воспользоваться. (См. XIII главу).

лось. Оставшіеся рабочіе съ интересомъ наблюдали за всѣмъ происходившимъ, но боялись, особенно семейные и женщины.

Прохоровская фабрика была обращена въ крѣпость. Выпускали изъ нея только по запискѣ депутатовъ изъ бюро, особенно выходившихъ съ вещами.

Теперь интересно, какъ относились обыватели къ депутатамъ и какъ считались съ ихъ мнѣніемъ. Напр. однажды приходитъ толстая домовладѣлица и горько жалуется депутатамъ: „Пожалуйста, защитите меня, на васъ вся моя надежда. Я бѣдная вдова; провокаторы обѣщаютъ сжечь мой домъ, увѣряя, что изъ моего дома будто бы стрѣляли". Начинаются оправданія, слезы, увѣренія... „Распорядитесь поставить дружину у моего дома". Депутатъ записываетъ № дома, и дама успокоенная удаляется.

Приходитъ мужикъ, повидимому изъ ближайшей деревни, и говоритъ: „Ваше благородіе, господинъ депутатъ, будьте добры дать мнѣ записочку (пропускъ), чтобы пропустила меня дружина проѣхать черезъ Москву-рѣку, теперь вѣдь вы—наше начальство, а не полиція" и т. д. Нѣкоторые просили напр. дать разрѣшеніе разобрать баррикаду, чтобы проѣхать, но этого, конечно, нельзя было допустить. Женщины приходили съ жалобами и просьбой разобрать ихъ спорныя дѣла. Слова депутата были рѣшающими во всѣхъ дѣлахъ. Со всѣми дѣлами, однимъ словомъ, обращались къ нимъ. Часто слышалось: „Надо пойти спросить депутатовъ: какъ и что они скажутъ, такъ и надо дѣлать"...

Одинъ изъ обывателей, напр., сказалъ, что никогда на Прѣснѣ не было такъ хорошо и спокойно, какъ теперь, когда власть въ рукахъ рабочихъ. По ночамъ жители сами устраивали свою охрану, тоже устанавливали пароль и наблюдали за порядкомъ. Еще въ началѣ событій на митингахъ собирались деньги, были кромѣ того въ Депут. бюро пожертвованія деньгами, частью вещами и провизіей; у Депутатовъ былъ избранъ свой кассиръ. На эти деньги (ихъ было порядочно) содержалась дружина, устраивались обѣды для нея въ первые дни; въ послѣдніе два дня обѣдъ для дружины былъ въ другомъ мѣстѣ и въ другомъ вѣдѣніи.

Послѣднее время, когда въ городѣ уже стало спокойно, особенно было замѣтно, что Прѣсня становится центромъ

вниманія; приходили напр. какія то дамы, повидимому постороннія, приносили деньги или пирожныя и съ интересомъ разспрашивали о дѣлахъ...

Съ 13 декабря каждое утро при входѣ на Прохоров. фабрику въ глаза бросалось увеличеніе числа оружія, отобраннаго у офицеровъ, городовыхъ и обывателей. Вооруженные патрули дежурили днемъ и ночью, а не вооруженные съ 5 час. вечера до утра; послѣдніе были разставлены вокругъ фабрики и у воротъ.

Каждый день на кухнѣ было пѣніе революціонныхъ пѣсенъ. Пѣли очень дружно. Нѣкоторое успокоеніе наступало только послѣ 12—1 час. ночи, когда часть дружины уходила домой, а часть отдыхала до новаго ночного дежурства. Каждую ночь дежурили и женщины работницы (по очереди) изъ Краснаго Креста. Обыкновенно вечеромъ приносились „Изв. С. Р. Д.“ и тутъ же расхватывались съ жадностью, но, къ сожалѣнію, онѣ доставлялись крайне неаккуратно и въ маломъ количествѣ.

Настроеніе все время не падало, а наоборотъ, поднималось съ каждымъ днемъ. Кругомъ на Прѣснѣ все было спокойно, только утромъ казаки показывались недалеко отъ фабрики Мамонтова, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ со стороны дружины, исчезали.

Однажды вечеромъ былъ арестованъ околодочный Сахаровъ. Событіе это съ невѣроятной быстротой стало извѣстно по всей фабрикѣ. Всѣ интересовались, какой будетъ вынесенъ ему приговоръ. У всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ— убить его. Помню, вечеромъ дежурный, понесшій ему пищу, вернулся обратно и взволнованно говоритъ: „Неужели его выпустимъ живымъ? Его надо сейчасъ разстрѣлять“. Изъ рабочихъ никто не могъ пройти мимо его комнаты спокойно; приходилось даже ихъ удерживать; видно было, что онъ имъ всѣмъ порядкомъ насолилъ. Многіе рабочіе, сжимая кулаки, говорили, что если его освободятъ живымъ, то они сами его убьютъ. Только извѣстіе, что растрѣлянный трупъ его лежитъ на Москвѣ-рѣкѣ, успокоило всѣхъ.

Вообще арестованныхъ было много; иногда сами обыватели приводили нѣкоторыхъ лицъ съ заявленіемъ, что они поджигали или разбирали баррикады. Бывали случаи, когда по ошибкѣ арестовывали своихъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, во втор-

никъ 13 декабря, въ 5 час. вечера, дружина привела 6 артиллеристовъ-солдатъ, дала имъ обѣдать; во время обѣда говорили рѣчи политическаго характера. Солдаты слушали ихъ внимательно и съ сочуствіемъ. Наконецъ ихъ отпустили безъ обыска и не обезоруживъ. Дѣлали это съ тѣмъ, чтобы ихъ не озлоблять.

Въ ночь на вторникъ казаки разрушили баррикаду около Зоологическаго сада. Въ этотъ же день вечеромъ построены были двѣ баррикады и болѣе основательныя, чѣмъ одна прежняя. Здѣсь самое дѣятельное участіе принимали дѣвушки-работницы: съ воодушевленіемъ всю ночь таскали онѣ бревна, снѣгъ вмѣстѣ со всѣми. Кстати сказать, онѣ, особенно двѣ изъ нихъ, очень любили ходить на развѣдки; каждый вечеръ онѣ приставали съ просьбами „пошлите насъ шпіономъ". И дѣйствительно ходили вечеромъ повсюду на развѣдки однѣ, около участка, части, заводили разговоры съ городовыми и иногда кое-что узнавали полезное. Однимъ словомъ, исполняли свои обязанности очень хорошо.

Всѣ дни, начиная съ воскресенья вечера 11-го было удивительно спокойно, исключая отдѣльныхъ набѣговъ казаковъ. Со всѣхъ сторонъ особенно ночью и поздно вечеромъ послѣ спокойнаго дня слышался одинъ и тотъ же вопросъ:. „Что будетъ дальше? Что они думаютъ? Почему они насъ не трогаютъ? Чѣмъ дѣло кончится?" и т. д, Казалось, что такое положеніе продержится долго. Находясь все время на Прѣснѣ и на Прохоров. фабрикѣ, подчасъ казалось, что и вездѣ такъ же хорошо, какъ у насъ,—и только приходившіе изъ города заставляли насъ разочаровываться. Говорили о военномъ положеніи въ городѣ, объ обыскахъ, арестахъ и проч. Все это казалось такимъ далекимъ, что едва вѣрилось: слишкомъ ужъ не подходили такія свѣдѣнія къ тому, что насъ окружало. Эти мрачныя вѣсти не дѣйствовали на настроеніе рабочихъ; оно не падало.

Наконецъ, въ четвергъ 15 декабря намъ сообщаютъ, что Замоскворѣцкій районъ и отчасти городской начинаютъ работать, что тамъ баррикадъ нѣтъ, ѣздятъ извозчики, магазины открыты. Держится только Бутырскій районъ, да и то уже и тамъ начинаютъ разрушать баррикады. Невольно возникаетъ въ организаціи и на Прѣснѣ в о п р о с ъ о л и к в и д а ц і и з а б а с т о в к и. Здѣсь произошли разногласія. Когда нѣкоторые

товарищи стали возражать противъ окончанія забастовки, то на нихъ посыпались слова: „Вы сидите у себя на кухнѣ, въ своемъ раіонѣ и думаете, что вездѣ такъ же хорошо, какъ у васъ. Посмотрите, что дѣлается въ городѣ", и т. д. Эти заявленія какъ то сразу отрезвляли и заставляли одуматься, но всетаки не хотѣлось вѣрить,—хотѣлось бы, чтобы вездѣ было такъ же хорошо, какъ у насъ.

Надо замѣтить, что еще наканунѣ вечеромъ, кажется въ среду настроеніе было особенно приподнятое. Пришелъ одинъ товарищъ изъ города и принесъ хорошія вѣсти. Онъ говорилъ ихъ на кухнѣ и конецъ его рѣчи былъ покрытъ громкимъ крикомъ „ура". Въ этотъ вечеръ особенно дружно пѣли пѣсни. Виды на будущее были самые хорошіе и радостные.

И вдругъ послѣ этого утромъ сообщаютъ о ликвидаціи стачки—поневолѣ не хотѣлось вѣрить и думать объ этомъ. Даже и послѣ такихъ сообщеній настроеніе рабочихъ не упало, многіе и слышать не хотѣли объ окончаніи всѣхъ дѣлъ. Но уже къ концу дня чувствовалось утомленіе за всѣ дни, дружина уже не съ такой охотой шла на свои посты, не было воинственности и рѣшительности первыхъ дней.

Наконецъ, въ пятницу 16-го декабря часовъ въ 11—12 получились свѣдѣнія, что на фабрикѣ Цинделя (въ Замоскворѣчьи) стали на работу. Въ этомъ рабочіе убѣдились, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ сами были тамъ. Это сильно подѣйствовало на рабочихъ: настроеніе сразу упало, замѣтно было колебаніе. Лица стали унылыя, на дежурства ходили съ неохотой и стали раздаваться вопросы: „Что же намъ теперь дѣлать? Вѣдь нѣтъ смысла держаться одному району". Тогда же узнали о разрушеніи баррикадъ въ Міусскомъ паркѣ.

16-го часовъ съ двухъ дня подъѣхавшая со стороны Кудринской площади артиллерія нѣкоторое время обстрѣливала Прохоровскую фабрику и прилегающія къ ней улицы, но вскорѣ, ввиду сильнаго ружейнаго огня дружины, артиллерія, потерявъ порядочно прислуги, принуждена была сняться и уѣхать. Этотъ обстрѣлъ въ дружинѣ приняли за маневръ Дубасова, желающаго нащупать силы революціонеровъ и отчасти узнать планъ защиты. До 16 декабря въ дружинѣ Прохоровской фабрики упорно держался слухъ,

что Дубасовъ отказался совершенно взять Прѣсню, если ему не пришлютъ подкрѣпленія.

При такихъ условіяхъ состоялось засѣданіе 16 декабря Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Прѣсненскаго района. Относительно этого въ с.-д. организаціи имѣются слѣдующія данныя.

Въ этотъ день велась вялая перестрѣлка, но обнаружились зловѣщіе признаки того, что Прѣсня окружается: Брянскій вокзалъ былъ занятъ пѣхотой и пулеметами, появились конные разъѣзды за Прѣсненской заставой. Тогда было собрано совѣщаніе районнаго совѣта депутатовъ. Многіе районные депутаты требовали продолженія стачки, но все таки большинство высказалось за прекращеніе ея въ понедѣльникъ, 19 декабря, а партизанскую войну рѣшено закончить въ воскресенье вечеромъ. Затѣмъ состоялось засѣданіе военнаго совѣта и начальниковъ дружинъ. Нѣкоторые же Прохоровскіе депутаты, не бывшіе на засѣданіи Сов. Р. Д., были за ея окончаніе, мотивируя тѣмъ. что нѣтъ смысла держаться одному району, да и силы уже истощаются. Въ этотъ же вечеръ было собраніе депутатовъ и собраніе военнаго совѣта.

На совѣтѣ выяснилось утомленіе и упадокъ энергіи дружинниковъ, и установленъ тотъ фактъ, что Прѣсню окружаютъ со всѣхъ сторонъ. Сдѣлано было 4 предложенія: 1) немедленно разоружиться; 2) продолжать борьбу до конца съ цѣлью умереть, такъ какъ все потеряно (с. р.) 3) вести борьбу до утра воскресенья (с. д. большевикъ) 4) вести борьбу до вечера воскресенья.

За послѣднее высказалось большинство, главнымъ образомъ считаясь съ рѣшеніемъ районнаго Совѣта Раб. Деп. Представитель комитета с. д. партіи настоялъ, однако, на рѣшеніи немедленно подыскать помѣщеніе для оружія и разослать развѣдчиковъ, чтобы опредѣлить, не окружена ли Прѣсня окончательно, чтобы въ такомъ случаѣ уйти и спасти оружіе. Однако, развѣдчики не могли быть посланы въ виду крайней усталости. Хорошихъ и надежныхъ помѣщеній для оружія на Прѣснѣ не оказалось: въ старыхъ, ранѣе намѣченныхъ, отказывали, новыхъ найти не удалось. Поэтому большая часть оружія была потомъ плохо спрятана и утрачена. Но сохранено болѣе 600 р. денегъ, конфискованныхъ

отчасти у начальника охраннаго отдѣленія Войлошникова, указавшаго, какія именно казенныя деньги у него были, отчасти въ почт. телегр. отдѣленіи.

16-го числа въ дружинѣ было извѣстно, что изъ Петербурга и Варшавы присланы войска и что на 17-ое готовится штурмъ Прѣсни. Всѣ стали усиленно готовиться къ защитѣ. Вездѣ были усилены патрули. Вечеромъ въ дружину принесли извѣстіе, что въ одномъ изъ домовъ на Б. Прѣснѣ (въ чьемъ именно, не помню) живетъ одинъ провокаторъ съ сыномъ офицеромъ, которые ежедневно стрѣляютъ по проходящимъ. Отправленной туда дружиной былъ сдѣланъ обыскъ квартиры, при чемъ нашли 4 военныхъ винтовки послѣдняго образца и два револьвера сист. Смиттъ и Вессонъ. Владѣльцевъ этого оружія не оказалось дома. Конфискованное оружіе доставлено дружинѣ и имъ вооружены новые члены дружины.

Несмотря на готовящійся штурмъ, въ дружинѣ шла обычная жизнь и настроеніе было спокойное. По словамъ другого участника настроеніе было инымъ. Вечеромъ настроеніе было крайне неопредѣленное, пѣсни пѣлись вяло, нестройно. Вечеромъ часть дружинниковъ—большая чѣмъ обыкновенно—ушла домой. Въ эту ночь чувствовалось какъ то странно, ожидалось что-то недоброе. Помню, часовъ въ 12 ночи выходитъ одинъ дружинникъ. Лицо у него блѣдное, усталое и говоритъ онъ: „Ну и зловѣщая тишина и тьма на улицѣ. Будетъ что то въ эту ночь или утромъ". Сидящіе кругомъ посмотрѣли на него и согласились мысленно, хотя и ничего еще не отвѣтили. Все говорило за то, что стоимъ наканунѣ рѣшительнаго дня. Всѣ были страшно уставши, но спать почти никому не хотѣлось. Часа въ два на Прѣснѣ была дѣйствительно зловѣщая тишина. Темно. Лишь издали слышались выстрѣлы винтовокъ. Въ другія ночи на улицѣ было совсѣмъ иное чувство, чѣмъ въ эту роковую ночь. Но вотъ настало страшное утро 17 декабря.

Часа въ 4 ночи съ 16 на 17 декабря съ поста у Прѣсненской заставы прибѣжалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что къ заставѣ двигается пѣхота. Тотчасъ же была поднята на ноги вся дружина и всѣмъ выдали дополнительное количество боевыхъ патроновъ. Въ пять часовъ пришли такія же донесенія и съ другихъ постовъ. Одновременно на всѣ посты,

куда направлялись войска, были посланы отряды дружинъ.

О штурмѣ Прѣсни въ бюллетенѣ районной организаціи разсказывается такъ:

Ночью на 17 декабря Прѣсня была окружена по всѣмъ правиламъ военнаго искусства—путемъ дальняго обхода и постепеннаго сжатія кольца. Съ 5 час. утра было обнаружено полное окруженіе: артиллерія была расположена у Ваганьковскаго кладбища, Трехгорной заставы, Дорогомиловскаго моста и въ Кудринѣ. Въ Девятинскомъ переулкѣ поставлены пулеметы и выставлена была вездѣ сплошная цѣпь пѣхоты. Въ 7 часу началась канонада, причемъ дѣлалось до 5—7 пушечныхъ выстрѣловъ въ минуту. Семеновцы наступали по М. Грузинской, гдѣ были баррикады.

Дружинники сопротивлялись, и довольно удачно, на Горбатомъ мосту, на Б. Прѣсненскомъ мосту и у Прѣсненской заставы. Однако къ 8 часамъ утра всѣ, кромѣ нѣсколькихъ дружинниковъ, разоружились. Къ этому времени Прѣсня отъ Брестскаго вокзала до Б. Прѣсни была уже занята Семеновцами, и всѣ дома были обысканы, причемъ семеновцы очень боялись засады, фугасовъ и бомбъ.

Къ 10 часамъ утра и остальные сложили оружіе. Войска перешли Горбатый мостъ и подожгли фабрику Шмидта, бани и другіе дома на Ниже-Прудовой улицѣ. До 4 часовъ дня продолжалась непрерывная пушечная пальба. Къ вечеру подожгли Мамонтовскую фабрику и дома около Прохоровской фабрики и до 8 час. вечера обстрѣливали Прохоровскія казармы для холостыхъ и семейныхъ рабочихъ.

Вышеупомянутый дружинникъ утверждаетъ, что дружины прекратили борьбу нѣсколько позже, чѣмъ указано въ бюллетенѣ. Вотъ какъ разсказываетъ онъ о событіяхъ этого дня.

Съ 6 час. утра 17 декабря на Прѣсненской заставѣ началась ружейная перестрѣлка. Вскорѣ затѣмъ она распространилась по всѣмъ мѣстамъ. Повидимому пѣхота повела наступленіе, но была очевидно отбита и часовъ съ 8 утра началась страшная артиллерійская канонада. Стрѣляли съ Кудринской улицы, отъ Прѣсненской заставы и, по слухамъ, съ Поклонной горы. Одновременно съ каланчи и Москвы-рѣки трещали пулеметы. Артиллерійскій огонь былъ сосредоточенъ на Прохоровской, Шмидтовской и Мамонтовской

фабрикахъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія скоро загорѣлись. На Прохоровской, охраняемой своей пожарной командой, пожара не было.

Орудіями была разгромлена часть прядильнаго корпуса и помѣщенія спаленъ для рабочихъ, причемъ наиболѣе пострадали семейныя спальни. Кромѣ того отъ артиллерійскаго огня загорѣлось много частныхъ домовъ, какъ то бани и дома Купчинскаго и Бирюкова на Б. Прѣснѣ, дома Лапина и Щетинина и многіе дома бѣдныхъ владѣльцевъ на Точиловкѣ и близъ нея, такъ что вскорѣ Прѣсня горѣла почти кольцомъ.

Часамъ къ 12 дня дружины, выбитыя артиллеріей со своихъ позицій, принуждены были оставить свои посты и дѣйствовать болѣе раздѣльно. На Прохоровской фабрикѣ находился лишь штабъ съ запасами боевыхъ припасовъ, и нѣсколько человѣкъ дружины для охраны.

На вышкѣ университетской обсерваторіи былъ помѣщенъ наблюдательный пунктъ.

Около часа дня дѣйствующимъ отрядамъ дружины было предложено начальникомъ сдать оружіе въ организацію, а самимъ пробираться къ мѣстамъ жительства. Не сдали оружіе только нѣкоторые дружинники, которые и составили свой отрядъ и дѣйствовали сами по себѣ.

Съ двухъ часовъ дня канонада прекратилась и лишь изрѣдка была слышна ружейная перестрѣлка. Несмотря на стихшую канонаду выйти съ Прѣсни стоило большихъ трудовъ, ибо лишь только кто-либо показывался за чертой обороны Прѣсни, былъ разстрѣливаемъ войсками. Часовъ съ 4-хъ дня канонада снова возобновилась и продолжалась часовъ до 6 вечера. Затѣмъ лишь изрѣдка раздавались орудійные выстрѣлы. Ружейная стрѣльба не умолкала до самаго поздняго вечера.

Къ утру 18 числа Прѣсня была очищена отъ баррикадъ самими обывателями и отчасти войсками. Остался лишь районъ Прохоровской фабрики, откуда еще отстрѣливался вышеупомянутый отрядъ дружины и добровольцы. Вскорѣ затѣмъ и они должны были прекратить безполезную борьбу.

18 декабря утромъ, былъ разрѣшенъ выходъ мирнаго населенія по М. Грузинской, причемъ не производилось даже обысковъ. Этимъ путемъ успѣли выйти и всѣ дружинники.

нѣкоторые даже съ оружіемъ. Дальнѣйшіе разстрѣлы и разоруженіе производились войсками уже тогда, когда ни одного дружинника на Прѣснѣ не было, и всецѣло направлены были противъ мирныхъ обывателей.—

Вотъ что разсказываетъ интеллигентная семья, живущая на Воронухиной горѣ, про послѣдніе дни Прѣсни. „Мы проснулись въ 6 час. утра 17 декабря отъ орудійныхъ выстрѣловъ и бросились къ окну. Днемъ отсюда, какъ на ладони, видна Москва-рѣка, Прохоровская фабрика и южная часть Прѣсни. Въ темнотѣ было ясно видно, какъ со стороны Ваганькова кладбища вспыхивало пламя и вскорѣ раздавался грохотъ пушечнаго выстрѣла. Выстрѣлы были часты, ихъ была масса.

Когда разсвѣло, видно было, какъ по льду рѣки изъ за угла Прохоровской фабрики направляется народъ по одиночкѣ къ Новинскому переулку. Около 12 час. дня на лѣвомъ берегу около этого переулка появились солдаты. Одиночнымъ прохожимъ, направлявшимся съ Прохоровской фабрики, солдаты кричали: „руки вверхъ!“ и обыскивали *). Солдаты иногда стрѣляли въ идущихъ. Были случаи, что падали люди, шедшіе съ поднятыми руками. Упавшихъ было трое. Видно было въ бинокль, какъ одинъ раненый приподнимался. Солдаты опять выстрѣлили въ него и добили окончательно. Остальныя фигуры лежали неподвижно. Солдаты не давали поднимать упавшихъ. Ихъ подобрали только черезъ два дня. Въ этотъ же день начались на Прѣснѣ пожары. Зарево отъ нихъ было такое, что у насъ и въ Дорогомиловѣ вечеромъ можно было читать какъ днемъ.

На другой день 18 декабря народъ цѣлый день бѣжалъ съ Прѣсни лѣвымъ берегомъ къ Воронухиной горѣ и черезъ рѣку на правый берегъ въ Дорогомилово. Опять появились солдаты съ пулеметами у Новинскаго переулка надъ купальней и стрѣляли въ бѣгущій народъ.

На слѣдующій день 19 декабря войскъ въ этомъ мѣстѣ уже не было. Народъ продолжалъ бѣжать. Прѣсня горѣла.

Дадимъ мѣста словамъ другого участника. Наступило 17 декабря. Рано утромъ, еще въ темнотѣ, всѣ проснулись подъ

*) См. объ этомъ № 327 „Русск. Вѣдом.“ за 1905 г.

выстрѣлы винтовокъ и громъ пушекъ. Въ первый моментъ со сна какъ то нельзя было сразу разобрать, что такое случилось и почему такой шумъ и громъ. Уже къ 6 час. утра въ субботу Прѣсня была аттакована Семеновцами. По дорогѣ около Зоологическаго сада и у заставы ихъ встрѣчали выстрѣлами. Перестрѣлка длилась часовъ до 9—10. Наконецъ, видно было, что сопротивляться дальше безполезно: передъ пушками съ револьверами и винтовками не устоишь.

Пушки стали палить часовъ съ 7—7½ утра и до 12 час., а затѣмъ опять съ часу до 4-хъ час. дня. Такимъ образомъ, бомбардировка цѣлый день была настоящая. Жители были въ паникѣ. Помню картину на Б. Прѣснѣ днемъ: съ двухъ сторонъ — со стороны Зоолог. сада и заставы— клубы чернаго дыма; дома объяты пламенемъ, баррикады горятъ; трескъ страшный. Женщины и дѣти въ ужасѣ выскакиваютъ изъ домовъ, безсознательно ища спасенія на улицѣ. Пушки палятъ, стекла разбиваются со звономъ, пули свистятъ... прямо какой то адъ. Кажется, можно сойти съ ума.

Пришлось какъ разъ зайти въ одинъ домъ во время стрѣльбы. Во дворѣ стояло много народу—рабочихъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ: „Ну, если до сихъ поръ мы молчали, царя-батюшку уважали, то теперь я первый стану палить во все правительство. Я первый стану палить изъ пушки! Подождите! И на нашей сторонѣ будетъ праздникъ“. Въ этотъ день сплошь и рядомъ можно было слышать такія рѣчи—озлобленіе было страшное.

X.

Борьба на желѣзныхъ дорогахъ Московскаго узла.

Декабрьская желѣзнодорожная забастовка шла дружнѣе, чѣмъ октябрьская, что объясняется и лучшей организованностью и большимъ вліяніемъ, которое пріобрѣлъ всероссійскій желѣзнодорожный союзъ.

Вообще, желѣзнодорожные служащіе и рабочіе по своей организаціи производили лучшее впечатлѣніе, чѣмъ организаціи фабрично—заводскихъ рабочихъ. Желѣзнодорожному союзу удалось создать колоссальную организацію. Прежде всего поражало, что весь сложный механизмъ движенія поѣздовъ съ запасными войсками, съ дружинниками и членами революціонныхъ организацій дѣйствовалъ съ изумительной правильностью и быстротой, несмотря на близость войскъ во многихъ мѣстахъ. Но одно обстоятельство испортило все дѣло и можетъ быть явилось роковымъ для исхода всей забастовки: Николаевская дорога не бастовала. Какъ же случилось, что самая важная артерія все время оставалась въ рукахъ правительства и доставляла въ Москву войска и пушки?

Когда представители петербургскаго желѣзнодорожнаго узла вернулись съ московской конференціи 29 желѣзныхъ дорогъ (5 декабря), то Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ просилъ ихъ подождать съ объявленіемъ забастовки до 8-го декабря, такъ какъ раньше этого дня не могутъ забастовать фабрики и заводы. Представители Петербургскаго узла согласились повременить, чѣмъ явно нарушили постановленіе ж. д. конференціи 5 декабря. Правитель-

ство воспользовалось этимъ промедленіемъ, арестовало 7 декабря массу членовъ желѣзнодорожнаго союза и заняло войсками линію. Кромѣ того, когда наступило 8-е декабря, произошла новая заминка: Александровскія мастерскія Николаевской ж. д. ждали, когда забастуетъ управленіе, а служащіе управленія медлили, ожидая, что забастовку начнуть Александровскія мастерскія.

Въ Москвѣ же желѣзнодорожная забастовка началась поразительно дружно.

Въ 12 часовъ дня 7-го декабря прекратилось движеніе на линіи и работы въ мастерскихъ на дорогахъ: Ярославской, Казанской, Курской, Брестской, Виндавской и Окружной, а къ 4-мъ часамъ дня стали всѣ дороги, кромѣ Николаевской, Рязано—Уральской и Кіево—Воронежской. Въ 8 часовъ вечера стала и Рязано—Уральская. Кіево—Воронежская остановилась 9-го.

На Николаевской часть московскихъ мастерскихъ стала 7-го декабря, остальныхъ сняли на другой день. Линія не забастовала, на дорогѣ дѣйствовалъ желѣзнодорожный батальонъ. На второй или третій день послѣ объявленія забастовки представителями ж. д. союза обсуждался вопросъ о томъ, чтобы „снять“ Николаевскую дорогу. Но въ виду того, что настроеніе служащихъ этой дороги не внушало надеждъ, а также и потому, что у Николаевскаго вокзала были поставлены казаки, рѣшили „съемку“ не производить, а приготовились къ захвату Николаевскаго вокзала силами массъ и боевыхъ дружинъ. Ниже будутъ сообщены данныя о столкновеніяхъ около Николаевскаго вокзала, теперь же упомянемъ, что въ виду невозможности „снять“ служащихъ, дѣлались попытки помѣшать движенію на Николаевской дорогѣ. Такъ, отъ 10-го декабря „Новое Время“ сообщаетъ:

„Сегодня на седьмой верстѣ Николаевской желѣзной дороги, желая прервать телеграфное сообщеніе, спилили три телеграфныхъ столба и перерѣзали провода. Начальникъ дороги послалъ на станцію охрану и объявилъ, что всѣ линейные сторожа получать по 25 рублей за каждаго пойманнаго „злоумышленника“. Движеніе на Николаевской желѣзной дорогѣ продолжается безпрепятственно.

Попытки остановить движеніе по Николаевской дорогѣ не прекращались все время. Онѣ дѣлались не только желѣзнодорожниками, но и со стороны—рабочими и крестьянами.

Въ то время, какъ въ Твери обложившія Морозовскую фабрику „войска, подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ и разрушивъ баррикады, взяли зданіе, но ничего тамъ не нашли“ („Молва)“,—въ двадцати верстахъ отъ Твери, на станцію Кулицкая напали нѣсколько сотъ крестьянъ, разгромили телеграфъ, попортили аппараты и провода. Станціонныя зданія пострадали сравнительно мало. Затѣмъ они направились на линію, спилили нѣсколько телефонныхъ и телеграфныхъ столбовъ и принялись разрушать полотно. Не имѣя, однако, съ собой ломовъ, крестьяне ограничились только тѣмъ, что развинтили стыки и даже рельсъ не повырывали. Завидя посланныхъ на линію дороги надсмотрщиковъ для исправленія телефонной и телеграфной линіи, крестьяне отобрали у нихъ инструменты для ремонта и отпустили на всѣ четыре стороны. *)

Ярославская желѣзная дорога. На собраніи 7-го декабря было рѣшено забастовать. Обсуждали способы поддержки стачечниковъ. Выяснилось, что многіе не получили полностью всѣхъ денегъ, главнымъ образомъ поверстныхъ. Рѣшено выдать поверстныя. Съ этой цѣлью пригласили къ себѣ начальника дороги, но вмѣсто него пришелъ главный бухгалтеръ, заявившій что у него нѣтъ денегъ. Мѣстный ж. д. комитетъ велѣлъ растерявшемуся бухгалтеру выдать машинистамъ и кондукторамъ, — и деньги нашлись.

Поѣзда съ запасными рѣшено пропускать. Вокзалъ заперли и поставили сторожей и дружину, которымъ приказано не пропускать безъ „пропусковъ“ отъ мѣстнаго желѣзнодорожнаго комитета. Къ вечеру того же дня (7-го декабря) нужно было отправить поѣздъ съ делегатами въ Ярославль, но всѣ машинисты уже разошлись. Пришлось пригласить машиниста со стороны. Въ Ярославлѣ делегаты были арестованы жандармами, но по требованію собравшейся на вокзалѣ толпы рабочихъ Карзинкинской мануфактуры, освобождены и уѣхали обратно. Одинъ изъ служащихъ на товарной станціи пришелъ въ желѣзнодорожный комитетъ съ ходатайствомъ согнать вагоны въ одно мѣсто, чтобы легче было охранять. Комитетъ въ этой просьбѣ отказалъ, а просто прибавилъ

*) Этотъ эпизодъ вѣрно описанъ „Молвой“, но вмѣсто крестьянъ онъ приписанъ рабочимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что крестьяне эти—фабричныхъ селъ и вполнѣ въ курсѣ движенія.

еще нѣсколько дружинниковъ. На Ярославской желѣзной дорогѣ выдавали въ кредитъ по ярлыкамъ съ печатью Ярославскаго желѣзнодорожнаго комитета изъ потребительской лавки.

7-го декабря въ 12 часовъ дня въ управленіи Виндавской желѣзной дороги занятія прекратились и, на тутъ же устроенномъ собраніи было рѣшено почти единогласно примкнуть къ забастовкѣ, даже въ томъ случаѣ, если линейные служащіе откажутся. Но не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ начали поступать телеграммы отъ отдѣльныхъ станцій, что предложеніе о забастовкѣ принято сочувственно. Къ вечеру вся линія до самой Виндавы стала кромѣ станціи „Москва", гдѣ большая половина была черносотенцы. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ Управленіи почти непрерывно шли собранія. Животрепещущимъ вопросомъ было, какъ и гдѣ достать денегъ для такой массы людей. Въ сберегательной кассѣ было около 30 тысячъ, по станціямъ тысячъ 10. Этихъ денегъ приблизительно должно было хватить недѣли на двѣ, не больше. Поэтому было рѣшено захватить всѣ находящіеся на линіи хлѣбные грузы и распредѣлить ихъ по станціямъ, но къ этой мѣрѣ рѣшили прибѣгнуть только въ крайнемъ случаѣ.

Не обошлось безъ столкновеній. На Кіево-Воронежской дорогѣ ломовики требовали выдачи грузовъ и грозили разнести станцію Боевая дружина дала имъ отпоръ; нѣсколько человѣкъ при этомъ было ранено. На другой день озлобленные ломовики растерзали двухъ делегатовъ, которыхъ они нашли въ вагонѣ. На Казанской дорогѣ убиты два машиниста, самовольно поведшіе поѣзда.

Теперь намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на роли дружинниковъ въ борьбѣ на желѣзныхъ дорогахъ.

На всѣхъ дорогахъ Московскаго узла были организованы боевыя дружины. Общая численность ихъ доходила до 500 человѣкъ. Подробности объ ихъ составѣ и численности по отдѣльнымъ дорогамъ читатель найдетъ въ XIV главѣ, здѣсь мы только замѣтимъ, что дружины изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ имѣли своимъ назначеніемъ охрану путей и станцій, а также защиту стачечниковъ отъ нападеній черной сотни, но не вооруженное возстаніе. Поэтому въ началѣ забастовки желѣзнодорожники не вездѣ пользова-

лись случаями добыть оружіе. Напримѣръ, была возможность взять на товарной станціи Курской дороги патроны, но ихъ не взяли. Рабочіе Брестскихъ мастерскихъ, снимая товарную станцію, разогнали конвой, и нѣкоторые предложили забрать ящики съ патронами, но толпа не сдѣлала этого, „за неимѣніемъ пока надобности въ нихъ“. На дорогахъ: Ярославской и Кіево-Воронежской не предполагалось, что можетъ быть возстаніе. Оружіе бралось главнымъ образомъ для охраны вагоновъ и вообще дороги. Но потомъ, когда борьба разгорѣлась, желѣзнодорожные рабочіе разбирали вагоны съ оружіемъ, и обезоруживали офицеровъ съ Дальняго Востока. На Курской дорогѣ, на Рогожской товарной станціи были взяты изъ возвращавшихся съ Дальняго Востока вагоновъ нѣсколько десятковъ пудовъ патроновъ. На второй Рогожской товарной станціи, гдѣ останавливаются воинскіе поѣзда съ Дальняго Востока, толпа отбирала оружіе у офицеровъ возвращающихся изъ Манчжуріи.

На Казанской дорогѣ была солидная дружина: на станціи Москва 40 человѣкъ управленскихъ и не менѣе 40 рабочихъ. Въ Люберцахъ дружинники остановили санитарный и воинскій поѣзда съ Дальняго Востока и отобрали 47 винтовокъ и револьверы. На станціи Перово стоялъ поѣздъ, возвращавшійся съ Дальняго Востока. Въ вагонъ, гдѣ были солдаты, вошли дружинники и попросили отдать оружіе на народное дѣло. Солдаты отозвались сочувственно и сдали какое имѣли оружіе. Послѣ этого дружинники предложили пойти обезоружить офицеровъ, ѣхавшихъ въ числѣ 25 съ этимъ же поѣздомъ. Поднялись двое изъ солдатъ и пошли вмѣстѣ съ дружинниками. Офицеры сдали оружіе безпрекословно. Только четверо просили оставить имъ шашки, такъ какъ „сдача ихъ позоръ“. Шашки однако были съ нихъ сняты со словами: „въ этомъ никакого позора нѣтъ“. Солдатъ канониръ, участвовавшій въ обезоруженіи офицеровъ говорилъ о себѣ, что „былъ тогда сильно подъ баночкой, иначе не пошелъ бы“. Впослѣдствіи удалось разобрать вагонъ съ оружіемъ и значительно пополнить силы Казанской дружины.

На Ярославской дорогѣ было 2 дружины: 30 человѣкъ служащихъ управленія и партійная *) дружина изъ 40 рабочихъ

*) Если не ошибаемся партіи с.-р.

мастерскихъ. Въ важныхъ случаяхъ обѣ дружины соединялись въ одинъ отрядъ и дѣйствовали вмѣстѣ. Пользовались всякимъ случаемъ, чтобы добыть оружіе. Въ одномъ вагонѣ напр., оказалось нѣсколько мѣстъ съ оружіемъ. Взято около 8 винчестеровъ и нѣсколько револьверовъ.

Была сдѣлана также попытка захватить нѣсколько пулеметовъ изъ вагона *Нижегородской* ж. д., но окончилась неудачей.

На Виндавской желѣзной дорогѣ въ управленіи и на ближайшихъ къ Москвѣ станціяхъ были сорганизованы дружины: въ управленіи 12 человѣкъ (маузеры и борхарты), на станціи „Москва“ 5 человѣкъ, (смиты и бульдоги), и на станціи „Подмосковной“ 20 человѣкъ, вооруженныхъ винчестерами, охотничьими ружьями, смитами и 3—4 отобранными у жандармовъ ноганами. Управленская дружина должна была охранять районъ Мѣщанской улицы и въ случаѣ надобности выѣзжать съ продовольственными поѣздами. Замѣчательно, что черной сотни почти не было, а если она и собиралась, то стоило только среди нихъ появиться нѣсколькимъ „бараньимъ шапкамъ“, какъ они немедленно расходились. Жители охраняемаго управленской дружиной района нѣсколько разъ обращались къ ней съ просьбой защитить ихъ въ случаѣ нападенія черной сотни. Нѣсколько разъ дружина не выдерживала своего бездѣйствія и пыталась пробраться въ мѣста болѣе активныхъ дѣйствіи (Марьину рощу, Цвѣтной бульваръ), но ее каждый разъ обстрѣливали и она, не рѣшаясь вступать въ открытый бой съ солдатами, отступала.

Однажды Виндавской дружинѣ представился случай отбить оружіе. Въ имѣніе великой княгини Елизаветы Федоровны село Ильинское, везли нѣсколько подводъ съ оружіемъ подъ конвоемъ 13-ти солдатъ. Подводы пересѣкли путь у станціи „Павшина“. Узнавъ объ этомъ, посадили 6 дружинниковъ на паровозъ съ прицѣпленнымъ вагономъ и послали въ догонку. Но перехватить не удалось. Независимо отъ этого была послана изъ Всѣхсвятскаго дружина въ 15 человѣкъ тамошней группой Московскаго Окружаго Комитета с.-д. партіи. Дружина устроила засаду въ лѣсу, но обозъ съ оружіемъ проѣхалъ какими то проселками и миновалъ это мѣсто. По линіи почти всѣ жандармы въ подмосковномъ районѣ были

обезоружены. На станціи Нахабино обезоружили артиллерійскаго офицера, который изъ Ржева ѣхалъ въ Москву.

Вообще вооруженные рабочіе и служащіе охраняли дороги и наблюдали за тѣмъ, чтобы движеніе ограничивалось только Манчжурскими поѣздами и спеціальными поѣздами для желѣзнодорожныхъ делегатовъ и членовъ революціонныхъ организацій. Нерѣдко приходилось вести борьбу съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ и жандармами, которые пытались возстановить движеніе на дорогѣ.

Ближайшія къ Москвѣ станціи Курской желѣзной дороги въ рукахъ революціонеровъ, пропускающихъ въ Москву только войска Манчжурской арміи. На послѣдней станціи передъ Москвой классные вагоны осматриваютъ вооруженные рабочіе и отбираютъ у офицеровъ оружіе.

Ярославская желѣзная дорога находилась въ полномъ распоряженіи желѣзнодорожнаго комитета. Пропускались только поѣзда съ запасными и то тѣ, которые имѣли разрѣшеніе отъ Ярославскаго желѣзно-дорожнаго комитета. На станціяхъ не видно ни жандармовъ, ни полиціи. Случайно попавшіе пассажиры высаживались дежурившими на станціяхъ вооруженными рабочими. Станція Мытищи и поселокъ при ней охранялись дружинниками вагоннаго завода. Въ Мытищи со станціи „Москва“ были посланы въ распоряженіе Мытищинской организаціи два паровоза. Поѣздъ, выпущенный съ запасными и новобранцами изъ Ярославля въ Москву, возвращенъ обратно; запасные на другихъ поѣздахъ доставлены изъ Мытищъ въ Москву. На третій день забастовки 9-го декабря жандармы пытались пустить поѣздъ по Ярославской дорогѣ. Какимъ-то путемъ провели на вокзалъ публику и размѣстили ее въ поѣздѣ, приготовленномъ для запасныхъ солдатъ. Тогда желѣзнодорожный комитетъ заявилъ, что поѣздъ не пойдетъ, ибо исключеніе касается только запасныхъ. Манчжурцы хотѣли поколотить жандармовъ, но тѣ ретировались. Солдаты высадили публику и сѣли сами въ вагоны—и поѣздъ тронулся.

На Виндавской дорогѣ числа 10-го или 11-го начальство сдѣлало попытку возстановить движеніе. Оно съ помощью черносотенныхъ служащихъ станціи „Москва“ собрало поѣздъ и хотѣло его пустить подъ № 1-мъ, разсчитывая, что служащіе на линіи подумаютъ, что разъ пошелъ,

скорый поѣздъ, то забастовка на прилегающихъ къ Москвѣ станціяхъ кончилась, и приступятъ къ работѣ. Но въ тотъ моментъ, когда поѣздъ долженъ былъ отправиться, на вокзалъ пришла дружина и нѣсколько служащихъ изъ управленія—снимать не бросившихъ работу служащихъ. Узнавъ о продѣлкѣ начальства, въ вагоны посадили запасныхъ съ Дальняго Востока ждавшихъ около трехъ сутокъ отправки, и пустили поѣздъ *воинскимъ* подъ охраной двухъ дружинниковъ. Уже на полномъ ходу вскочилъ на паровозъ ревизоръ движенія, крайній черносотенникъ. Поѣздъ остановился на посту Шереметево (2 версты отъ Москвы) и былъ опять передѣланъ ревизоромъ въ № 1-й; такъ ѣхали до „Подмосковной“ (8 верстъ отъ Москвы) Машинистъ хотѣлъ пролетѣть станцію, но принужденъ былъ остановиться: стрѣлка была направлена на тупикъ. На станціи, когда узнали, что это провокація, послали за рабочими въ депо, гдѣ шелъ митингъ. Нѣсколько жандармовъ, ѣхавшихъ съ поѣздомъ, струсили и удрали. Рабочіе пришли цѣлой толпой, стащили съ паровоза ревизора и машиниста, провели ихъ сквозь строй и заставили пѣшкомъ возвращаться въ Москву, а поѣздъ пустили дальше воинскимъ. Съ тѣхъ поръ начальство ни разу не пыталось болѣе возстановить движеніе и отдало все въ руки бастующихъ. Начальство за это не арестовали, только смѣстили. Управлялъ дорогой комитетъ изъ служащихъ и рабочихъ. Такъ какъ администрація дороги заблаговременно распорядилась запереть зданіе управленія и тамъ собираться нельзя было, то управленскій комитетъ соединился съ комитетомъ линіи и засѣдалъ въ „Подмосковной“, откуда и завѣдывалъ движеніемъ по дорогѣ.

Кое-гдѣ желѣзнодорожное начальство тоже было смѣщено и замѣнено выборнымъ. На станціи Рязань Московско-Казанской желѣзной дороги вначалѣ не было намѣренія смѣстить начальство и его устранили лишь послѣ того, какъ оно пустило поѣздъ послѣ объявленія забастовки.

Какъ уже сказано выше, на обязанности желѣзнодорожныхъ дружинъ лежала охрана пути и станцій отъ порчи и разграбленія. Желѣзнодорожные служащіе говорили на своихъ собраніяхъ, что вскорѣ все можетъ перейти въ руки народа, поэтому не слѣдуетъ ничего уничтожать и портить изъ желѣзнодорожнаго имущества, и прибѣгать къ этому только въ случаяхъ крайней необходимости и исключительно

въ цѣляхъ борьбы. Охранялись вагоны съ грузомъ отъ грабителей. Почту и телеграфъ также охраняли отъ разрушенія. Когда около 15 декабря въ Мытищахъ желѣзнодорожный комитетъ совмѣстно съ мѣстной соціальдемократеческой организаціей обсуждали вопросъ о разрушеніи линіи Ярославской дороги, чтобы прекратить по ней всякое движеніе, то рѣшили сдѣлать это такъ, чтобы можно было скоро исправить испорченный путь, когда всѣ средства передвиженія перейдутъ послѣ побѣды въ руки народа: все еще надѣялись побѣдить. Рѣшили устроить искуственное крушеніе на трехъ мѣстахъ около Мытищъ и завалить путь вагонами. Два паровоза, командированные въ распоряженіе организаціи, были въ это время уже угнаны въ Москву, а стоявшій на Щелковской вѣткѣ паровозъ „Макарка“ былъ слабъ для того, чтобы толкнуть къ тому мѣсту, гдѣ путь былъ разобранъ, нужное количество груженыхъ вагоновъ.

Тутъ пришла телеграмма, что идетъ изъ Ярославля порожній пассажирскій поѣздъ съ одной только кондукторской бригадой; на паровозѣ помощникъ машиниста. Поѣздъ былъ остановленъ семафоромъ на станціи „Мытищи“. На паровозъ вошелъ представитель мѣстной окружной организаціи соціальдемократической партіи и направилъ дуло револьвера въ грудь помощника машиниста, потребовалъ, чтобы тотъ выполнилъ со своимъ паровозомъ необходимые для завалки пути маневры. Всего для этой цѣли было употреблено около 25 товарныхъ вагоновъ, въ томъ числѣ нѣсколько вагоновъ цистернъ.

Поводомъ, вынудившимъ организацію прекратить движеніе по линіи, былъ во-первыхъ привозъ въ Москву войскъ подъ видомъ запасныхъ, а во-вторыхъ невозможность оградить отъ грабежей стоявшіе на путяхъ вагоны съ грузами. Охотники до чужого добра взломали вагонъ съ гусями и принялись растаскивать ихъ. Подоспѣвшіе дружинники стали стрѣлять въ грабителей. На выстрѣлы прискакали казаки и открыли огонь по дружинникамъ. Тогда комитетъ Ярославской дороги разослалъ по линіи гектографированный циркуляръ, что онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за цѣлость грузовъ и постановляетъ совершенно закрыть движеніе по дорогѣ.

Такую же борьбу съ грабителями приходилось вести дружинникамъ и на другихъ дорогахъ. Газеты сообщаютъ о многихъ случаяхъ грабежей на Казанской, Курской, Николаевской, Ярославской и Нижегородской желѣзныхъ дорогахъ. Эти сообщенія говорятъ о 50, 20 разграбленныхъ вагонахъ съ провизіей и сопровождаются неизмѣннымъ припѣвомъ: „прибывшія войска преслѣдовали грабителей". „Казаки разогнали грабителей" и т. д. Мы же видѣли на примѣрѣ Ярославской дороги, кого разгоняли казаки: вмѣшательство войскъ не помѣшало похитителямъ продавать на другой день краденыхъ гусей на рынкѣ по четвертаку за пару. На Николаевской дорогѣ, которая всецѣло была въ рукахъ войскъ, дѣло обстояло еще проще: казаки и жандармы разворовали нѣсколько вагоновъ съ винами и все время пьянствовали, вѣроятно, чтобъ цѣнный грузъ не достался грабителямъ. Случаевъ конфискаціи революціонерами грузовъ было немного. По постановленію окружной организаціи с.-д. на Виндавской дорогѣ было конфисковано 2 вагона съ хлѣбомъ, а на станціи „Люберцы" Казанской желѣзной дороги вопреки постановленію мѣстнаго с.-д. комитета (только въ случаѣ крайней нужды въ хлѣбѣ конфисковать хлѣбные грузы) было взято 5 мѣшковъ муки.

Линіи Ярославской, Казанской, Курской и Виндавской желѣзныхъ дорогъ долго были въ рукахъ забастовавшихъ рабочихъ и ихъ боевыхъ дружинъ. Во многихъ мѣстахъ были забаррикадированы улицы и переулки около жел.-дор. путей, чтобы воспрепятствовать передвиженію войскъ и захвату ими дорогъ. Подходы къ Казанской желѣзной дорогѣ были прочно забаррикадированы: были устроены укрѣпленныя линіи на Краснопрудной улицѣ, въ Гавриковомъ переулкѣ и на Покровкѣ. Введенская площадь и переулки около народнаго дома также забаррикадированы. Станціи Сортировочная (на 6-й верстѣ), Перово (на 10-й верстѣ) и Люберцы (на 19-й верстѣ) находились до прихода Семеновцевъ въ рукахъ революціонеровъ. На станціонныхъ зданіяхъ были выставлены красные флаги, нѣкоторыми станціями управляли выборные коменданты.

Была укрѣплена и линія Курско-Нижегородской дороги: были баррикады на Рогожской станціи, у Андроньева монастыря, а 13 декабря съ моста сбросили подъ откосъ

нѣсколько товарныхъ вагоновъ и завалили ими проѣздъ по Золоторожской улицѣ. При этомъ, по словамъ газетъ, произошла стычка съ полиціей, въ результатѣ которой ранены околодочный и городовой и убиты 2 рабочихъ.

Главнымъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій была Каланчевская площадь. Войска занимали Николаевскій вокзалъ, а вооруженные рабочіе укрѣпились на станціяхъ Ярославской и Казанской желѣзн. дорогъ.

Краснопрудная улица до Красносельской не была забаррикадирована и по ней свободно разъѣзжали драгуны. У Николаевскаго вокзала были поставлены орудія, самое зданіе вокзала занято войсками всѣхъ родовъ оружія. Здѣсь начались первыя стычки 10 декабря. Въ теченіе 11 декабря на Каланчевской площади нѣсколько разъ начиналась ружейная перестрѣлка. Въ ночь на 12 декабря нѣсколько часовъ подрядъ происходила перестрѣлка на вокзальной площадкѣ и по прилегающей къ ней Краснопрудной улицѣ. Выстрѣлами изъ орудій засѣвшіе въ домахъ дружинники были разсѣяны, дома же повреждены. Ранено около 30 человѣкъ. Послѣ этого на площадь никого не пускали, а на утро 2 лавочки оказались разграбленными солдатами. Съ утра 12 декабря со спеціальными поѣздами пріѣхали нѣсколько дружинъ. По Казанской жел. дор. въ 11 час. утра пришелъ поѣздъ съ вооруженными дружинниками: чел. 25 со ст. Перово. Въ это время въ паровозномъ депо станціи „Москва“ происходилъ митингъ 2000 рабочихъ. Среди нихъ находилось чел. 40 дружинниковъ.

На Ярославскомъ вокзалѣ и въ мастерскихъ засѣла дружина ст. „Москва“ (всего въ ней было человѣкъ 30 управленскихъ и около 40 рабочихъ). Всего собралось до 150 дружинниковъ. Они засѣли на Рязанскомъ вокзалѣ и на путяхъ между вагонами и принялись обстрѣливать Николаевскій вокзалъ. Войска отвѣчали ружейными залпами и обстрѣляли изъ орудій потребительскую лавку служащихъ Моск.-Казанск. ж. дороги и около часу дня подожгли гранатами обширное деревянное помѣщеніе лавки. Во время перестрѣлки убито 2 солдатъ, ранено 7. Николаевскій вокзалъ сталъ обстрѣливаться и со стороны мастерскихъ Ярославской дороги. Тогда на крышу Николаевскаго вокзала былъ командированъ небольшой отрядъ гренадеръ. Но Ярославская

дружина продолжала стрѣлять и сняла съ вышки 6 солдатъ убитыми и ранеными. Были раненые и среди желѣзнодорожныхъ дружинниковъ. Орудійная и ружейная пальба продолжалась до вечера. Потребительская лавка сгорѣла до тла.

Въ ночь съ 12 на 13 декабря сильный отрядъ войска съ нѣсколькими орудіями прошелъ по соединительной вѣткѣ Курской и Николаевской ж. д. и обстрѣливалъ баррикады около Курскаго вокзала.

„13-го декабря утромъ въ зданіи Рязанскаго вокзала состоялся многолюдный митингъ рабочихъ. Потомъ подоспѣли войска съ артиллеріей, давшей отъ Николаевскаго вокзала нѣсколько залповъ „(Молва)".

13 декабря партія вооруженныхъ рабочихъ, пришедшая пѣшкомъ въ Москву со станціи Люберцы, была встрѣчена выстрѣлами у заставы и ушла обратно.

„Сегодня 14-го декабря, съ ранняго утра началась артиллерійская пальба въ районѣ Николаевскаго вокзала, гдѣ дѣйствуетъ одна изъ боевыхъ дружинъ („Молва").

15 декабря стычки прекратились.

На отдѣльныхъ дорогахъ не было стычекъ съ войсками: при приближеніи солдатъ дружины удалялись.

На Виндавской дорогѣ дружина въ самомъ началѣ забастовки перебралась въ „Подмосковную", гдѣ день и ночь ходила дозоромъ, охраняя пути, вагоны съ провизіей и митинги. 16 декабря, когда большинство еще спало по домамъ, пришелъ дежурный и сказалъ, что ѣдутъ драгуны. Дружинниковъ въ это время на станціи было всего 7 человѣкъ; о сопротивленіи цѣлому эскадрону драгунъ, окружившему станцію со всѣхъ сторонъ,—нечего было и думать.

Дружина воспользовалась лазейкой между заборомъ и стѣной депо, вышла въ поле и, спрятавъ оружіе, чрезъ Всѣхсвятское вернулась въ Москву.

На ст. „Мытищи" Ярославской желѣзной дороги прибывшій на станцію—уже послѣ возстановленія движенія—поѣздъ съ солдатами дружинники встрѣтили было выстрѣлами, но потерявъ нѣсколькихъ убитыми и ранеными, отступили.

На желѣзныхъ дорогахъ Московскаго узла движеніе стало возстанавливаться съ 17 декабря; въ этотъ день пошла Рязанско-Уральская дорога. Прекращеніе забастовки было рѣшено наканунѣ на общемъ собраніи служащихъ и рабочихъ. Такія же собранія происходили и на другихъ дорогахъ:

Курской, Ярославской. 19-го возобновилось пассажирское движеніе на всѣхъ дорогахъ кромѣ Казанской. Въ управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ приступили къ занятіямъ тоже 19 декабря. Въ помѣщеніяхъ управленій Казенныхъ дорогъ вывѣшенъ циркуляръ, которымъ арестованные за участіе въ забастовкѣ объявляются уволенными съ 7 декабря; желающіе продолжать службу обязаны дать подписку въ томъ, что они не будутъ участвовать въ организаціяхъ; что въ помѣщеніяхъ, принадлежащихъ желѣзнымъ дорогамъ, они собраній устраивать не будутъ; что они ознакомились съ указомъ 2 декабря о наказуемости за участіе въ желѣзнодорожныхъ забастовкахъ; жалованье всѣмъ безъ исключенія служащимъ въ управленіяхъ дорогъ за время забастовки уплачено не будетъ.

Отдѣльныя партизанскія вылазки имѣли мѣсто и послѣ востановленія движенія на желѣзныхъ дорогахъ. На Нижегородской дорогѣ въ шедшаго 19 декабря по путямъ изъ депо на станцію жандарма со стороны депо произведено нѣсколько выстрѣловъ, но пули пролетѣли мимо. Въ тотъ же день въ 10-мъ часу вечера на Николаевскомъ вокзалѣ подверглись обстрѣлу изъ револьверовъ со стороны пассажирской станціи Ярославской дороги—квартиры начальника службы движенія, начальника дистанціи и жандармскаго полковника. Выстрѣлами раненъ стоявшій на дворѣ въ карауле солдатъ-гренадеръ.

На желѣзныхъ дорогахъ продолжаются многочисленные аресты служащихъ. Вокзалы охраняются солдатами. Станціи Казанской дороги отъ Москвы до Голутвина были заняты отрядами войскъ. Батальоны Семеновскаго полка 20-го декабря возвратились съ линіи, разстрѣлявъ 150 человѣкъ.

Забастовка Московск. узла закончилась 20-го декабря: въ этотъ день возобновилось пассажирское движеніе на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ.

XI.

Московскій Окружной районъ.

Мы не имѣемъ въ виду дать полной картины того, что дѣлалось въ фабрично-заводскихъ центрахъ тяготѣющаго къ Москвѣ района. Но вообще можемъ сказать, что въ этомъ районѣ, находящемся въ завѣдываніи Московской Окружной Организаціи фракціи „большинства“ С.-Д. партіи, забастовка шла дружно. Но было серьезное и крупное исключеніе: такой огромный фабрично-заводскій центръ, какъ Орѣхово-Зуево, совсѣмъ не бастовалъ. Это объясняется тѣмъ, что орѣховскіе рабочіе было истомлены предыдущими забастовками, продолжавшимися чуть не цѣлый годъ—съ февраля 1905 года.

Не располагая исчерпывающими свѣдѣніями о ходѣ забастовки въ окружномъ районѣ, мы остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, относительно которыхъ у насъ имѣются болѣе полныя данныя

Окружной Комитетъ разослалъ агитаторовъ, которые на митингахъ призывали къ стачкѣ и возстанію. Агитаторы разсыпались не только по фабрикамъ и заводамъ, но и по деревнямъ.

Въ Мытищахъ на вагонномъ заводѣ (2.500 рабочихъ—крупнѣйшій въ этой мѣстности заводъ) ежедневно происходили митинги и демонстраціи. На одномъ изъ митинговъ ораторъ призывалъ къ забастовкѣ, говоря: „Довольно терпѣть, довольно молчать. Репрессіи усиливаются. Нужно положить этому конецъ, нужно дать правительству рѣшительное сраженіе—нужно поставить все на карту!“

Заводъ забастовалъ 7 декабря. Въ 2 ч. дня былъ устроенъ митингъ, послѣ котораго пошли ковать холодное оружіе и ковали часъ. На митингѣ ораторъ, между прочимъ, говорилъ, что мѣстный Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ долженъ взять въ свои руки управленіе данной мѣстностью, призвать, въ качествѣ представителей въ Совѣтъ, делегатовъ отъ крестьянства, организовать милицію.

Во главѣ стала мѣстная с.-д. группа фракціи большинства. Она имѣла въ своемъ составѣ представителей отъ всѣхъ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ и отъ рабочихъ городской водокачки. Группа руководила также мѣстнымъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, куда входили выборные представители только отъ двухъ лучше организованныхъ предпріятій: вагоннаго завода и водокачки.

Еще задолго до забастовки была организована партійная с.-д. дружина изъ 40 челов. рабочихъ, имѣвшая уже въ ноябрѣ одно столкновеніе съ драгунами, причемъ послѣдніе бѣжали. Въ Мытищенскую милицію входило около 100 челов., вооруженныхъ винчестерами, револьверами и охотничьими берданками *). Отдѣльные дружинники все время рвались въ бой—ихъ приходилось удерживать. Часть ихъ 11—12 декабря уѣхала въ Москву и оставалась тамъ до конца событій.

На вагонномъ заводѣ шли все время митинги, которые охотно посѣщались массами. Рабочія массы были настроены революціонно и принимали дѣятельное участіе въ охранѣ желѣзно-дорожнаго пути. Фабричная администрація не противодѣйствовала дѣятельности Совѣта Рабочихъ и с.-д. организаціи.

Еще до декабрьскихъ дней (около конца ноября) администрація вагоннаго завода принимала и увольняла рабочихъ по постановленію Совѣта Депутатовъ. Совѣтъ этого завода ввелъ слѣдующую реформу. — По его постановленію изъ потребительской лавки за счетъ конторы завода больнымъ рабочимъ выдавались продукты. Длилось это съ половины ноября до конца декабрьскихъ дней. Вообще Совѣтъ рабочихъ Депутатовъ и члены мѣстной организаціи пользовались громаднымъ вліяніемъ. Происходили и курьезныя сцены.—

*) Въ началѣ декабря организаціей было закуплено оружія для дружинниковъ на 500 руб. Остальные вооружились на свои средства.

Городовой, взявши подъ козырекъ, спрашиваетъ проходящаго мимо оратора: „Прикажете закрыть казенки, ваше благородіе?“—„Закрыть!“ отвѣчаетъ тотъ.—„Слушаюсь, сейчасъ барину (приставу) доложу“.

Отъ Москвы до Мытищъ и Пушкина все время ходили „свои“ поѣзда. Всѣ шедшіе изъ Ярославля поѣзда останавливались и обыскивались. Былъ такой случай. Ѣхалъ поѣздъ съ войсками. Его остановили, обыскали, оружія не оказалось, офицеровъ не было. Послѣ заявленія солдатъ, что они запасные, поѣздъ пропустили. Потомъ спохватились, что это могли быть регулярныя войска, направлявшіяся въ Москву: у солдатъ были молодыя и свѣжія лица, они мало были похожи на запасныхъ.

Изъ главы X мы видѣли, что мытищенскіе рабочіе и дружины не безъ сопротивленія встрѣтили карательный отрядъ войскъ, и настроеніе рабочихъ мытищинскаго завода, еще въ 20-хъ числахъ декабря, было очень бодрое и боевое.

Щелково. Здѣсь на нѣсколькихъ фабрикахъ около 2.500 рабочихъ. Былъ выбранъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Дружина обезоруживала полицію и такимъ путемъ вооружала рабочихъ.

Въ этомъ районѣ въ Городищахъ на фабрикѣ Четверикова настроеніе очень революціонное, готовили оружіе. Между прочимъ изъ трубы (повидимому паропроводной) сдѣлали „пушку“, но при первой же попыткѣ выстрѣлить изъ нея, ее разорвало.

Тамъ же около Щелкова на фабрикѣ Лопатина была также организована боевая дружина.

Александровъ. Владим. губ. (105 вер. отъ Москвы по Яр. ж. д.) Въ теченіе всего ноября шли митинги на фабрикахъ и заводахъ. Былъ образованъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Въ Александровѣ и сосѣднемъ „Струнинѣ“ Совѣтъ устанавливалъ расцѣнки, регулировалъ внутренніе распорядки. Только съ согласія Совѣта принимали и увольняли рабочихъ.

7-го декабря въ фабричномъ театрѣ происходило собраніе рабочихъ и служащихъ Т-ва Соколовской мануфактуры „Асафа Баранова“ близъ ст. „Струнино“ въ количествѣ 4.000 человѣкъ. Постановлено: „въ виду того что правительство въ своихъ послѣднихъ актахъ совершенно забыло тѣ права гражданскія, которыя получены народомъ

въ манифестѣ 17-го октября, и отнимаетъ ихъ у народа,— собраніе рабочихъ и служащихъ заявляетъ: что они будутъ дѣйствовать совмѣстно съ тѣми, кто отстаиваетъ дѣйствительныя права народа, требуютъ освобожденія арестованныхъ безъ суда, отмѣны смертной казни, Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, безъ различія пола и національности. Собраніе рѣшило: 1) не платить никакихъ казенныхъ податей и арендъ удѣльныхъ и казенныхъ; 2) взять изъ сберегательныхъ кассъ деньги, требуя все золотомъ; 3) требовать отъ правленія фабрики, чтобы контора не вычитала податей; 4) абсолютно не пить водки и нанести тѣмъ ущербъ правительству, такъ какъ доходъ съ продажи вина большой; 5) не пускать съ фабрики никого въ деревню; 6) продолжать политическую забастовку впредь до выясненія всѣхъ обстоятельствъ; 7) собраніе одобрило распоряженіе депутатовъ—назначить охрану фабрики и даже дома полицейскаго надзирателя, чтобы доказать ему, что рабочіе прежде всего видятъ въ немъ человѣка и что порядокъ можетъ быть соблюденъ и безъ полиціи".

Всѣ рабочіе на фабрикахъ забастовали, за исключеніемъ Карабановской мануфактуры. Полиція всюду арестована рабочими. Порядокъ охраняется боевой дружиной.

О первыхъ дняхъ забастовки въ Александровѣ и окрестностяхъ сообщаютъ:

„Конфискуютъ оружіе у полиціи, но не бьютъ никого и погромовъ не производятъ. Три фабрики съ общимъ числомъ до 15.000 рабочихъ присоединились къ политической забастовкѣ.

Крестьяне, числомъ около 10.000, примкнули къ бастующимъ и готовы оказать послѣднимъ всякое содѣйствіе. Кое-гдѣ они помогаютъ рабочимъ съѣстными припасами.

Порядокъ на фабрикахъ поддерживается вооруженными рабочими вмѣсто полиціи. Мирового Судью бойкотируютъ, с у д ъ производится депутатами рабочихъ, урядникъ арестованъ. Управленіе города можетъ свободно перейти въ руки возставшихъ. На Карабановской фабрикѣ (10.000) назначенъ митингъ на 10 декабря. Можно быть увѣреннымъ, что она примкнетъ къ политической забастовкѣ.

Администрація трехъ фабрикъ принимаетъ участіе въ забастовкѣ и поддерживаетъ ее средствами" („Изв. Сов. Р. Д.").

Одинъ изъ владѣльцевъ фабрики, какъ сочувствующій рабочему движенію, былъ приглашенъ съ совѣщательнымъ

голосомъ въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Онъ помогалъ деньгами самъ и организовалъ сборы въ распоряженіе Совѣта. Онъ вообще пользовался популярностью и былъ однимъ изъ болѣе дѣятельныхъ членовъ Совѣта. Въ декабрскіе дни онъ выступалъ представителемъ Совѣта въ сношеніяхъ съ войсками.

Надо замѣтить, что еще въ концѣ ноября была забастовка въ расположенномъ въ Александровѣ саперномъ батальонѣ. Броженіе не улеглось и тогда, когда часть экономическихъ требованій была удовлетворена. Делегаты отъ Александрова на съѣздѣ въ Москвѣ выражали увѣренность, что въ случаѣ нужды, саперы примкнутъ къ нимъ. Но передъ самой забастовкой раскассировали наиболѣе сознательныхъ солдатъ: часть отпустили домой, часть перевели; удовлетворили нѣкоторыя „насущныя нужды", преподнесли царскаго мыла. Затѣмъ началась черносотенная агитація, результаты которой не замедлили обнаружиться; саперы, въ началѣ изъявлявшіе готовность всецѣло примкнуть къ рабочимъ, отдать имъ лишнее оружіе и т. п., черезъ нѣсколько дней уже стрѣляли въ толпу рабочихъ. Это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

11 декабря изъ Москвы пріѣхали делегаты для пріема оружія у саперъ. Населеніе сначала встрѣтило враждебно поѣздъ съ Московскими делегатами, думая, что это пріѣхали изъ Москвы войска: въ составѣ делегаціи были и саперы изъ Москвы. Узнавъ, что это свои товарищи, а не враги, толпа съ бурнымъ энтузіазмомъ привѣтствовала ихъ. Очевидецъ говоритъ, что онъ никогда не видѣлъ такого взрыва восторга.

Но делегація, узнавъ положеніе дѣлъ въ саперномъ батальонѣ, убѣдилась, что она опоздала и уѣхала обратно.

Вскорѣ, послѣ отъѣзда Московской делегаціи, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ упомянутый въ подписяхъ Фабрики отправился снова послалъ Баранова для переговоровъ съ саперами. Командиръ батальона пригласилъ его въ казармы, подъ честнымъ словомъ обѣщавъ ему неприкосновенность, но потомъ арестовалъ его. Слѣдомъ за нимъ Совѣтъ послалъ еще нѣсколькихъ депутатовъ, но и они были арестованы въ казармахъ.

Затѣмъ командиръ освободилъ исправника и станового, которыхъ арестовали рабочіе,—и тутъ ужъ аресты пошли „во всю".

Рабочіе, узнавши объ этомъ, собрались близъ казармъ и потребовали освобожденія арестованныхъ.

„Толпа рабочихъ стояла въ отдаленіи. Совершенно неожиданно раздался залпъ и 7 человѣкъ были ранены. Солдаты увѣряютъ, что стрѣляли вверхъ, и что всѣ раны нанесены револьверными выстрѣлами офицеровъ. Въ настоящее время саперовъ поятъ водкой, и они уже не подпускаютъ никого близко къ казармамъ. Эти аресты и жертвы объединили рабочихъ и сплотили ихъ для предстоящей борьбы". („Изв. Сов. Раб. Деп.").

Всѣхсвятское: Забастовка на заводахъ Кёртинга „Изоляторъ" и Гончака началась по постановленію С. Р. Д.

Ежедневно происходили митинги. Настроеніе рабочихъ—революціонное; крестьяне, за небольшими исключеніями,—черносотенные. Полиція стушевалась. Рабочіе обезоруживали солдатъ и офицеровъ при содѣйствіи своей небольшой дружины. Многіе сознательные рабочіе ушли въ Москву. Въ Совѣтъ и къ агитаторамъ обращались за разъясненіемъ всякихъ житейскихъ вопросовъ.

Кунцево: Делегаты, пріѣхавшіе изъ Москвы и бывшіе на послѣднемъ засѣданіи М. С. Р. Д., привезли его постановленіе о забастовкѣ.

На слѣдующій день, 7-го декабря, съ утра забастовали фабрики Закса, Смирнова и Бреннера и сняли остальные заводы, которые охотно присоединились къ забастовкѣ. Столкновеній нигдѣ не было. Власти стушевались. Многіе рабочіе ушли въ Москву, вооружась чѣмъ попало, а остальные разбрелись по деревнямъ. Забастовка закончена была вмѣстѣ съ Москвою въ день, назначенный постановленіемъ Исполнительнаго Комитета Москов. Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Арестовъ большихъ не было.

Послѣ конца забастовки рабочіе фабрики Бреннера чуть не избили своего депутата „за то, что революція не удалась".

Люберцы: Забастовка началась 7-го декабря. Образовался стачечный комитетъ. Крестьяне не сочувствовали забастовкѣ. Организованная еще раньше боевая дружина изъ 20 чел. охраняла порядокъ. Однажды мѣстный агитаторъ явился съ дружинниками къ уряднику и предложилъ ему отдать оружіе, такъ какъ онъ ведетъ переговоры съ начальствомъ. Тотъ принесъ шашку и револьверъ.

Рабочіе мѣстнаго тормазного завода ежедневно собирались на митинги. Настроеніе приподнятое. Надо замѣтить, что рабочіе этого завода организованы давно, и организація не прерывалась до декабрьскихъ дней. Еще весной прошлаго года было боевое настроеніе.

Рабочіе ходили по дачамъ и собирали деньги и оружіе— имъ давали охотно. Въ выдачѣ оружія иногда отказывали подъ предлогомъ, что нужно самимъ для защиты отъ черной сотни. Тогда рабочіе заявляли, что возьмутъ силой.

Коломна.

На Коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ мѣстной группой Р. С.-Д, Р. П. былъ устроенъ соціалдемократическій клубъ. Тамъ собирались, шли митинги и пр. Коломенскій исправникъ Бабинъ, прикидывавшійся либераломъ, терпѣлъ это, но готовился втихомолку къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. На 11 декабря по желанію рабочихъ Коломенскаго машиностроительнаго завода была назначена демонстрація. Наканунѣ состоялось собраніе въ с.-д. клубѣ. Туда явился околодочный съ предписаніемъ „прекратить незаконное сборище и разойтись.“ Ему отвѣтили, что никакого „незаконнаго сборища“ тутъ нѣтъ и что никто не „разойдется“. Съ такимъ же предписаніемъ явился приставъ, получившій тотъ же отвѣтъ, наконецъ самъ исправникъ Бабинъ. Послѣдній повторилъ предписаніе, сказанное его подчиненными, Исправнику отвѣтили также, какъ и прежнимъ, что присутствующіе останутся, такъ какъ никакого „незаконнаго сборища“ тутъ нѣтъ, а есть клубъ, и туда приглашены гости, что объ устройствѣ клуба ему, исправнику, было своевременно заявлено, и онъ никакихъ препятствій къ открытію клуба не сдѣлалъ. Около зданія все время гарцовали казаки, но исправ-

никъ примѣнить открытую силу побоялся, такъ какъ на собраніи присутствовали солдаты—саперы. Видя рыщущихъ казаковъ, саперы послали сообщить объ этомъ своимъ товарищамъ, находившимся въ казармахъ, чтобы въ случаѣ открытія враждебныхъ дѣйствій „угостить казаковъ, какъ слѣдуетъ“. Исправникъ заявилъ, что онъ составитъ протоколъ, но въ зданіи клуба послѣдняго ему составить не позволили. Предсѣдатель клуба, В. А. Тарарыковъ, и его товарищъ дали исправнику карточки со своими фамиліями, и исправникъ отправился составлять протоколъ къ себѣ на домъ. Собраніе закончилось вполнѣ благополучно, и присутствовавшіе разошлись.

На слѣдующій день утромъ военное начальство вызывало саперъ по одиночкѣ и спрашивало: „Пойдешь-ли на демонстрацію?“ — „Никакъ нѣтъ.“ отвѣчалъ каждый спрашиваемый. Затѣмъ начальство задало вопросъ всѣмъ вмѣстѣ:

— „Пойдете-ли на демонстрацію?“

— „Пойдемъ!!“ грянуло въ отвѣтъ. Тогда у саперъ отобрали оружіе и заперли ихъ въ казармахъ. Казаковъ же (ихъ въ Коломнѣ полторы сотни) поили водкой; наша черносотенная дума раздаривала имъ часы, деньги, чтобы они энергичнѣе „работали“.

Съ завода тронулась демонстрація тысячи въ двѣ человѣкъ. Несли красныя знамена съ надписями. Шелъ добровольческій отрядъ краснаго креста. Раздавалось стройное пѣніе. Навстрѣчу демонстрантамъ, когда они были уже недалеко отъ городской заставы, выѣхалъ исправникъ съ просьбой не входить въ городъ, такъ какъ, молъ, коломенскіе жители боятся, что демонстранты начнуть громить и т. д. Товарищъ, взявшій на себя переговоры съ исправникомъ, сказалъ ему, что опасенія эти напрасны, такъ какъ демонстранты никого трогать не будутъ, а пройдутъ по улицамъ и вернутся обратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ товарищъ спросилъ исправника, не намѣренъ-ли онъ выпустить на нихъ казаковъ. Исправникъ отвѣчалъ, что за казаковъ онъ ручается, что они дѣйствовать не будутъ.

Демонстранты двинулись дальше и подошли уже къ самой заставѣ, какъ вдругъ дорогу имъ преградила сотня казаковъ, а съ линіи желѣзной дороги мчалась къ нимъ еще полусотня. Казачій офицеръ заявилъ, что они не пропустятъ

демонстрантовъ въ городъ. Сопротивляться было невозможно, да и демонстрація предполагалась мирная. Повернули обратно къ заводу. Тогда имъ заявили, что казаковъ раздражаютъ красныя знамена. Знамена были свернуты. Но казакамъ и этого было мало.— Съ разныхъ сторонъ налетѣли они на толпу, и началась безпощадная расправа нагайками, шашками, раздались выстрѣлы изъ казачьихъ винтовокъ... Часть демонстрантовъ бѣжала, часть легла на землю, очень не многіе пытались отстрѣливаться... Наконецъ раздался сигналъ: „отбой!“ Но разгоряченные витязи „тихаго Дона“ еще продолжали свою нагаечную и шашечную работу и только тогда, когда сигналъ повторили, палачи нехотя прекратили рубку и разстрѣлъ безоружныхъ.

Въ результатѣ изъ демонстрантовъ двое было убито: гимназистъ 6-го класса Марковъ—на мѣстѣ, дѣвушка Зубичева умерла отъ ранъ на другой день. Многіе были потоптаны лошадьми, получили огнестрѣльныя раны и удары шашками и нагайками. Изъ казаковъ же только двое получили легкія раны. Очень остроумно объяснили происшедшее Коломенскія власти: казаки, видите-ли, были выставлены для защиты демонстрантовъ отъ толпы, но демонстранты первые начали безъ всякаго повода стрѣлять въ казаковъ.

Эта предательская расправа блѣднѣетъ передъ послѣдующими проявленіями востанавляющей „порядокъ“ власти.

Мы уже упоминали въ началѣ, что исчерпывающими количественными данными мы не обладаемъ, но относительно одной части района, наиболѣе близкаго къ Москвѣ, мы можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія какъ о количествѣ бастующихъ, такъ и началѣ и ликвидаціи забастовки. Мы говоримъ о поясѣ, въ который входятъ Мытиши, Пушкино, Щелково, Всѣхсвятское, Тушино, Фили, Люберцы и Раменское съ ихъ округой. На свыше 20-ти крупныхъ фабрикахъ и заводахъ забастовка охватила около 40000 рабочихъ. Забастовка началась по постановленію организаціи, а закончилась или также по постановленію организаціи, одновременно съ Москвою (Мытищи), — или же подъ вліяніемъ прибытія войскъ и чинимыхъ ими репрессій (Всѣхсвятское).

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ забастовка такъ и не прекратилась до самыхъ рождественскихъ праздниковъ, и работы начались только въ январѣ.

Коломенскимъ рабочимъ пришлось испытать на себѣ ужасы нашествія семеновцевъ, которые, разстрѣлявъ десятки лицъ, непосредственнымъ насиліемъ и угрозой преданія смерти гнали рабочихъ на работу.

XII.

Центральныя революціонныя организаціи и ихъ роль въ декабрьскихъ событіяхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣятельности организацій по проведенію рѣшеній центровъ, которое выпало почти цѣликомъ на долю районныхъ организацій, остановимся немного на характеристикѣ центральныхъ организацій, ихъ взаимномъ отношеніи и взглядахъ на совершающіяся событія.

На засѣданіи С. Р. Д. 6 декабря представитель партіи Соціал. Рев. предложилъ выбрать Коалиціоный Совѣтъ для общаго политическаго руководства забастовкой и возстаніемъ, куда должны были войти по 2 представителя отъ слѣдующихъ организацій: Исп. Комитета С. Р. Д., ж. д. союза, большевиковъ, меньшевиковъ и п. С. Р. Это предложеніе поддержали и представители желѣзнодорожнаго союза.

Соціалдемократы предложили, чтобы этотъ Коалиціонный Совѣтъ игралъ роль только информаціоннаго бюро, а руководителемъ долженъ быть Исполн. Комитетъ С. Р. Д., въ составъ котораго входили: 20 представителей изъ среды С. Р. Д. и по одному отъ большинства и меньшинства С. Д., одинъ изъ партіи С. Р. и одинъ изъ партіи Желѣзнодорожнаго союза.

Въ виду того, что информаціонное бюро не могло приступить къ дѣйствію, руководство должно было перейти къ Исполнительному Комитету.

На засѣданіи 8 декабря*) Исполнительный Комитетъ Московскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ постановилъ:

---

*) Постановленіе И. К. 7 декабря см. въ главѣ II.

1) Продолжать увеличивать и укрѣплять районные Совѣты депутатовъ и стараться созывать ихъ ежедневно, устраивать митинги по заводамъ и фабрикамъ и усиленно готовиться къ вооруженному возстанію; по окончаніи митинговъ обходить съ флагами и пѣніемъ свой районъ, закрывать фабрики, заводы, магазины и лавки, которые продолжаютъ работу.

2) При появленіи войскъ стараться вступать съ солдатами въ разговоры и дѣйствовать на нихъ товарищескимъ словомъ; заготовлять флаги съ обращеніемъ къ солдатамъ. Открытаго столкновенія стараться пока избѣгать и дѣлать вооруженный отпоръ только при особенно вызывающемъ поведеніи войскъ.

3) Въ виду того, что цѣлый рядъ магазиновъ, лавокъ (въ частности молочныхъ) спрашиваютъ у Совѣта Депутатовъ разрѣшенія на право торговли, районныя собранія депутатовъ должны опредѣлить, открытіе какихъ изъ нихъ является нужнымъ. Согласно ихъ постановленію исполнительный комитетъ выдаетъ разрѣшеніе при условіи продажи продуктовъ по обычнымъ цѣнамъ и открытія кредита для бастующихъ рабочихъ".

Постановленіемъ С. Р. Д. въ томъ же засѣданіи 6 декаб. Исп. Комитетъ долженъ былъ раздѣлиться на 2 части по 12 челов.: одна часть должна была собраться и дѣйствовать, а другая оставаться въ запасѣ.

Это постановленіе оторвало Исп.. Комитетъ отъ массы, такъ какъ не всѣ районы были представлены въ дѣйствующей половинѣ. Кромѣ того, собирались далеко не всѣ: обычно на собраніе приходили 5—6 чел. Въ виду этого Исполнительному Комитету приходилось соглашаться съ предложеніями, которыя вносились входящими въ его составъ членами соціалдемократами, такъ какъ послѣднее черезъ свои партійныя организаціи были связаны со всей массой.

Представители С. Д. вносили въ Исполнительный Комитетъ тѣ рѣшенія, къ которымъ приходилъ Федеративный Совѣтъ*). Но послѣдній собирался только до 10 декабря, такъ какъ съ этого дня Комитетъ фракціи большинства по-

*) Въ него входили представители обѣихъ фракцій С. Д. партіи: Московскаго Комитета и Московской Группы.

терялъ возможность собираться, а его Исполнительная Комиссія очутилась запертой въ оцѣпленномъ войсками районѣ. Съ этого дня предложенія въ Исп. Комитетъ С. Р. Д. вносились только одной фракціей, группой меньшинства. На засѣданіи этой группы 9-го декабря обсуждался вопросъ о томъ, какъ поддерживать настроеніе массъ. Районныя организаціи сообщили, что забастовка развилась до конца, одни митинги не удовлетворяютъ рабочихъ и для того, чтобы забастовка не пошла на убыль, нужны какія либо массовыя выступленія. Предполагалось организовать демонстрацію для съемки солдатъ. Но послѣ доклада представителя военной организаціи, сообщавшаго объ измѣнившемся настроеніи въ казармахъ, это предложеніе было отвергнуто. Остановились на рѣшеніи устраивать такія съемки только тамъ, гдѣ отношенія съ солдатами позволятъ это, а въ другихъ мѣстахъ ограничиться демонстраціями по районамъ.

Изъ постановленій, принятыхъ сначала Федеративнымъ Совѣтомъ, а затѣмъ Исполнительнымъ Комитетомъ, слѣдуетъ отмѣтить рѣшеніе 9 декабря утромъ: Федеративный Совѣтъ отмѣнилъ назначенные раньше митинги въ „Акваріумѣ“ и Политехническомъ музеѣ, опасаясь, послѣ бывшей наканунѣ осады „Акваріума“, массоваго разстрѣла, и постановилъ устраивать митинги и демонстраціи по районамъ.

Въ ночь на 10 декабря Федеративный Совѣтъ собрался въ послѣдній разъ и постановилъ:

1) Въ виду трудности поддерживать связь между Исполнительнымъ Комитетомъ и массами—непосредственное руководство борьбой массъ должно принадлежать районнымъ совѣтамъ рабочихъ депутатовъ;

2) устраивать баррикады;

3) устраивать демонстративныя шествія къ казармамъ съ цѣлью снимать солдатъ*). Но уже 11-го декабря Исполни-

*) Повидимому, два послѣднія постановленія были продиктованы стихійно возникшими фактами и представляли собою простую ихъ санкцію. Баррикады стали строиться 9-го вечеромъ толпой и дружинниками по своей собственной иниціативѣ. 9-го же стихійно образовавшаяся на Остоженкѣ толпа, человѣкъ въ 500, пошла снимать Екатеринославцевъ, которые были заперты въ Кремлевскихъ казармахъ: въ населеніи ходили слухи,

тельный Комитетъ отмѣнилъ свое предложеніе устраивать демонстраціи, такъ какъ появленіе около фабрикъ драгунъ грозило массовыми избіеніями. 12 числа собралась Исполнительная Комиссія Московскаго Комитета с.-д. партіи (фракціи большинства) и, подъ впечатлѣніемъ выхода Кіевскаго полка изъ Александровскихъ казармъ съ марсельезой **), а также извѣстій о настроеніи солдатъ въ другихъ полкахъ, и опираясь на свѣдѣнія о разрастающемся движеніи въ другихъ мѣстахъ Россіи, постановили: забастовку продолжать и не прекращать вооруженную борьбу дружинъ. Массамъ же было предложено сидѣть по домамъ, митинговъ и демонстрацій не устраивать, во избѣжаніе массоваго разстрѣла. Кромѣ того было постановлено—конфисковать всѣ продовольственные склады.

14-го декабря впервые въ теченіе событій, собравшійся Московскій Комитетъ с.-д. партіи подтвердилъ всѣ эти постановленія своей комиссіи.

Группа же (Центральный органъ фракціи меньшинства), собравшись въ ночь на 14-ое декабря, пришла къ совершенно противоположному рѣшенію. Она констатировала ослабленіе настроенія въ массахъ и, исходя изъ того, что переходъ войскъ на сторону народа возможенъ только при подъемѣ массъ, и что безъ перехода войскъ побѣда немыслима — постановила, что забастовку слѣдуетъ прекратить. Полагая, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ С. Р. Д., Группа предложила Исполнительному Комитету созвать С. Р. Д. на 15 декабря. Бывшіе на собраніи представители рабочихъ фабрики Цинделя заявили, что помѣщеніе можетъ быть дано ими. Въ этомъ же засѣданіи Группа отвергла конфискацію продовольственныхъ средствъ.

Чтобы составить себѣ болѣе полное представленіе о взглядѣ центровъ на совершающіяся событія и вытекающія изъ нихъ задачи, процитируемъ наиболѣе характерныя мѣста изъ органа Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, для редакти-

---

что тамъ бунтъ, и что солдаты готовы присоединиться. Но толпу разогнали „безъ серьезныхъ избіеній".

Во исполненіе вышеприведеннаго постановленія были организованы нѣсколько попытокъ снятія войскъ, о чемъ смотри главы XII и VI.

**) См главу IV.

рованія котораго Исполнительнымъ Комитетомъ была выбрана изъ своей среды группа изъ 3-хъ лицъ.

Приступая къ характеристикѣ движенія въ Москвѣ, органъ Исполнительнаго Комитета такъ рисуетъ положеніе страны. „Вся Россія превратилась въ кипящій котелъ; въ немъ пары достигли крайней степени напряженія, и они такъ или иначе должны найти себѣ выходъ на просторъ“ *). Описывая, далѣе, борьбу, происходящую въ разныхъ концахъ Россіи—въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири и отдѣльныхъ городахъ,—и говоря о значеніи этой борьбы, газета заключаетъ: „это значитъ, что близится послѣдній часъ **) преступной царской шайки, сидящей на шеѣ русскаго народа.“ Дѣлая выводы изъ такого положенія вещей, она видитъ задачу революціоннаго народа въ слѣдующемъ: „Надо все время держать свои силы въ крайнемъ напряженіи. Надо воспользоваться первыми благопріятными стеченіями обстоятельствъ, чтобы окончательно уложить царское самодержавіе въ гробъ и крѣпко накрѣпко заколотить его гвоздями. Это благопріятное стеченіе обстоятельствъ можетъ наступить каждую минуту. Рѣшающее значеніе будетъ здѣсь имѣть поведеніе войскъ. А они тѣмъ болѣе переходятъ на сторону народа, чѣмъ дольше и дружнѣе идетъ его борьба“.

Итакъ, Исполнительный Комитетъ С. Р. Д., а также всѣ центры революціонныхъ партій видѣли свою основную задачу въ томъ, что бы „держать массы въ напряженіи“.

Какъ же этого достигнуть? Мы видѣли, что Исполнительный Комитетъ въ засѣданіи 8 декабря средствами подготовки вооруженнаго возстанія считалъ: массовые митинги и демонстраціи, и вліяніе на солдатъ товарищескимъ словомъ, причемъ рекомендовалось „избѣгать пока открытыхъ столкновеній и давать вооруженный отпоръ лишь при особенно вызывающемъ поведеніи войскъ“.

Но такое поведеніе войскъ имѣло мѣсто, массы были безоружены, и слѣдовательно онѣ „вооруженнаго отпора“ дать не могли—оставался путь замѣны массовой борьбы—борьбой вооруженныхъ кучекъ, т. н. партизанской войны.

---

*) № 3 Изв. С. Р. Д.

**) Курсивъ въ подлинникѣ.

Но тогда гдѣ же должны были быть массы, въ чемъ могла проявиться ихъ активность, которая, по убѣжденію высказанному органомъ Исполнительнаго Комитета, одна могла побудить войска порейти на сторону народа? Изъ этого заколдованнаго круга были найдены два выхода. Одинъ заключается въ томъ, что партизанская война представлялась, какъ борьба массъ. Такъ въ № 5 отъ 11 декабря Извѣстій Сов. Раб. Деп. говорятъ: „Бой разгорается во всю. На улицахъ Москвы идетъ втеченіи многихъ часовъ рядъ кровавыхъ сраженій возставшаго народа съ царскими войсками". Мы знаемъ, что на улицахъ Москвы были лишь стычки войскъ съ немногочисленными отрядами дружинниковъ Другой выходъ найденъ былъ „Боевой организаціей" Московск. Комитета фракціи большинства. Она рѣшила, что массамъ дѣйствовать не за чѣмъ, что „уличная борьба возставшихъ рабочихъ" вполнѣ исчерпывается борьбой дружинниковъ отрядами не больше, какъ изъ 3—4 человѣкъ, разсыпавшихся по проходнымъ дворамъ, „изъ которыхъ легко стрѣлять и откуда легко уйти". Предлагая массамъ сидѣть по домамъ, не устраивая даже митинговъ, Боевая организація въ томъ же самомъ воззваніи рисуетъ перспективы постепеннаго захвата города народомъ. Отсюда слѣдуетъ, что отряды изъ 3—4 человѣкъ и должны были, по мысли авторовъ воззванія, подарить народу освобожденную отъ вѣкового господства насильниковъ столицу. Приводимъ существенные пункты этого воззванія, расклееннаго по Москвѣ и напечатаннаго въ томъ же № 5 „Извѣстій С. Р. Д."

„Совѣты возставшимъ рабочимъ". „Товарищи, началась уличная борьба возставшихъ рабочихъ съ войсками и полиціей. Въ этой борьбѣ можетъ много погибнуть вашихъ братьевъ, борцовъ за свободу, если всѣ вы не будете держаться нѣкоторыхъ правилъ. Боевая организація при Моск. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи спѣшитъ указать вамъ эти правила и проситъ васъ строго слѣдовать имъ.

I. Главное правило—не дѣйствуйте толпой. Дѣйствуйте небольшими отрядами человѣка въ три—четыре не больше. Пусть только этихъ отрядовъ будетъ возможно больше и пусть каждый изъ нихъ выучится быстро нападать и быстро исчезать...

2. Кромѣ того, товарищи, не занимайте укрѣпленныхъ мѣстъ. Войско ихъ всегда сумѣетъ взять, или просто разрушить артиллеріей. Пусть нашими крѣпостями будутъ проходные дворы и всѣ мѣста, изъ которыхъ легко стрѣлять и легко уйти.

3. Поэтому, товарищи, если васъ кто будетъ звать итти куда большой толпой и занять укрѣпленное мѣсто, считайте того глупцомъ или провокаторомъ.

„4. Избѣгайте также ходить теперь на большіе митинги. Мы увидимъ ихъ скоро въ свободномъ государствѣ, а сейчасъ нужно воевать и только воевать. Правительство это прекрасно понимаетъ и нашими митингами пользуется для того, чтобы избивать и обезоруживать насъ".

Пообѣщавъ дать въ слѣдующихъ листкахъ совѣты о томъ, какъ защищаться, какъ нападать, какъ строить баррикады, Боевая организація предлагаетъ сейчасъ же взять на себя защиту и охрану всѣхъ гражданъ и заканчиваетъ слѣдующими словами: „Наша ближайшая задача, товарищи, передать городъ въ руки народа. Мы начнемъ съ окраинъ, будемъ захватывать одну часть за другой. Въ захваченной части мы сейчасъ же установимъ свое, выборное управленіе, введемъ свои порядки, восьмичасовой рабочій день, подоходный налогъ и т. д. Мы докажемъ, что при нашемъ управленіи общественная жизнь потечетъ правильнѣй,--жизнь, свобода и права каждаго будутъ ограждены болѣе, чѣмъ теперь. Потому, воюя и разрушая, вы помните о своей будущей роли и учитесь быть управителями" **).

Что касается редакціи „Извѣстій", то она послѣ цитированныхъ словъ о борьбѣ возставшаго народа на улицахъ Москвы, говоритъ, что это лишь начало великаго и рѣшительнаго боя пролетаріата противъ произвола и насилія и высказываетъ увѣренность, что „за этими стычками революціоннаго народа неизбѣжно послѣдуютъ болѣе массовыя, болѣе планомѣрныя дѣйствія революціонныхъ борцовъ". Рисуя, затѣмъ, картину стихійно ризвивающейся борьбы, въ процессѣ которой войско должно переходить на сторону возставшихъ, газета такъ заканчиваетъ эту картину. „Намъ

**) Помѣщая это воззваніе, редакція,—очевидно, по недосмотру—не снабдила его редакціонной оговоркой, такъ какъ на нашъ взглядъ оно не совсѣмъ соотвѣтствуетъ взглядамъ газеты на цѣли и средства борьбы.

остается напряженіемъ всѣхъ силъ, сознательностью, планомѣрностью борьбы сократить число жертвъ, ускорить наступленіе великаго часа освобожденія всего народа". Но... въ этотъ же день, 11-го декабря, Исполнительный Комигетъ сообщилъ районнымъ организаціямъ, что онъ предоставляетъ имъ дѣйствовать самостоятельно, такъ какъ происходящія на улицахъ стычки, орудійная пальба, а также баррикады настолько затруднили сношенія съ организаціями, что сдѣлали дѣятельность Исполнительнаго Комитета по объединенію районовъ невозможной. На слѣдующій день, 12-го декабря вышелъ послѣдній 6-ой № „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ". А 13-го на засѣданіи Группы было предложено Исполнительному Комитету созвать на 15-ое декабря Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ для рѣшенія вопроса о прекращеніи забастовки.

15-го декабря Совѣтъ Рабочихъ депутатовъ собрался, но не въ полномъ составѣ: отсутствовали представители Лефортовскаго и Сокольническаго районовъ, а изъ другихъ районовъ не хватало представителей многихъ предпріятій: было всего 85—90 человѣкъ вмѣсто 200. Въ виду этого Совѣтъ не призналъ возможнымъ принять окончательное рѣшеніе и постановилъ передать вопросъ на рѣшеніе районныхъ Совѣтовъ, а въ случаѣ невозможности имъ всѣмъ собраться—предоставить окончательное рѣшеніе Исполнительному Комитету.

Обсужденіе началось съ докладовъ о настроеніи на фабрикахъ.

Настроеніе докладчиковъ было боевое, но факты, сообщаемые ими, говорили, что настроеніе массъ—по крайней мѣрѣ мѣстами—падаетъ, „замѣчается неувѣренность." Выяснилось изъ докладовъ, что въ Замоскворѣчьѣ на нѣкоторыхъ фабрикахъ (напр., Тиля, Мещеринова) уже стали на работу. Настроеніе такое, что каждый день можно ждать прекращенія забастовки. Въ нѣкоторыхъ районахъ поддерживалось еще боевое настроеніе. Въ остальныхъ—среднее.

Опредѣленно за прекращеніе забастовки не говорилъ никто, даже представитель Группы (еще 2 дня тому назадъ высказывшійся за необходимость прекратить забастовку): на него подѣйствовало настроеніе докладчиковъ, а также горячій протестъ со стороны представителей желѣзно-до-

рожной конференціи, которые заявили, что на желѣзныхъ дорогахъ сейчасъ прекратить забастовку не только не слѣдуетъ, но прямо вредно: прекращеніе ничего кромѣ недоумѣнія у желѣзнодорожниковъ не вызоветъ.

Они говорили, что вѣсть о прекращеніи забастовки возмутитъ служащихъ и рабочихъ, для нихъ непонятно зачѣмъ С. Р. Д. вовлекъ ихъ въ забастовку, а теперь неизвѣстно почему прекращаетъ ее „когда еще ничего не добились." Между прочимъ ж. д. делегаты указывали, что на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ провинціи забастовка только что началась. Желѣзнодорожная забастовка только еще разгорается, разростается всероссійская забастовка фабрично-заводскихъ рабочихъ, въ провинціи движеніе еще развивается. Въ заключеніе желѣзнодорожники потребовали продолженія забастовки во что бы то ни стало.

Представитель Московскаго Комитета огласилъ изложенныя выше постановленія 14 декабря о продолженіи забастовки. Вслѣдствіе того, что ораторы еще высказывали надежду на возможный переходъ войскъ, было рѣшено забастовку продолжать. На сколько неустойчиво и разрознено было настроеніе въ организаціяхъ можно судить по слѣдующему факту. Какъ мы только что видѣли, на засѣданіи Совѣта члены Группы фракціи меньшинства, поддавшись вліянію боевого настроенія собравшихся, не возражали противъ рѣшенія продолжать забастовку. А между тѣмъ въ этотъ же день вечеромъ на своемъ собраніи категорически постановили, что забастовка должна быть кончена не позже 17-го, и рѣшили выпустить объ этомъ прокламацію, даже если Московскій Комитетъ большинства выскажется противъ.

Но такой коллизіи не случилось, такъ какъ на слѣдующій день 16-го декабря Исполнительный Комитетъ и Московскій Комитетъ постановили: окончить забастовку 19 декабря. Мотивами, побудившими принять это рѣшеніе, явились факты прекращенія забастовки самими рабочими. Такъ, стали на работу фабрики Тиля, Жемочкина, Шрадера и части Цинделя. Вообще нужно замѣтить, что начиная съ 13—14 декабря рабочіе поговаривали, что забастовку пора кончать но признавали, что это надо сдѣлать по постановленію Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Однако на засѣданіи Совѣта

Рабочихъ Депутатовъ 15-го декабря никто не рѣшался этого высказать.

Въ другой главѣ мы подробнѣе остановимся на настроеніи массъ, здѣсь же закончимъ изложеніемъ постановленій о прекращеніи забастовки.

На другой день послѣ постановленія Исполнительнаго Комитета о прекращеніи забастовки, это стало извѣстнымъ засѣдавшей въ этотъ день желѣзнодорожной конференціи. Она тоже постановила прекратить стачку по слѣдующимъ мотивамъ: 1) въ виду уже состоявшегося постановленія Исполнительнаго Комитета и 2) въ цѣляхъ прекращенія кровопролитія, а также въ виду приближающихся праздниковъ.

Ниже мы увидимъ, что оторванность организаціи другъ отъ друга, полнѣйшая неосвѣдомленность о ходѣ дѣлъ въ другихъ районахъ, а также все учащающіеся случаи самочиннаго прекращенія забастовки, — заставили мѣстныя организаціи сначала требовать созыва Московскаго С. Р. Д., а потомъ прямо высказаться за перерывъ въ стачечной борьбѣ.

XIII.

Массы и районныя организаціи.

Къ тому времени, когда была объявлена въ Москвѣ всеобщая забастовка, почти во всѣхъ районахъ были организованы мѣстные совѣты рабочихъ депутатовъ. Въ нихъ входили представители отъ фабрикъ и заводовъ района. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Прѣсненско-Хамовническомъ районѣ, еще въ первые дни забастовки на фабрикахъ продолжали выбирать депутатовъ въ Совѣтъ.

Когда начались забастовки и уличная борьба, эти районные рабочіе совѣты включили въ свой составъ районные же комитеты объединившихся фракцій соціалдемократической партіи. Члены Комитетовъ присутствовали на всѣхъ засѣданіяхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и играли руководящую роль, хотя часто и воздерживались отъ голосованія. Въ нѣкоторыхъ районахъ въ совѣты рабочихъ депутатовъ входили и представители с.-р. На засѣданіяхъ районныхъ совѣтовъ обсуждалось положеніе дѣлъ на заводахъ, директивы Исполнительнаго Комитета общемосковскаго С. Р. Д. и методы проведенія ихъ въ жизнь. Часто самое толкованіе директивъ вызывало разногласія. Для лучшаго уясненія характера засѣданій районныхъ совѣтовъ, дадимъ здѣсь отчетъ о двухъ—трехъ изъ нихъ.

На засѣданіи Совѣта Прѣсненско-Хамовническаго района 9-го декабря присутствовалъ 41 депутатъ отъ 22 фабрикъ. Депутаты сообщаютъ о положеніи дѣлъ каждый на своей фабрикѣ; при этомъ выясняется, что на 16 фабрикахъ настроеніе бодрое, бастуютъ дружно, на 3-хъ—среднее, на остальныхъ 3-хъ—неважное. Многіе рабочіе съ фабрики Рыбакова

собираются разъѣзжаться по деревнямъ. Собраніе поручило разъяснить имъ, что позорно покидать поле сраженія въ моментъ схватки съ врагами рабочаго класса. Если они уѣдутъ, то подвергнутся бойкоту со стороны всѣхъ рабочихъ. На всѣхъ фабрикахъ, кромѣ двухъ, происходили митинги.

Собраніе выбрало изъ своей среды 4-хъ человѣкъ для агитаціи за выборы депутатовъ въ Московскій Совѣтъ тамъ, гдѣ эти выборы еще не были сдѣланы. Тутъ же организуется мѣстное бюро *), въ которомъ установлено дежурство отъ 10 до 4 часовъ дня.

Прочитаны постановленія Исполнительнаго Комитета отъ 8-го декабря. Много споровъ было по вопросу объ „усиленной подготовкѣ къ вооруженному возстанію". Согласились понимать эту усиленную подготовку въ ближайшіе дни слѣдующимъ образомъ: на митингахъ выяснять необходимость и неизбѣжность перехода къ вооруженному возстанію, устраивать демонстраціи съ знаменами и пѣснями, обращаться къ солдатамъ съ товарищескимъ словомъ, тѣснѣе сплотиться, сорганизоваться и вооружаться чѣмъ можно. Намѣчена первая демонстрація на 10-ое число.

Въ засѣданіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ городского района того же 9 декабря послѣ выслушанія докладовъ обсуждались различныя районныя дѣла, связанныя съ забастовкой. Настроеніе повсюду очень повышенное. Происходятъ митинги. На митингѣ 8 декабря въ Политехническомъ Музеѣ собралось до 1000 человѣкъ. Выслушавъ постановленіе Исполнительнаго Комитета С. Р. Д., опубликованное въ № 3 „Извѣстій" (см. главу XI) и выразивъ ему свое довѣріе и готовность руководствоваться— въ общихъ пролетарскихъ выступленіяхъ—его рѣшеніемъ, митингъ постановилъ единогласно: „примкнуть ко всеобщей политической забастовкѣ, которая можетъ и должна перейти въ вооруженное возстаніе, и всѣми мѣрами способствовать этой всеобщей политической забастовкѣ. „Митингъ выражалъ пожеланіе, чтобы организовалось „Временное Правительство изъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, Р. С.-Д. Р. П и П. С.-Р., которое созоветъ Учредительное собраніе для введенія у насъ Демократической Республики".

*) О назначеніи этого бюро читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ главѣ IX о Прѣснѣ.

На происходившемъ въ тотъ же день засѣданіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Замоскворѣцкаго района, на которомъ присутствовало болѣе 200 человѣкъ, было принято такое рѣшеніе: „1) Просить Исполнительный Комитетъ С. Р. Д. потребовать у фабрикантовъ (Мещерина, Гивартовскаго и др.) удаленія войска и безпрепятственнаго предоставленія фабричныхъ корпусовъ для митинговъ,—въ противномъ случаѣ будутъ приняты энергичныя мѣры.

2) Закрыть черносотенныя чайныя (Уралова и др.).

3) Потребовать отъ Московской Думы сложить свои полномочія и предоставить всѣ свои капиталы въ распоряженіе С. Р. Д.

4) Въ случаѣ крайней необходимости—организовать захватъ крупныхъ продовольственныхъ магазиновъ.

5) На всѣхъ митингахъ требовать немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ".

10 декабря черезъ Исполнительный Комитетъ была получена директива Федеративнаго Совѣта с.-д. партіи—собираться на митинги по нѣскольку фабрикъ вмѣстѣ и послѣ нихъ устраивать демонстративныя шествія.

Въ этотъ день положеніе фабрично-заводскихъ районовъ еще рѣзко отличалось отъ того, что происходило въ центрѣ города, гдѣ уже до полудня началась ружейная стрѣльба, а съ часу дня уже палили изъ пушекъ. Въ районахъ всюду происходятъ митинги, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заканчиваются демонстраціями. Наиболѣе крупный митингъ происходилъ у Цинделя, гдѣ къ 9 ч. утра собралось до 5—6 тысячъ рабочихъ. Въ 2 часа собрался другой митингъ. Хотѣли устроить демонстрацію, но потомъ отложили до слѣдующаго дня, такъ какъ было уже поздно, и было предложено группами итти въ городъ.

Происходили митинги у Габая, на фабрикѣ Дукатъ, у Блока и Зотова, а также общій митингъ въ Политехническомъ музеѣ, на которомъ присутствовало 1500 человѣкъ рабочихъ Шабарева и другихъ заводовъ.

Преобладающей темой въ рѣчахъ ораторовъ является вопросъ о необходимости возстанія для завоеванія политическихъ правъ. Въ большинствѣ случаевъ необходимымъ условіемъ успѣшности возстанія признается поддержка со стороны войскъ.

Для характеристики настроенія массъ приводимъ здѣсь резолюцію, принятую на митингѣ въ 2000 человѣкъ въ домѣ Телешева: „Мы, рабочіе Замоскворѣцкаго района, предлагаемъ нашимъ партійнымъ организаціямъ: Московскому Комитету и Московской Группѣ Р. С.-Д. Р. П., Московскому Сов. Раб. Деп. и Московскому Комитету партіи Соц.-Рев. потребовать отъ думы, земства и другихъ общественныхъ организацій—немедленнаго устройства для бастующаго пролетаріата г. Москвы безплатныхъ столовыхъ, чайныхъ, организаціи выдачи топлива, открытія помѣщеній для митинговъ, выдачи революціоннымъ комитетамъ запасныхъ денежныхъ суммъ и вооруженія рабочихъ, грозя въ противномъ случаѣ организованнымъ захватомъ съѣстныхъ лавокъ, пекаренъ и пр.“

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что резолюціи такого характера очень рѣдки. Продовольственный-же вопросъ очень занималъ какъ массы, такъ и районные совѣты. На одномъ изъ засѣданій Бутырскаго Совѣта *) было заявлено, что лавочники отказываются отпускать товары въ кредитъ рабочимъ, ссылаясь на то, что имъ оптовые торговцы закрыли кредитъ. Послѣ обмѣна мнѣній по этому вопросу, рѣшено было обратиться въ Московскій С. Р. Д. съ просьбой воздѣйствовать въ этомъ отношеніи на оптовыхъ торговцевъ.

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ раздавались голоса за низверженіе думы и организацію взамѣнъ ея выборнаго учрежденія отъ всего населенія. Это говорилось на митингѣ у Сытина 10-го декабря.

Мы уже отмѣчали, что какъ центральныя организаціи, такъ и сами массы понимали, что успѣхъ возстанія можетъ быть обезпеченъ лишь при условіи перехода войскъ на сторону народа.

Мы только что привели содержаніе рѣчей на эту тему на массовыхъ митингахъ. Напомнимъ здѣсь также постановленіе Федеративнаго Совѣта въ ночь съ 9 на 10 декабря и цитированныя мѣста изъ передовицы „Извѣстій Совѣта

*) Справедливость требуетъ отмѣтить, что этотъ Совѣтъ интересовался не только продовольственнымъ вопросомъ. На томъ же засѣданіи обсуждалось предложеніе депутата одного машиностроительнаго завода—отлить мѣдныя пушки. Послѣ краткаго обмѣна мнѣній рѣшили отклонить это предпріятіе, такъ какъ выполненіе его затянется надолго, и пока пушки будутъ готовы, борьба будетъ уже кончена.

Рабочихъ Депутатовъ". Исключеніе представляла изъ себя, повидимому, часть членовъ фракціи большевиковъ. Такъ, предсѣдатель конференціи этой фракціи, рѣшившей объявить забастовку, въ своей заключительной рѣчи говорилъ, что не надо ставить рѣшеніе вопроса о выступленіи пролетаріата въ зависимость отъ сочувствія войскъ *) Точно такъ-же Боевая Организація Комитета этой же фракціи, какъ это видно изъ цитированнаго въ XII главѣ ея возванія, разсчитывала не на сочувствіе войскъ народу, а на то, чтобы силой заставитъ ихъ сдаться народу.

Но все же и въ этомъ воззваніи предлагается щадить пѣхотинцевъ. Очевидно составители воззванія не полагались единственно на силу оружія боевыхъ дружинъ.

Отношеніе же массъ къ войскамъ достаточно характеризуется, какъ приведенными выше фактами переговоровъ толпы съ казаками и пѣхотой: 8-го декабря на Страстной пл., 10-го на Прѣснѣ, такъ и шествіемъ толпы къ Кремлевскимъ казармамъ.

Въ виду чрезвычайной важности этой стороны московскихъ событій—отношеніе между безоруженой массой и воруженными силами существующаго порядка,—приведемъ здѣсь всѣ извѣстные намъ факты, характеризующіе это отношеніе.

10-го декабря въ 2 часа дня организованные рабочіе виннаго склада, подъ вліяніемъ постановленія Исполнительнаго Комитета, послѣ митинга вышли съ оркестромъ музыки, игравшимъ марзельезу, и отправились въ Хамовническія казармы. Тутъ ихъ встрѣтили драгуны и разогнали ихъ шашками. (Подробное описаніе см. въ главѣ VI).

На одномъ митингѣ въ этотъ же день на Прѣснѣ было сообщено, что солдаты, стоящіе на Брестскомъ вокзалѣ, обѣщали отдать оружіе. Туда отправилось человѣкъ 100. У мастерскихъ строили баррикады. На вокзалѣ они увидѣли человѣкъ 15 солдатъ и офицера. Вступили въ переговоры съ послѣднимъ, чтобы онъ допустилъ къ солдатамъ, но тотъ отказалъ. Тогда рабочіе на разстояніи говорили съ солдатами, но видя, что тѣ не выражаютъ ни малѣйшаго желанія передать оружіе или перейти къ нимъ,—разошлись.

---

*) См. гл. I.

12-го декабря хотѣли снять саперъ, но такъ какъ въ саперныхъ казармахъ былъ помѣщенъ отрядъ солдатъ Троицко-Сергіевскаго пѣхотнаго полка, которому было приказано стрѣлять и въ толпу, и въ саперъ, послѣдніе отказались отъ выступленія и попытка снять ихъ не была произведена.

14-го декабря должны были снимать Крутицкія казармы, такъ какъ члены организаціи, связанные съ этими казармами и ведшіе тамъ пропоганду, получили отъ сознательныхъ солдатъ приглашеніе придти снимать ихъ. Но къ этому времени масса Замоскворѣцкаго района была уже разбита: общихъ районныхъ демонстрацій тамъ не устраивалось; активные рабочіе разошлись по баррикадамъ въ другіе районы. Въ условленное мѣсто, откуда должны были двинуться шествіемъ къ Крутицкимъ казармамъ, пришло такъ мало народа, что была ясна невозможность выполненія задуманнаго предпріятія.

Это все были, такъ сказать, организованныя попытки снятія войскъ. Но были случаи и иного рода. Выше мы уже привели сообщеніе о стихійно возникшемъ шествіи толпы въ Кремлевскія казармы. Здѣсь можемъ упомянуть о слѣдующемъ фактѣ. 11-го декабря толпа подошла къ Спасскимъ казармамъ съ цѣлью призвать Ростовскій полкъ къ переходу на сторону народа, но изъ казармъ толпу встрѣтили выстрѣлами.

Вернемся теперь къ общему описанію событій въ районахъ: 10 декабря въ Бутырскомъ районѣ была устроена грандіозная демонстрація. Рабочіе фабрики Реномэ послѣ митинга направились безъ флаговъ къ Бутырской тюрьмѣ, а оттуда, развернувъ флаги, пошли къ Бутырской заставѣ, гдѣ застали рабочихъ 7 фабрикъ и заводовъ, пришедшихъ сюда послѣ митинговъ на своихъ заводахъ. Настроеніе демонстрантовъ, собравшихся сюда въ количествѣ 5—6 тысячь было „рѣшительное и серьезное“. Отъ заставы демонстранты разошлись со свернутыми флагами *).

Въ этотъ день, 10 декабря, послѣ начавшагося пушечнаго разстрѣла Москвы, въ нѣкоторыхъ районахъ началась

*) Въ главѣ VI дано описаніе грандіозной демонстраціи на Прѣснѣ, происходившей въ этотъ же день и сопровождавшейся отказомъ казаковъ разгонять толпу.

постройка баррикадъ. Какъ упомянуто выше, были баррикады у Брестскихъ мастерскихъ.. На Прѣснѣ тоже приступили къ постройкѣ. На этой почвѣ выходили недоразумѣнія съ депутатами, которые говорили, что этого дѣлать не слѣдуетъ (Директива Исполнительнаго Комитета о постройкѣ баррикадъ была получена въ районахъ только утромъ 11-го). До постройки баррикадъ настроеніе на Прѣснѣ было неопредѣленное. Напримѣръ, сообщили, что у трактира Епифанова стоитъ орудіе и хорошо бы снять съ него замокъ. Но это предложеніе не было поддержано.

Начиная съ 11 декабря положеніе дѣлъ въ районахъ нѣсколько мѣняется. Митинги посѣщаются меньше, хотя все таки въ этотъ день собрались у Цинделя, но уже въ количествѣ 500—1000 человѣкъ, а у Сытина всего 100 человѣкъ. Происходили митинги и въ Бутырскомъ районѣ, но по заводамъ, а не общіе. Въ Брестскихъ мастерскихъ на митингъ пригласили новобранцевъ.

Демонстраціи уже не устраиваются. Въ нѣкоторыхъ заводскихъ районахъ появляются драгуны и, во-избѣжаніе столкновеній, Исполнительный Комитетъ рекомендовалъ не устраивать демонстративныхъ шествій. Мѣстами рабочіе уходятъ по деревнямъ. Это наблюдается на фабрикахъ Бутинова, Щербакова и даже отчасти у Цинделя.

Въ этотъ день Исполнительный Комитетъ засѣдалъ въ Замоскворѣцкомъ районѣ, куда уже пріѣхали драгуны и окружили фабрики. Обсуждая положеніе дѣлъ, собранію было предложено два плана выхода изъ этого положенія:

1) Устроить демонстративное шествіе къ Александровскимъ и Крутицкимъ казармамъ, гдѣ, какъ сообщали, сильное броженіе и можетъ быть устроенъ митингъ. 2) Вообще же демонстраціи не устраивать, въ виду несомнѣннаго избіенія драгунами. Построить баррикады—тогда можно будетъ устроить шествіе къ казармамъ.

Послѣднее предложеніе принято большинствомъ голосовъ. Баррикады предложено строить около Сытина и на Калужской площади, чтобы отвлечь вниманіе драгунъ и такимъ образомъ пройти къ казармамъ. Но и это выполнить не удалось. Къ казармамъ не ходили, а занялись постройкой баррикадъ.

Въ теченіе почти цѣлаго дня ихъ строили на Серпуховской площади, у типографіи Сытина на Донской, у Калужскихъ воротъ и на спускѣ къ Крымскому мосту. Стройка шла также по всей Шаболовкѣ и въ прилегающихъ переулкахъ. Здѣсь строили баррикады человѣкъ 100 организованныхъ рабочихъ и масса мѣстныхъ жителей, принадлежащихъ по большой части къ тому же рабочему люду. Тутъ же 5—6 человѣкъ съ револьверами, членовъ мѣстной организаціи. Рабочіе воружены чѣмъ попало, но они непремѣнно хотятъ защищать баррикады. Организаторамъ съ трудомъ удается убѣдить ихъ не дѣлать этого; они рекомендуютъ имъ пользоваться слуховыми окнами и фортками для бросанія камней и стрѣльбы по войскамъ.

Но настроеніе рабочихъ боевое, активное и ищетъ выхода и примѣненія. Баррикады построены. Что же дѣлать дальше? Тутъ же на улицѣ рабочіе вмѣстѣ съ организаторами собрались въ группу и обсуждаютъ различныя предложенія. Одни предлагаютъ итти въ городъ, другіе возражаютъ на это: пробраться туда трудно, да и зачѣмъ—тамъ можетъ быть уже приближается развязка, не сегодня—завтра смѣстятъ всѣ правительственныя власти; поэтому намъ нужно продолжать движеніе въ своемъ районѣ. Предлагается проэктъ напасть на участокъ.

— Товарищи, предостерегаетъ одинъ изъ рабочихъ, я видѣлъ, какъ сегодня туда потихоньку пробирались городовые съ винтовками, а рядомъ съ участкомъ во дворѣ сидятъ 5 драгунъ—съ револьверами ихъ не возьмешь.

Въ это время со стороны Сытина раздавались выстрѣлы. Понявъ, что стрѣляли сытинскіе дружинники, нѣкоторые предложили попросить у нихъ помощи для набѣга на участокъ. Другіе возражали, говоря, что если у Сытина дѣйствительно происходитъ серьезное сраженіе, то не слѣдуетъ отвлекать силы дружинниковъ.

Тогда выплываетъ на сцену другой проэктъ—разобрать хлѣбъ въ булочной. Проэктъ принимается. Всѣ гурьбой направляются къ булочной. Хозяинъ безпрекословно выдаетъ весь хлѣбъ.

Въ виду того, что каждую минуту могла нагрянуть полиція и захватить организацію, всѣ члены ея рѣшаютъ разойтись по другимъ районамъ и собраться на слѣдующій день.

11-го декабря около Бутырской тюрьмы опять была демонстрація рабочихъ фабрикъ Габая, Сіу, Меллера и Дуката, которые съ пѣніемъ проходили здѣсь послѣ общаго митинга.

По дорогѣ былъ обезоруженъ шедшій на встрѣчу жандармъ. У Міусскаго трамвайнаго парка къ нимъ присоединились рабочіе, а также торгово-промышленные служащіе.

Проходя мимо тюрьмы, демонстранты привѣтствовали сидящихъ тамъ севастопольскихъ матросовъ, которые махали имъ красными платками. Обращались съ рѣчью къ стоящимъ у казармы конвойнымъ солдатамъ.

12-го декабря на митингѣ у заставы собралось всего человѣкъ 150.

Всѣ очень интересуются сообщеніями о происходящихъ въ городѣ стычкахъ. Ораторы говорятъ только на злобы дня, видя, что рѣчи на другія темы слушаются неохотно.

Сообщается о томъ, что убитъ товарищъ—зотовецъ. Присутствующіе снимаютъ шапки и стройно поютъ похоронный маршъ. Лица у всѣхъ серьезны, почти суровы.

Передаютъ, что ростовцы обѣщали на слѣдующій день выйти присоединиться. Это сообщеніе вызываетъ возгласы: „оружія бы намъ.“ Уже собираются расходиться. Но вотъ на импровизированную трибуну входитъ лавочникъ и говоритъ о томъ, что нехорошо ломать фонари. Ему тотчасъ возражаютъ.— „Они нужны на баррикады.“ Тотъ, желая сгладить непріятное впечатлѣніе, жертвуетъ на голодающихъ 25 руб. Отдѣльные голоса предлагаютъ качать жертвователя. Но подавляющее большинство не поддерживаетъ этого.

Наконецъ митинги посѣщаются все меньше и меньше, да и то, повидимому, только организованными рабочими.

Широкія массы ускользаютъ отъ вліянія даже районныхъ организацій. Настроеніе массъ, и безъ того, какъ вѣроятно замѣтилъ читатель, не вездѣ одинаковое, дѣлается еще болѣе пестрымъ.

Усиливается бѣгство въ деревню.

Но остающіеся въ городѣ бастуютъ еще дружно. 13-го декабря только на фабрикахъ Зотова и Рейнгардта были попытки приступить къ работамъ. Въ первомъ случаы звалъ на работу фабрикантъ. Рабочіе пришли, но ихъ тотчасъ сняли товарищи съ завода Гивартовскаго. Во второмъ слу-

чаѣ рабочіе сами предлагали стать на работу, но фабрикантъ заявилъ, что будетъ имѣть дѣло только съ депутатами.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что фабриканты очень часто отказывались имѣть дѣло съ отдѣльными рабочими, а стремились вести переговоры съ депутатами; наравнѣ съ нѣкоторыми другими, Бостанжогло отказался говорить непосредственно съ рабочими объ уплатѣ денегъ.

Отъ чего часто зависитъ настроеніе массъ, можно судить по слѣдующимъ случаямъ.

На Даниловскомъ сахарномъ заводѣ настроеніе, въ общемъ не особенно хорошее (половина ушла „на деревню"), сильно приподнимается послѣ того, какъ было добито 12 револьверовъ и 2 ружья.

У Гюбнера приподняло настроеніе слѣдующее обстоятельство. Черная сотня угрожала ихъ депутату смертью, если онъ выйдетъ изъ квартиры. Рабочіе заволновались, хотѣли разнести квартиру околоточнаго. И настроеніе сдѣлалось бодрымъ, начали посѣщать митинги.

Несмотря на учащающіеся случаи бѣгства въ деревню, остающіеся на мѣстахъ, настроены хорошо и принимаютъ участіе въ постройкѣ и возобновленіи баррикадъ. Особенно хорошее настроеніе наблюдается на Прохоровской мануфактурѣ и въ районѣ Симонова монастыря. Въ послѣднемъ было организовано постоянно дѣйствующее учрежденіе, по чекамъ котораго три чайныхъ и мелочныя лавки отпускали рабочимъ товаръ въ кредитъ.

Существовалъ свой народный судъ. Полиція и драгуны отсутствовали. Съ солдатами Крутицкихъ казармъ поддерживались сношенія и тѣ отказывались выходить противъ рабочихъ.

На окраинѣ циркулировалъ слухъ, что рабочіе Орѣхова-Зуева, въ количествѣ 30,000, идутъ на помощь Москвѣ.

Это сильно подбадривало духъ городскихъ рабочихъ.

Но уже начиная со слѣдующаго дня, 14-го декабря, настроеніе стало постепенно падать, и этотъ день слѣдуетъ признать поворотнымъ моментомъ въ настроеніи массъ и ходѣ стачки.

Вотъ что сообщетъ организаторъ Замоскворѣцкаго района о положеніи дѣлъ 14-го декабря.

„Объявленіе Дубасова о чрезвычайныхъ мѣрахъ по охранѣ порядка проходитъ совершенно незамѣченнымъ, ибо оно нисколько не мѣшаетъ рабочимъ сидѣть по домамъ.

Настроеніе на мой взглядъ неважное. У Цинделя мы предполагали занять подъ митинги нѣсколько помѣщеній и, кромѣ того, устраивать ихъ подъ открытымъ небомъ. На дѣлѣ же на митинги являлось тысячи 2, т.-е. меньше чѣмъ въ обычное время. Въ другихъ мѣстахъ происходитъ тоже самое. Изъ 3—4 тысячъ бастующихъ рабочихъ, на митинги является не больше 300—400 человѣкъ. Всѣ магазины, кромѣ Чичкина и Бландова, мирно торгуютъ, снимать не пытались. Столкновеній съ войсками не было. По улицамъ разъѣзжаютъ патрули. Павелецкій вокзалъ работаетъ. Въ общемъ настроеніе идетъ на пониженіе. Даже у Цинделя часть рабочихъ недовольна забастовкой. У Жако говорятъ о приходѣ антихриста; паника тамъ значительная, и часть рабочихъ уѣхала въ деревню, другіе не успѣли, вслѣдствіе жел.-дор. забастовки. У Тиля и Михайлова замѣтно желаніе взяться за работу. У Тиля незначительная часть уже это сдѣлала. Много говорятъ о пулеметахъ, которые, молъ, въ нѣсколько минутъ могутъ истребить Москву и все, сущее въ ней. Слышны также разговоры, что нельзя же бастовать до Пасхи, что черезъ день-два нужно будетъ взяться за трудъ.

Приводимъ здѣсь полностью донесенія того же организатора отъ 15 декабря.

„Настроеніе неопредѣленное. Энтузіазма какъ не бывало; народъ собирается маленьки кучками, толкуетъ о событіяхъ, но не слышно предложеній что-нибудь дѣлать. Предложенія боевыхъ одиночекъ встрѣчаются скептически, на улицахъ совершенно спокойно. Подавляющее большинство магазиновъ открыто, появились всюду извозчики. Въ нѣкоторыхъ булочныхъ продаютъ уже бѣлый хлѣбъ. На заводахъ нигдѣ, или почти нигдѣ не работаютъ. Но сегодня даже у Цинделя группа рабочихъ агитировала за то, чтобы потребовать отъ депутатовъ постановленія о прекращеніи забастовки завтра же, но значительное большинство заставило ихъ замолчать. Вообще депутаты и организованные не знаютъ совершенно, куда итти и боятся сознаться даже самимъ себѣ, что забастовка „проиграна“ (громадное большинство было увѣрено,

что это послѣдній штурмъ). У Тиля, Жемочкина и кое-гдѣ въ мелкихъ предпріятіяхъ отдѣльныя группы тайкомъ берутся за работу. Но несравненно сильнѣе другое явленіе: именно, повальное бѣгство въ деревню; по всѣмъ улицамъ тянутся толпы пѣшеходовъ съ бѣлыми котомками за плечами. Иные, группами, человѣкъ по 10, покупаютъ лошадь и упряжь и отправляются во-свояси. Сегодня ночью драгуны обстрѣливали безъ всякаго повода спальни Цинделя. Устроить бойню имъ не удалось благодаря „великолѣпному поведенію рабочихъ".

Оторванность районовъ другъ отъ друга наступила уже полная.

Одинъ районъ совершенно не зналъ, что дѣлается въ другомъ. Уже съ 14-го числа районныя организаціи начали обращаться въ Исполнительный Комитетъ съ предложеніемъ созвать Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. 14 числа городской районный Совѣтъ уже обращается съ такимъ предложеніемъ.

16-го онъ опять выражаетъ желаніе, чтобы собрался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, на обсужденіе котораго долженъ быть поставленъ вопросъ о скорѣйшемъ объявленіи перерыва въ обще-стачечной борьбѣ для того, чтобы, подкрѣпившись организаціонно, вновь начать борьбу до окончательной побѣды. Въ то же время городской С. Р. Д. выражаетъ свое мнѣніе о желательности продолженія партизанской войны.

Того же 16-го декабря состоялись мѣстныя совѣщанія на отдѣльныхъ дорогахъ. На Курской дорогѣ было рѣшено поскорѣе окончить забастовку, а то можно опасаться, какъ бы она сама не прекратилась, безъ постановленій центральныхъ организацій. На Павелецкомъ вокзалѣ въ залѣ 4-го класса состоялось, съ разрѣшенія градоначальника, общее собраніе служащихъ и рабочихъ Рязано-Уральской дороги. Въ залѣ стояли жандармы, а рядомъ со столикомъ президіума сидѣлъ жандармскій полковникъ. Собраніе постановило стать всѣмъ завтра съ утра на работу, что и было исполнено на другой день 17-го декабря. Въ тотъ же день стали на работу на городской бойнѣ.

Мы видѣли, что факты возобновленія работъ послужили рѣшающей причиной, побудившей организацію поспѣшить съ объявленіемъ о прекращеніи забастовки.

А это явленіе — случаи прекращенія работы, безъ постановленій организацій—все учащалось. Становилось уже извѣстнымъ, что въ другихъ городахъ забастовка не такъ дружна, какъ это казалось раньше. Особенно должно было подѣйствовать извѣстіе о неудавшейся забастовкѣ въ Петербургѣ.

Наблюдалась растерянность даже среди организованныхъ рабочихъ.

Только еще на Прѣснѣ, подъ вліяніемъ успѣшныхъ стычекъ дружины съ войсками, настроеніе продолжало еще держаться.

Но уже 16-го къ вечеру, когда тамъ стало извѣстнымъ, что даже у Цинделя стали на работу (тамъ стали въ этотъ день), настроеніе упало и здѣсь.

Широкія массы потеряли надежду на успѣшный исходъ борьбы.

XIV.

Боевыя дружины.

Чтобъ уяснить себѣ роль дружинниковъ въ декабрьскихъ событіяхъ, необходимо остановиться на томъ, какъ сложились и организовались въ Москвѣ боевыя дружины. Небольшія боевыя дружины типографскихъ рабочихъ дѣйствовали уже въ сентябрѣ 1905 года, во время стачки типографскихъ рабочихъ и булочниковъ, охраняя уличныя митинги и давая отпоръ полиціи, казакамъ и жандармамъ. Терминъ—„боевая дружина“ въ Москвѣ опредѣленно появился именно во время сентябрьской стачки.

Во время осады университета, 14 октября, сидѣвшіе тамъ за баррикадами и были тѣмъ ядромъ, изъ котораго развились потомъ двѣ дружины: *университетская* и ея подраздѣленіе—кавказскій отрядъ, выдѣлившійся потомъ въ автономную внѣпартійную *кавказскую дружину*.

Эти дружины охраняли отъ черной сотни народные митинги происходившіе въ стѣнахъ учебныхъ заведеній. Происходили уличныя стачки, какъ напримѣръ, около инженернаго училища на Бахметьевской, у Тріумфальныхъ воротъ вечеромъ 18 октября, гдѣ была перестрѣлка между патріотической манифестаціей и толпой демонстрантовъ, возвращавшихся отъ Бутырской тюрьмы. Вечеромъ 19 октября была сильная перестрѣлка на Тверской между толпой черносотенцевъ и дружинами; были убитые и раненые съ обѣихъ сторонъ.

Масса людей вступила въ дружины въ день похоронъ Баумана, 20 октября. Общая численность *организованныхъ* дружинъ, партійныхъ (большевиковъ и меньшевиковъ с.-д.

и с.-р.) и внепартійныхъ (кавказская) доходила въ этотъ день до 450—500 человѣкъ. Кромѣ того, въ цѣпи, охранявшей процессію, участвовало множество вооруженныхъ добровольцевъ.

Послѣ засады, устроенной казаками у манежа, вечеромъ послѣ похоронъ Баумана, и подъ вліяніемъ начавшихся избіеній черносотенцами отдѣльныхъ лицъ полуинтеллигенскія и интеллигенскія дружины стали сливаться и образовали одну *вольную районную* дружину, насчитывавшую къ 30 октября (когда ожидались разгромы квартиръ) до 300 человѣкъ, а къ началу декабря—970—980 чел. Сюда входили: до 200 лицъ свободныхъ профессій (инженеры, врачи, адвокаты и пр.), 40 студентовъ, 10 учащихся въ другихъ школахъ, 30—40 электромонтеровъ и другихъ квалифецированныхъ рабочихъ; впослѣдствіи присоединились 200 банковскихъ служащихъ. Эти 489—500 чел. были членами собственно вольной районной дружины. Затѣмъ къ ней примкнули:

Грузинская дружина. Въ октябрѣ она насчитывала всего 14 челов. (1 борхардъ. 3—4 маузера, браунинги и ноганы; сверхъ того кинжалы), а къ декабрю она доходила до 24 человъ., всѣ съ маузерами, и кромѣ того у многихъ по браунингу и кинжалу.

Мѣдвѣжья дружина. Человѣкъ 25 интеллигентной молодежи (винчестеры, пара-беллумъ); боролась съ черной сотней, въ баррикадной борьбѣ не участвовала.

К—ская дружина изъ 60 хорошо вооруженныхъ типографскихъ рабочихъ.

Дружины рабочихъ типографіи М-ва (15 чел.) и нѣсколько мелкихъ типографій.

Дружина изъ *булочниковъ* (16 чел.).

Двѣ дружины: *студенческаго общежитія* (20 ч.) и *Лазаревскаго института* (20 ч.) Лазаревцы были отлично вооружены, въ декабрѣ не принимали никакого участія.

Нѣсколько дружинъ изъ *желѣзнодорожныхъ служащихъ*, а именно: Брестской ж. д. (20 ч.) Казанской (40), Ярославской (15—20) и Кіево-Воронежской ж. д. (15)

Кромѣ того примыкали дружины: *Строгановскаго училища* (42) и *Консерваторская* (60). Послѣдняя принимала слабое и случайное участіе и числилась скорѣе на бумагѣ.

Существовали еще, такъ называемыя „пассивныя“ дружины; онѣ составлялись изъ мѣстныхъ обывателей и несли службу только по охранѣ извѣстныхъ улицъ и домовъ, не выходя за предѣлы даннаго района. Свои дѣйствія онѣ согласовали съ дѣйствіями вольныхъ районныхъ дружинъ.

Кромѣ „вольной районной“ были еще спеціальныя дружины: „Герьевская“ (на высшихъ женскихъ курсахъ) и *студентовъ с. х. института* въ Петровско-Разумовскомъ (40—50 чел.).

Партійныя дружины.

1) Московск. Комитета с.-д. партіи („большевики“)—250—300 своихъ, большею частью рабочихъ, и кавказская дружина (120 чел.).

2) Московск. Группы с.-д. партіи („меньшевики“) 200 своихъ, большею частью рабочихъ, и небольшая (50 чел.), но серіезная дружина типографскихъ рабочихъ; послѣдніе къ декабрю почти всѣ были съ маузерами.

3) *Соціалрволюціонеры.* Дружина ихъ насчитывала 250—300 челов., хорошо вооруженныхъ: свыше 50 винчестеровъ, много маузеровъ, пара-беллумъ; кромѣ того бомбы.

Вначалѣ дружины вооружались чѣмъ попало, но въ ноябрѣ, когда вопросъ о черныхъ сотняхъ сталъ отходить на задній планъ, организаціи стали запасаться лучшимъ оружіемъ и къ декабрю дружины были по большой части перевооружены. Пріемъ членовъ въ дружины производился безъ достаточнаго разбора въ первое время. Приходитъ кто-нибудь, говоритъ, что онъ рабочій, ему и даютъ оружіе, не производя никакихъ провѣрокъ. Потомъ, когда оказалось, что на рынокъ попадала масса оружія не только изъ участковъ, но и розданнаго партіями,—въ дружины стали принимать съ разборомъ.—Желающихъ вступать въ дружины была масса. Напримѣръ, рабочіе Брестскихъ ж. д. мастерскихъ заявили, что 500 готовы примкнуть къ дружинѣ и просятъ дать имъ оружіе. Въ дружинахъ сверхъ перечисленнаго количества вооруженныхъ, было еще много кандидатовъ на оружіе.

Нападенія черносотенцевъ на улицахъ и слухи о готовящихся погромахъ квартиръ высывали тревогу и заставляли

усиленно готовиться къ самооборонѣ. Этимъ тревожнымъ настроеніемъ и объясняется тотъ огромный приливъ пожертвованій на вооруженіе, который имѣлъ мѣсто въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 года. *) Одновременно на митингахъ и въ партійной прессѣ все время говорилось о предстоящемъ вооруженномъ возстаніи.

Итакъ, существовали два теченія, возникшія независимо одно отъ другого, но одинаково приводившія къ организаціи боевыхъ дружинъ: защита отъ черныхъ сотенъ—и подготовка къ вооруженному возстанію. Въ 20-хъ числахъ октября образовался „Коалиціонный Совѣтъ Начальниковъ Дружинъ", имѣвшій назначеніемъ координировать дѣйствія дружинъ и выяснять наличныя силы ихъ.

Была выработана такая формула соглашенія: партійныя и внѣпартійныя дружины соединяются для согласованія дѣйствій при каждомъ отдѣльномъ выступленіи дружинъ. Кромѣ того, необходимо было совѣтоваться по вопросу о выборахъ вооруженія и пріобрѣтеніи и распредѣленіи оружія, о тактикѣ и о другихъ военно-техническихъ вопросахъ. Принята была порайонная система распредѣленія силъ. Всѣ рѣшенія Коалиціоннаго Совѣта должны были приниматься единогласно.

Прежде чѣмъ перейти къ дѣятельности Коалиц. Совѣта, необходимо упомянуть, что было нѣсколько дружинъ, которыя дѣйствовали независимо отъ Коалиц. Совѣта и не были связаны съ нимъ организаціонно. Это были, въ первыхъ, *дружины желѣзнодорожныхъ рабочихъ*. и отчасти служащихъ, не вошедшихъ въ „вольную районную дружину". Число вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ желѣзнодорожниковъ трудно установить точно, но на основаніи косвенныхъ данныхъ **) можно думать, что ихъ было не

*) Въ распоряженіе Москов. Стачечнаго Комитета пожертвовано за указанный періодъ 20.621 р., въ кассу Москов. Комитета Р. С.-Д. Р. П. „на Боевую Организацію", т. е. главнымъ образомъ на оружіе и бомбы, поступило 27.000 р.

**) Какъ указано выше Стачечный Комитетъ истратилъ въ октябрѣ и ноябрѣ на оружіе 20.621 р., да въ декабрѣ около 6.000 р., всего свыше 26.000 р., главнымъ образомъ для желѣзнодорожныхъ дружинъ. На эту сумму

менѣе пятисотъ. Оружіе они получили отъ Стачечнаго Комитета. Дѣйствовали желѣзнодорожныя дружины внѣ города: на улицахъ ихъ не было видно по свидѣтельству одного изъ членовъ Коалиц. Совѣта. Самостоятельно дѣйствовали еще: 200 у *типографскихъ рабочихъ*, дружина (200 чел. изъ служащихъ въ молочныхъ и небольшая дружина (человѣкъ въ 20) еврейской молодежи, вооруженныхъ браунингами, но плохихъ стрѣлковъ.

Въ дружинахъ было очень много безусой молодежи, но были и солидные люди, и даже старики, охотно вступавшіе въ дружину и дѣйствовавшіе въ летучихъ отрядахъ противъ черной сотни въ октябрѣ и ноябрѣ.

Коалиціонный Совѣтъ Дружинъ:

Въ составъ его входили представители Моск. Комитета (1) и Моск. Группы с.-д. партіи (2), Москов. Комитета партіи с. р. (2), отъ Центр. Университ. Орган. (1), и по одному отъ дружинъ: „Вольной Районной“, „Университетской“, „Типографской“ и „Кавказской“. Постояннаго предсѣдателя не было, онъ выбирался на каждое засѣданіе исключительно для руководства преніями.

Первое засѣданіе Коалиц. Совѣта состоялось 28 октября. Въ первые дни всѣ силы были направлены на охрану города въ виду ожидавшихся въ ночь на 30 октября массовыхъ погромовъ. Важныя засѣданія имѣли мѣсто 5 и 6 ноября, когда ждали на 7 ноября черносотенныхъ погромовъ. Въ

могло быть куплено $\frac{26.000}{50}$ = около 500 ружей и револьверовъ. Это подтверждается и прямыми данными о числѣ дружинниковъ на станціяхъ „Москва“: на Кіево-Воронежской дорогѣ ихъ было 36 (изъ нихъ 18 дѣйствовали на Прохоровской фабрикѣ), на Рязано-Уральской дорогѣ 40; на Виндавской 37; на Ярославской 40. Много дружинниковъ было на Курской, Казанской и Брестской ж. д. Часть Брестской дружины (22 чел.) участвовала въ оборонѣ Прохоровской фабрики. По подчетамъ В. Владимірова въ „Руси“, въ Казанской дружинѣ было около 100 человѣкъ, считая въ томъ числѣ присоединившихся къ ней 27 матросовъ и нѣсколько солдатъ съ Дальняго Востока. Что значитъ м н о г о, можно судить по тому, что больше всего скопилось дружинниковъ на Прѣснѣ, а ихъ тамъ было до 200 человѣкъ. Изъ какихъ дружинъ состоялъ прѣсненскій отрядъ, ъбо этомъ изложено выше, въ особомъ очеркѣ, посвященномъ Прѣснѣ.—

виду вызывавшихъ тревогу приготовленій „союза русскихъ людей“ къ какому то грандіозному молебствію въ Кремлѣ 6 декабря—Коалиц. Совѣтъ со 2 декабря началъ готовиться къ оборонѣ и мобилизовалъ всѣ наличныя силы дружинъ. Въ эти дни, 5 и 6 декабря, городъ особенно тщательно охранялся: каждый районъ обслуживался партійной дружиной и одной изъ вольныхъ. Было 5 штабовъ дружинъ: „большевиковъ“, „меньшевиковъ“, соціалреволюціонеровъ, вольной и университетской. Назначены были сборные пункты, гдѣ сидѣли дружинники и откуда они высылали патрули для обхода улицъ. Эти пункты и штабы сносились между собой черезъ посланныхъ ими по телефону условными паролями.

Дружинники настолько тщатедьно охраняли городъ, что при малѣйшемъ шумѣ и тревогѣ на улицахъ, они разслѣдовали, въ чемъ дѣло. Они разгоняли толпы черносотенцевъ, не давая имъ собираться большими массами, и старались устранять всякіе поводы для скопленія народа. Имъ приходилось даже прекращать уличныя драки и разнимать пьяныхъ.

Какъ извѣстно, день 6 декабря прошелъ благополучно. Насколько боялись дружинниковъ, видно изъ того, что когда у генералъ-губернаторскаго дома, послѣ молебна на Красной площади собралась патріотическая толпа,—стоило начальнику одной изъ дружинъ дать сигналъ „сиреной“, и манифестанты съ крикомъ: „дружинники“! разбѣжались во всѣ стороны.

Прежде чѣмъ перейти къ дѣятельности дружинъ, остановимся на минуту на характеристикѣ качественнаго состава Коалиціоннаго Совѣта.

Начальники партійныхъ дружинъ часто мѣнялись. Первый представитель большевиковъ самъ сознался, что онъ полный профанъ въ техникѣ военнаго дѣла и незнакомъ съ системами оружія, и что онъ только потому взялся за это, что пока некому. Его преемникъ былъ лучше освѣдомленъ, хотя и элементарно, но умѣлъ ориентироваться въ техническихъ вопросахъ. Онъ былъ очень энергиченъ, но не проявлялъ иниціативы и строго придерживался инструкцій, которыя давались ему Моск. Комитетомъ с.-д. партіи.

Первый представитель меньшевиковъ былъ не на своемъ мѣстѣ, его потомъ замѣнили двое: одинъ изъ нихъ (началь-

никъ дружинъ) въ военномъ дѣлѣ весьма слабъ, свѣдѣнія его не выходятъ за предѣлы прейскурантовъ оруженныхъ магазиновъ, другой еще хуже въ этомъ отношеніи. Впослѣдстіи, если не ошибаемся, меньшевики пригласили начальника грузинской дружины для постановки технической стороны дѣла.

У с. р.-овъ одно время завѣдывалъ дружинами энергичный человѣкъ, но тоже мало освѣдомленный. Впрочемъ, въ общемъ соціалисты-революціонеры производили впечатлѣніе, что они давно къ этому готовились, были лучше соціалдемократовъ освѣдомлены и знали толкъ въ бомбахъ и оружіи.

Почти одновременно съ Коалиціоннымъ Совѣтомъ Дружинъ возникъ при одномъ интеллигентномъ союзѣ *„Комитетъ самообороны“*. Это учрежденіе явилось результатомъ страха обывателей передъ черносотенными погромами. Нѣкоторыя лица, не потерявшіе голову, рѣшили собраться съ цѣлью организоваться для отпора чернымъ сотнямъ, пригласили представителей союзовъ и отдѣльныхъ обывателей. Собирались и говорили много, но ограничились собираніемъ денегъ и передавали ихъ существующимъ дружинамъ. Деньги распредѣлялъ Коалиц. Совѣтъ. За все время своего существованія (съ 26 октября по 2 декабря) Комитетомъ Самообороны было собрано не больше 1000 руб. Изъ нихъ 386 р. переданы имъ Московскому Стачечному Комитету, 200 р. университетской дружинѣ, 400—500 р. были распредѣлены Коалиц. Совѣтомъ между партійными дружинами. Довольно большія суммы около 500—600 р. жертвователи не успѣли передать въ Комитетъ Самообороны, „за ненахожденіемъ“ его. Это было уже въ декабрьскіе дни. Была попытка у Комитета обратиться съ воззваніемъ къ обществу. Выработкѣ текста воззванія посвятили 5—6 засѣданій, но отпечатанное воззваніе лежало безъ движенія нѣсколько дней пока, наконецъ, не было конфисковано полиціей при обыскѣ 30 ноября.

Въ сборѣ пожертвованій на оружіе царилъ вообще большой безпорядокъ.

На районныхъ собраніяхъ дружинниковъ всегда говорилось, что главная цѣль районной организаціи дружинъ— охрана населенія отъ черныхъ сотенъ, но что, если кто по-

желаетъ, то эти же дружины могутъ дать кадры и для болѣе серьезныхъ выступленій. Но объ этомъ говорилось, какъ о болѣе или менѣе отдаленномъ будушемъ. Тѣмъ не менѣе часть дружинниковъ рвалась къ активнымъ дѣйствіямъ и помимо, а иногда и вопреки указаніямъ руководящихъ организацій и начальниковъ дружинъ, еще въ началѣ декабря, до забастовки, было нѣсколько случаевъ партизанскихъ нападеній на полицію. Приводимъ два газетныхъ сообщенія изъ полицейской хроники 5 декабря.

Вчера, 5. XII., около 4 ч. у. на углу Конюшковъ и Нижне-Прудовой ул. произошла уличная схватка. Небольшая толпа вооруженныхъ револьверами молодыхъ людей произвела нѣсколько выстрѣловъ. Въ результатѣ убитъ одинъ городовой, ранены два городовыхъ и два извозчика.

Третьяго дня, 5. XII, произведенъ рядъ нападеній на чиновъ полиціи, при чемъ на Верхне-Прудовой ул. выстрѣлами изъ револьверовъ убитъ городовой I уч. Прѣсн. ч. Иларіонъ Чельцовъ. Убивши городового, та же толпа неизвѣстныхъ напала на помощника пристава Богоявленскаго, проѣзжавшаго въ саняхъ легк. извозчика, кр. Николая Платонова. Три пули, пущенныя въ Богоявленскаго, попали въ спину извозчика. Толпа набросилась на Богоявленскаго и прикладами револьверовъ избила его до потери сознанія, причинивъ ему на головѣ 5 тяжскихъ ранъ. На Хитровской площади городовому Рязанову нанесена тяжкая рана въ лицо. Въ Псковскомъ переулкѣ городовому Якубчику прострѣлили ногу. Въ Проэктированномъ переулкѣ городовому Савкину нанесены три раны въ руку. У Новинскаго бульвара раненъ выстрѣлами изъ револьверовъ городовой Митюнинъ. У Зоологическаго сада городовому Богданову нанесена огнестрѣльная рана на вылетъ въ ногу. Пострадавшіе помѣщены въ больницу.

Здѣсь, конечно, безразлично зарегистрованы и случаи стычекъ дружинниковъ съ полиціей, и нападенія хулигановъ, которые сводили съ полиціей свои счеты.

Разоруженіе городовыхъ и нѣсколькихъ офицеровъ, имѣвшее мѣсто 7 и 8 декабря было сдѣлано дружинниками по собственному почину. Но это были единичные случаи: систематическое разоруженіе полиціи организованными дружинами, началось лишь съ вечера 9 декабря, послѣ постановленія объ этомъ Коалиц. Совѣта Дружинъ. Эти самочинныя партизанскія вылазки отдѣльныхъ дружинниковъ приводили къ конфликтамъ внутри дружинъ.

Весь день 8-го декабря дружины были заняты на заводскихъ митингахъ, а также охраняли общіе митинги, происходившіе въ Политехническомъ Музеѣ и въ „Акваріумѣ“ къ на-

чалу митинга въ „Акваріумѣ“ было стянуто туда около 250 дружинниковъ (с.-д., с. р. и типографскихъ).

9 декабря между 5 и 8 часами вечера происходило засѣданіе Коалиц. Совѣта. Явившіеся на собраніе находились еще подъ впечатлѣніемъ вчерашней осады митинга въ „Акваріумѣ“. Между прочимъ было сообщено, что минувшей ночью многіе дружинники, возвращаясь домой изъ „Акваріума“, озлобленные на полицію, разоружали городовыхъ. Такъ какъ было извѣстно, что полиція принимала насильственныя мѣры противъ забастовавшихъ рабочихъ, то рѣшено было полицію нѣсколько обезвредить, и кстати и попробовать на этомъ свои силы. Разоруженіе полиціи кромѣ того, давало въ руки оружіе, которое въ это время было очень трудно доставать. Предложеніе разоружать полицію исходило отъ партій. Представитель сводной „Вольной Районной“ дружины оставилъ за собой право переговорить съ начальниками отдѣльныхъ дружинъ, захотятъ ли районныя дружины принять участіе въ активныхъ выступленіяхъ.

Настроеніе въ Каолиціонномъ Совѣтѣ было такое, что когда рѣчь заходила объ активныхъ выступленіяхъ, или о вооруженномъ возстаніи, то почувствовалось, что говорится о чемъ то отдаленномъ. Напр., когда обсуждался вопросъ, не вооружить ли дружины берданками, то одинъ изъ членовъ сообщилъ, что со временемъ можно будетъ добыть тысячъ пять трехлинейныхъ берданокъ, а пока есть возможность привезти только 500 штукъ, „но вотъ, какъ бы не помѣшала этому всеобщая забастовка. Желѣзнодорожники обѣщаютъ, впрочемъ, послать за ними спеціальный поѣздъ“.

Говорили еще о томъ, что на дняхъ должно образоваться „Информаціонное Бюро“, куда должны были войти по 2 представителя отъ Сов. Раб. Деп., отъ ж. д. союза, а также отъ с.-д. и с.-р. партій. Бюро должно будетъ взять въ свои руки руководство возстаніемъ и выяснить подготовленность массы къ возстанію. На Коалиціоннымъ же Совѣтѣ лежало бы завѣдываніе исключительно военно-технической частью. Тутъ же начали было обсуждать какъ установить организаціонную связь между обоими учрежденіями, но затѣмъ выясненія этого вопроса было отложено, пока „Информаціонное Бюро“ не сформируется окончательно.

Было принято рѣшеніе относительно разоруженія городовыхъ и казачьихъ патрулей. При этомъ было строго приказано: драгунъ не жалѣть, пѣхоту же не трогать; казаковъ пока щадить, такъ какъ они, пока что, недурно себя держали по отношенію къ рабочимъ. Выработали также нѣкоторыя мѣры, чтобы разоруженіе сопровождалось наименовавшими жертвами съ обѣихъ сторонъ. Въ числѣ такихъ мѣръ было, между прочимъ, рекомендовано приближеніи къ городовымъ или патрулямъ кричать: „руки вверхъ!“ и затѣмъ отбирать оружіе. Убивать ихъ только въ томъ случаѣ, если они начнутъ стрѣлять въ дружинниковъ. Совѣтовали также засыпать глаза городовымъ какимъ либо безвреднымъ порошкомъ.

Въ началѣ 9-го часа вечера, когда уже всѣ разошлись, было сообщено, что домъ Фидлера окруженъ войсками, что тамъ происходятъ военныя засѣданія, и нельзя ли послать туда на выручку. Отвѣтили, что всѣ уже разошлись, и сегодня врядъ ли что удается сдѣлать.

Въ тотъ же вечеръ былъ произведенъ опросъ вольныхъ районныхъ дружинъ, согласны ли онѣ принять участіе въ активныхъ операціяхъ по разоруженію полиціи и патрулей. Многіе дружинники отказались въ этомъ участвовать, а нѣкоторыя дружины (Лазаревская и медвѣжья) совсѣмъ распустили себя. Представители районныхъ дружинъ опредѣленно говорили, что за это дѣло возьмутся отдѣльные охотники, цѣлыхъ же отрядовъ они выставить для этого не могутъ.

Съ этого вечера въ извѣстные часы начиналось правильное движеніе дружинниковъ по параллельнымъ улицамъ (чаще отъ окраинъ къ центру); они внезапно появлялись по нѣскольку человѣкъ въ назначенныхъ пунктахъ и разоружали городовыхъ. Дѣлалось это систематически, одинъ постъ за другимъ.

Интересно послѣднее засѣданіе Коалиц. Совѣта 10 декабря. Члены Совѣта съѣхались на это засѣданіе къ 12—12½ час. дня, когда на улицахъ Москвы во многихъ мѣстахъ спѣшно выздвигались баррикады и кое-гдѣ уже начались перестрѣлки. Дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями, испытанными по дорогѣ въ засѣданіи, всѣ констатировали, что дружины, какъ цѣльные отряды не выступали,

да и не могли еще выступать: отъ Коалиц. Совѣта Дружинъ не было дано приказа. Несомнѣно, что стрѣляютъ на улицахъ и участвуютъ въ постройкѣ баррикадъ отдѣльныя кучки дружинниковъ. Члены Совѣта спрашивали другъ друга: „Тамъ-то стрѣляли—это ваши дружинники?"—„Нѣтъ, не мои", отвѣчали начальники дружинъ, а одинъ изъ нихъ сообщилъ, что сейчасъ, направляясь на засѣданіе, онъ шелъ по Тверской, гдѣ толпа строила баррикады. „Работа велась безпорядочно, не было руководителей. Въ толпѣ спрашивали: „нѣтъ ли дружинниковъ?" Я вынулъ изъ кармана „сирену" и далъ сигналъ. Ко мнѣ сбѣжались всего четверо какихъ-то дружинниковъ, они вмѣстѣ со мной приняли участіе въ постройкѣ и мы, какъ умѣли, руководили работой".

Засѣданіе продолжалось до 4 час. дня, слѣдовательно, до этого времени не могло быть дано приказа о выступленіи дружинъ. Такимъ образомъ, если въ этотъ день отдѣльные дружинники и выступили, то помимо Коалиціоннаго Совѣта.

Было сообщено, что информаціонное бюро такъ и не состоялось. Возникъ вопросъ, какъ же теперь быть — дать ли дружиннамъ приказъ, или нѣтъ? Возникли горячія пренія по этому вопросу, много спорили также о томъ, строить или не строить баррикады, говорили даже о системахъ баррикадъ.

Прежде всего стали выяснять силы противника. Считали, что пѣхоты въ Москвѣ не болѣе 6.000 чел., но 3 гренадерскихъ полка (Екатеринославскій, Ростовскій и Перновскій) совсѣмъ ненадежны для правительства и можетъ быть цѣликомъ наши; саперы—тоже. Московскую артиллерію считали для правительства—негодной, если она и не перейдетъ на сторону народа. Объ остальныхъ войскахъ говорили такъ, что третья часть пѣхоты распропагандирована и оружія въ ходъ не пуститъ, „вѣрныхъ же своему долгу" 2.000 солдатъ едва хватитъ на охрану дворцовъ, арсеналовъ, генералъ-губернатора и высшихъ начальствующихъ лицъ. Выходило, такимъ образомъ, что правительство могло выдвинуть только привозную артиллерію, казаковъ, драгунъ (Сумскаго и Петербургскаго полковъ) и небольшую часть пѣхоты. Сторонники немедленнаго выступленія говорили, что съ кавалеріей то мы всегда справимся, разъ будутъ баррикады. Другіе возражали противъ такого оптимизма,

указывая на то, что въ Москву уже привезли егерскую артиллерію изъ Петербурга и драгунъ изъ Ржева, что Николаевская дорога не закрыта и возможенъ дальнѣйшій подвозъ войскъ.

Мнѣнія раздѣлились. Представители меньшевиковъ и с. р.-овъ произнесли горячія рѣчи, въ которыхъ высказались за немедленное выступленіе дружинъ. Соціалисты-революціонеры, указывая на фактъ постройки баррикадъ и на поведеніе толпы на улицахъ, говорили, что разъ массы сами выступили активно и по своему почину, то намъ грѣхъ оставлять ихъ безъ поддержки и руководства".

Представитель большевиковъ вообще былъ очень сдержанъ, говорилъ о неподготовленности массъ и организаціи, упорно воздерживался отъ подачи категорическаго мнѣнія и заявлялъ, что не имѣетъ отъ Комитета с.-д. партіи никакихъ распоряженій по этому поводу.

Представители „Вольной Районной" и „Университетской" дружинъ рѣшительно высказались противъ выступленія. Отказъ внѣпартійныхъ дружинъ произвелъ нѣсколько охлаждающее впечатлѣніе на меньшевиковъ.

Сторонники немедленнаго активнаго выступленія (слово „вооруженное возстаніе" не было еще опредѣленно въ этотъ день въ рѣчахъ ораторовъ) подчеркивали то обстоятельство, что „имѣется масса вооруженныхъ, помимо дружинниковъ, и наши силы значительно пополнятся: въ Москвѣ оружіе покупалось на расхватъ — и вотъ, вся эта масса оружія теперь на улицахъ". Слово „вооруженное возстаніе" еще не фигурировало" въ рѣчахъ ораторовъ, и лишь, и одинъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ выразился такъ: „Кто знаетъ—можетъ быть наступаетъ моментъ форменнаго вооруженнаго возстанія всего народа".

Ни къ чему опредѣленному не пришли, отложивъ окончательное рѣшеніе до засѣданія 11 декабря и разстались подъ такимъ впечатлѣніемъ, что каждый будетъ дѣйствовать самостоятельно. На прощанье меньшевики и с. р-ы заявили: „Мы выступаемъ. Надѣемся, что и васъ, товарищи, тамъ встрѣтимъ".

Расходясь въ 4 часа съ засѣданія, члены Коалиц. Совѣта своими глазами убѣдились, что уже вся Москва въ баррикахъ, и съ трудомъ добрались домой, а нѣкоторые—въ томъ

числѣ и тѣ, которые только что высказались противъ активнаго выступленія,—приняли участіе въ постройкѣ баррикадъ, захваченные общимъ настроеніемъ.

Такимъ образомъ, приходится сказать, что Коалиц. Совѣтъ не игралъ не только руководящей, но и никакой роли въ развитіи и направленіи уличной борьбы, которая шла черезъ его голову и помимо его участія.

Назначенное на другой день въ часъ дня засѣданіе Коалиц. Совѣта не состоялось — разновременно приходили трое; остальные изъ-за баррикадъ не могли добраться до сборнаго пункта. Съ тѣхъ поръ Совѣтъ не собирался. Иногда сходились его члены по нѣскольку человѣкъ и дѣлились свѣдѣніями. Было выяснено, что отдѣльныя мелкія дружины дѣйствуютъ на свой страхъ. Когда для всѣхъ стало ясно, что дальнѣйшая борьба безполезна, группа членовъ Коалиціоннаго Совѣта Дружинъ собралось и вечеромъ 16 декабря рѣшила, что надо прекратить борбу и очистить городъ, о чемъ и сообщить защитникамъ Прѣсни. Это рѣшеніе намѣревались привести въ исполненіе 17 декабря утромъ. Но было уже поздно: Прѣсню громили изъ орудій...

Выше были приведены данныя о численности боевыхъ дружинъ и ихъ организаціи. Въ настоящемъ очеркѣ имѣется въ виду дать понятіе о тактикѣ дружинниковъ и о нѣкоторыхъ личностяхъ, принимавшихъ участіе въ барикадной борьбѣ. По весьма понятнымъ причинамъ обо многомъ и о многихъ здѣсь приходится умалчивать.

Какъ уже достаточно ясно изъ описанія событій уличной борьбы, дружинники, какъ таковые, играли самостоятельную роль въ декабрьскихъ событіяхъ и въ своихъ дѣйствіяхъ расходились не только съ массами, но и съ намѣреніями и указаніями организацій. Во всѣхъ разсказахъ дружинниковъ нѣтъ и тѣни того, что они дѣйствовали съ массой и впереди массы. Всѣ ихъ донесенія совершенно опредѣленно рисуютъ картину партизанской войны. И такой характеръ борьбы получилъ санкцію въ листкѣ, выпущеномъ Боевой Организаціей при Моск. Комитетѣ Р. С.-Д. Р. П. и перепечатанномъ 11 декабря въ „Извѣстіяхъ“ С. Р. Д.—

Читатель уже изъ предыдущаго изложенія ознакомился съ партизанской тактикой дружинъ при столкновеніяхъ съ войсками. Вотъ еще нѣсколько фактовъ.

Ночью 10 декабря дружина, засѣвшая на стропилахъ конюшенъ Міусскаго парка, уложила перекрестнымъ огнемъ около 20 другунъ и заставила остальной отрядъ отступить. На другое утро ждали, что привезутъ артиллерію, но пушки провезти нельзя было: всюду баррикады, и весь районъ въ рукахъ революціонеровъ. Дружинники рѣшили, что драгуны побоятся ѣхать старой дорогой, и засѣли на Лѣсной, въ подвалѣ одного дома, а 2-хъ дружинниковъ, хорошихъ стрѣлковъ, послали на крышу. Тѣ засѣли за печной трубой и, когда показался отрядъ драгунъ, отрыли по немъ огонь. Драгуны немедленно отвѣчали убійственнымъ огнемъ — по крышѣ зданія. Въ это время стала стрѣлять въ подвалѣ дружина. Драгуны не выдержали и обратились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 6 убитыми.

Послѣ извѣстнаго сраженія на Каретной-Садовой съ войсками 11 декабря эта мѣстность была въ теченіе 4-хъ дней въ рукахъ дружинниковъ, которые держали себя совершенно открыто и поддерживали строгіе порядки. Между прочимъ они взяли на себя охрану имущества въ ресторанѣ „Волна“ и прогнали хулигановъ и охотниковъ до чужого добра. Въ ресторанѣ „Волна“ 11 декабря спрятались городовые и стрѣляли въ публику. Толпа разгромила ресторанъ камнями и выгнала оттуда городовыхъ. Въ отместку за предательскій растрѣлъ сожгли и будку городовыхъ, которая стояла тутъ же на Каретной площади. Семейство городового дня за два до этого выбралось въ безопасное мѣсто.

Штабъ дружины помѣщался на Каретной-Садовой, около баррикады, которая загораживала выходъ на площадь изъ Оружейнаго переулка.

Съ утра происходили ежедневныя мелкія перестрѣлки съ драгунами и конвойной командой. „Проснется дружинникъ часовъ въ 8, попьетъ чайку не спѣша, возьметъ винчестеръ и одинъ или вдвоемъ съ товарищемъ выходитъ на улицу и начинаетъ перестрѣлку съ солдатами“.

Въ главѣ VIII подробно описано сраженіе между войсками и 25 дружинниками на Міусской площади 14 декабря. Понадобилось нѣсколько ротъ пѣхоты и эскадроновъ кавалеріи, 3 орудія и 2 пулемета, которые цѣлыхъ пять часовъ подрядъ громили вагонный паркъ и жилые дома, чтобы выбить 13 дружинниковъ изъ двухэтажнаго зданія мастерскихъ

и отогнать другую дюжину дружинниковъ отъ плохенькой баррикады. Дружинники послѣ четырехчасовой перестрѣлки благополучно ушли. Часть ихъ отправилась по сосѣдству снимать полицейскихъ съ каланчи, а вечеромъ въ этотъ же день дружина сдѣлала нападеніе на участокъ въ Оружейномъ переулкѣ. Дружинники ушли, а войска занялись разстрѣломъ и поджогомъ окружающихъ Міусскую площадь жилыхъ домовъ и истребленіемъ мирныхъ жителей.

Вообще, этотъ районъ (Міуссы, Долгоруковская, Каретная-Садовая) былъ хорошо укрѣпленъ и держался дольше другихъ. Число дѣйствовавшихъ здѣсь дружинниковъ врядъ ли превышалъ 100 (Кушнаревцы, городскіе служащіе, габаевцы, сборная районная дружина и волонтеры).

Часть дружинниковъ съ Долгоруковской начала уходить на Прѣсню съ 14-го декабря (въ этотъ день была отозвана дружина с. д. меньшевиковъ), а 16 уже всѣ прекратили борьбу въ этомъ районѣ и ушли на Прѣсню, въ томъ числѣ 20 с. р.-овъ.

Бутырскій и городской районы тоже разоружились 15 декабря вечеромъ; 16-го утромъ разошлась дружина съ Бронной; часть ушла на Прѣсню.

Однимъ изъ послѣднихъ партизанскихъ предпріятій дружинниковъ въ районѣ Долгоруковской улицы было нападеніе на Сущевскую полицейскую часть. 15-го декабря въ 2 часа дня шесть дружинниковъ вооруженныхъ винчестерами, подошли къ части и начали стрѣлять въ окна. Тамъ сидѣли человѣкъ 60 городовыхъ съ винтовками, но внезапное нападеніе вызвало среди нихъ такой переполохъ, что они не дали серьезнаго отпора. Часа черезъ полтора послѣ того, какъ дружинники удалились, по Селезневской улицѣ привезли орудіе и начали обстрѣливать прилегающія улицы. Одинъ изъ снарядовъ залетѣлъ въ пивную на углу Лѣсного переулка и Долгоруковской. Цѣлый день обстрѣливали также ружейными залпами отъ пересыльной тюрьмы Долгоруковскую, Палиху и Лѣсную улицы.

Долго держался и районъ Бронныхъ. Тамъ дѣйствовало всего до 50 дружинниковъ: чел. 40 изъ университетской дружины, нѣсколько с.-д. и с. р. и дружинниковъ добровольцевъ.

Однажды дружинникамъ удалось завладѣть даже орудіемъ, хотя они и не сумѣли имъ даже воспользоваться. Дѣло было такъ. 12-го декабря за Прѣсненской заставой дружинники разсѣялись по дровянымъ складамъ и стали обстрѣливать артилтеристовъ, когда тѣ открыли огонь изъ орудія, установивъ его около Ваганькова кладбища. Повидимому хотѣли пушки провезти въ городъ черезъ Прѣсню, расчистивъ себѣ путь снарядами; но случилось однако нѣчто совсѣмъ неожиданное: когда орудійная прислуга вся выбыла изъ строя, перебитая или раненая дружинниками,—орудіе замолчало,—это вызвало панику среди охранявшихъ его драгунъ и они, преслѣдуемые огнемъ дружинниковъ, обратились въ бѣгство, оставивъ пушки на произволъ судьбы. Нѣсколько дружинниковъ вышли изъ засады и съ четверть часа возились около пушки, не зная, что съ ней дѣлать. Потомъ прискакалъ сильный отрядъ драгунъ и казаковъ и увезъ орудіе обратно на Ходынку.

Очевидецъ разсказываетъ, какъ на Кудринской-Садовой попалъ въ засаду небольшой драгунскій отрядъ съ офицеромъ.

„Входимъ въ полосу баррикадъ. У рѣшетки садика стоятъ трое съ маузерами. „Что такое?“ спрашиваемъ.—„Тсс!“... Оглядываюсь—надо мной морда лошади. Я прижался къ забору. Изъ воротъ тихонько выѣзжаютъ 10 драгунъ съ офицеромъ и, повернувъ направо, гуськомъ направились къ „Акваріуму“ около баррикадъ. Дружинники куда-то исчезли. Когда драгуны скрылись изъ виду, мы вышли на Кудринскую площадь и видимъ, что строятъ баррикаду при выходѣ Никитской на площадь. Вдругъ на Садовой—сзади насъ послышалась частая перестрѣлка, затѣмъ сразу все стихло. Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за баррикадъ на Садовой выскочилъ драгунъ верхомъ, промчался мимо насъ, какъ сумасшедшій, и ускакалъ по Б. Никитской. Оказалось, что драгуны хотѣли устроить засаду, но дружинники ихъ выслѣдили и перебили всѣхъ, кромѣ одного. Это было 11-го декабря“.

Кромѣ партизанскихъ стычекъ съ войсками, дружинники старались очищать мѣстность отъ провокаторовъ и переодѣтыхъ полицейскихъ, забиравшихся въ дома и оттуда стрѣлявшихъ въ публику. Вотъ что разсказываетъ, напри-

мѣръ, докторъ санитарнаго отряда. Разсказъ относится къ 11 декабря.

„Подходимъ по Садовой къ Ермолаевской церкви. Откуда-то (мы никакъ не могли опредѣлить, откуда именно) раздается безпорядочная стрѣльба около насъ. Изъ церкви выходитъ публика. На нашихъ глазахъ падаетъ раненый мальчикъ, рядомъ съ нимъ рабочій, раненый въ ногу. Женщинѣ (прислугѣ) прострѣлили животъ, а какому-то 60-лѣтнему старику пуля раздробило колѣно. Перевязавъ всѣхъ этихъ раненыхъ, мы повернули въ Ермолаевскій пер. У воротъ дома стоятъ два дружинника съ маузерами въ рукахъ и смотрятъ на колокольню. Подходимъ къ нимъ, спрашиваемъ, въ чемъ дѣло. „Да вотъ, провокатора подстерегаемъ: забрался на колокольню и стрѣляетъ, мерзавецъ, во всѣхъ проходящихъ. Хотимъ его снять оттуда“. Мы пріостановились и стали ждать, что будетъ. Проходитъ нѣсколько минутъ. Въ концѣ переулка показывается пѣшеходъ. Изъ окна колокольни высовывается какая-то фигура и, свѣсившись черезъ перила, цѣлится изъ винтовки въ пѣшехода. Дружинники даютъ по нему два выстрѣла, онъ падаетъ навзничь. Они бѣгутъ на колокольню и минутъ черезъ пять вытаскиваютъ на улицу трупъ убитаго провокатора. „Теперь больше не будетъ“, говорятъ они съ довольными лицами.

Очевидецъ-врачъ расказываетъ про другой случай расправы съ переодѣтымъ полицейскимъ. „11 декабря въ одинъ домъ на Долгоруковской улицѣ забрался околодочный надзиратель и двое городовыхъ съ цѣлью устроить засаду. Однако ихъ дружинники выслѣдили. Они замѣтили это и притаились. Дружинники стали ихъ подстерегать. Одинъ дружинникъ съ маузеромъ (безъ приклада) простоялъ цѣлыхъ 2 часа у воротъ, не шевелясь. Меня поразила эта выдержка. Наконецъ, изъ калитки осторожно высунулся городовой съ револьверомъ въ рукахъ, одѣтый въ тулупъ. Дружинникъ моментально выстрѣлилъ ему въ спину въ упоръ сверху. Раненаго городового мы отправили въ лазаретъ и положили рядомъ со своими“.

Дружинники подвергали обстрѣлу и обозы съ провіантомъ для солдатъ, такъ что начиная съ 10 декабря обозы передвигались не иначе, какъ подъ сильнымъ канвоемъ конныхъ или пѣшихъ солдатъ.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, почему дружинники были такъ неуловимы, разскажемъ похожденія двухъ дружинъ: грузинской и другой, которую не называемъ.

Грузинская дружина изъ 24 человѣкъ 11 декабря прошла весь Арбатъ. Шли попарно, пальто на распашку. Не доходя Смоленскаго рынка стояла большая толпа народа. Она дала дорогу дружинникамъ и предупредила ихъ, что сюда ѣдутъ 16 драгунъ съ офицеромъ. Дружина выстроилась въ боевомъ порядкѣ и взяла маузеры на изготовку. Едва показался драгунскій разъѣздъ, дружина дала залпъ. Офицеръ свалился раненый, переднія лошади, раненыя, взвились на дыбы и мѣшали всадникамъ стрѣлять. Задніе ряды драгунъ тоже не могли стрѣлять изъ за лошадей, загородившихъ отъ нихъ дружинниковъ. Дружина успѣла выпустить до 100 выстрѣловъ. Въ концѣ концовъ драгуны, потерявъ еще нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, обратились въ безпорядочное бѣгство.

— „Ну, теперь уходите поскорѣй“, говорила толпа дружинникамъ: „сейчасъ привезутъ орудіе“.

Дѣйствительно, вскорѣ привезли орудіе и поставили на перекресткѣ Арбата и Смоленскаго рынка. Толпа продолжала оставаться на прежнемъ мѣстѣ, никакъ не думая, что въ нее станутъ палить изъ пушки. Когда же раздался грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ и масса убитыхъ и раненыхъ упали, подкошенные шрапнелью, толпа бросилась вразсыпную.—Дружинники же выбрались переулками къ Никитскимъ воротамъ, гдѣ опять вступили въ перестрѣлку, но менѣе удачно: одинъ дружинникъ былъ раненъ.

14 декабря утромъ грузинская дружина, съ огромнымъ трудомъ, дальними обходами, пробралась въ Сокольники къ саперамъ и убѣдила ихъ отправить къ начальству, въ Спасскія казармы, делегатовъ съ требованіями. Они разсчитывали, что делегатовъ арестуютъ, и тогда можно будетъ поднять саперъ и итти въ Спасскія казармы поднимать пѣхотныхъ солдатъ. Разсчетъ не удался: начальство обласкало делегатовъ и обѣщало удовлетворить всѣ требованія. Дружинѣ оставалось только вернуться во-свояси. Но, такъ какъ въ это время на улицахъ уже обыскивали и отбирали оружіе, и выбраться назадъ не было никакой возможности, то дружинники сложили свои 24 маузера и нѣсколько браунинговъ

и кинжаловъ въ мѣшокъ и рѣшили отправить оружіе на извозчикѣ, а самимъ итти порожнемъ. Отвезти оружіе взялась одна интеллигентная дѣвушка.

На Каланчевской площади ее остановилъ патруль и сталъ обыскивать. Она устроила истерику, солдаты растерялись и поскорѣе усадили ее на извозчика, забывъ обыскать сани. Такимъ образомъ ей удалось благополучно провезти оружіе.

Другая летучая дружина, состоявшая изъ 35 человѣкъ (изъ нихъ двѣ женщины), вооружена была 14 маузерами, 18 браунингами, двумя смитами и однимъ бульдогомъ. Она дѣйствовала 5 дней подрядъ, и никто изъ ея состава ни убитъ, ни раненъ не былъ. Она переходила изъ одного района въ другой; нападала на участокъ въ Оружейномъ переулкѣ, имѣла нѣсколько перестрѣлокъ съ драгунами на Б. Царицинской около клиникъ, ходила въ Рогожскій районъ, гдѣ чуть не попала цѣликомъ въ плѣнъ къ солдатамъ.

Это было числа 11 декабря. Часа въ три ночи дружина пробиралась на ночлегъ. Брели отдѣльными кучками. Въ темнотѣ заблудились. Вдругъ передъ ними встала высокая стѣна Таганской тюрьмы. Обогнувъ уголъ стѣны, они натолкнулись на полицейскій кордонъ. Столкновеніе съ полиціей было бы опасно, такъ какъ въ глубинѣ переулка виднѣлся взводъ пѣхоты. Но отступать или бѣжать также было поздно. Дружинники перешли на другой тротуаръ и направились прямо къ солдатамъ. „Кто идетъ?“ крикнули солдаты и взяли ружья на перевѣсъ. „Мы съ митинга“ заявилъ передній. Солдаты вскинули ружья на плечо, пропустили всѣхъ впередъ и, хотя полицейскіе издали кричали: „Надо ихъ обыскать!“ — солдаты, не тронувъ ихъ, проводили до Таганской площади и вернулись на свой постъ.

Эти летучія дружины могли давать серьезный отпоръ драгунамъ и казакамъ. Является такая дружина въ какой-нибудь районъ и послѣ 2—3 стычекъ съ войсками и полиціей удаляется въ другой районъ. Впечатлѣніе отъ ея посѣщенія однако остается: драгуны и даже пѣхота не рѣшаются далеко заходить, стрѣляютъ издали. Имъ отвѣчаютъ малочисленные мѣстные дружинники, поддерживая иллюзію, что здѣсь прочно засѣла большая и хорошо вооруженная дружина: такъ, напр. послѣ ухода большой дружины на бар-

рикадахъ около клиникъ остались мѣстныя дружины: 15 ч. гивартовскихъ, 6 съ виннаго склада и 10 студентовъ.

Къ организованнымъ дружинникамъ приставали волонтеры. Это были большею частью интеллигенты. Были случаи когда приходили переодѣтые вольноопредѣляющіеся и отставные офицеры съ винтовками и винчестерами. На фабрикахъ приставали волонтеры изъ рабочихъ, хорошо вооруженные, большею частью маузерами. Во время сраженій съ войсками волонтеры безпрекословно подчинялись начальнику дружины, но уходили, когда считали это нужнымъ, часто внезапно и безъ предупрежденія.

Въ качествѣ не организованныхъ дружинниковъ дѣйствовали въ Москвѣ 4 черногорца. Всѣ они прекрасные стрѣлки отлично вооружены. Они совершали чудеса храбрости и истребляли исключительно полицію и офицеровъ. Они все время дѣйствовали своимъ маленькимъ отрядомъ; двое изъ нихъ были убиты; одинъ раненъ, у одного отняли венчестеръ. Этому четвертыму дружинники опять дали винтовку и онъ каждый день приходилъ въ штабъ за патронами. Ему давали на день 50 патроновъ. Онъ огорчался, что мало. Онъ „работалъ“ еще нѣсколько дней одинъ послѣ гибели своихъ товарищей и былъ въ какомъ-то экстазѣ, постоянно плакалъ — теперь онъ сражался не только за свободу, но и мстилъ за своихъ братьевъ.

Вообще въ Москвѣ были пріѣзжіе дружинники.

Вотъ, напримѣръ, одинъ. Онъ—рабочій одного изъ южныхъ заводовъ, с.-д; участвовалъ въ ноябрѣ уже въ нѣсколькихъ возстаніяхъ, побывалъ въ Ѳеодосіи, на „Очаковѣ“, въ Харьковѣ. Онъ никагда не разстается съ винтовкой. „—Я люблю свой венчестеръ, какъ женщину,“ говорилъ онъ.

Когда ему нужно было скрыться изъ Москвы, онъ и тутъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ винчестеромъ. Товарищамъ стало большихъ трудовъ убѣдить его оставить винтовку.

Вотъ другой типъ дружинника. Онъ изъ народа, молодой. У него давно возникли духовные запросы. Началъ онъ съ критики церковныхъ порядковъ. Потомъ общеніе съ книгой и интеллигентными людьми расширило его кругозоръ и направило его мысль на вопросы соціальные, а съ годъ назадъ въ немъ произошелъ рѣзкій поворотъ въ сторону полити-

ческаго радикализма. Онъ былъ книгоношей, былъ веселый малый, постоянно кругомъ сыпалъ шутками и прибаутками. Наканунѣ забастовки онъ явился къ знакомымъ и попросилъ ружье. Онъ огорчался что ему сразу не могли его добыть. Наконецъ, его направили въ штабъ. Онъ оттуда вернулся сіяющій: получилъ винчестеръ и 50 патроновъ. Онъ попрощался съ товарищами, перекрестился и убѣжалъ на баррикады. Судьба его неизвѣстна.

Разскажемъ еще объ одномъ случайномъ борцѣ въ декабрьскіе дни.

Студентъ юрьевскаго университета, грузинъ Кабахидзе, случайно проѣзжалъ черезъ Москву 16-го декабря. Онъ ночевалъ какъ разъ на Прѣснѣ. Оружія у него не было. Спасаясь отъ выстрѣловъ наступавшихъ Семеновцевъ, онъ вбѣжалъ въ домъ, гдѣ сидѣла дружина человѣкъ въ 12. Семеновцы окружили домъ и принялись его обстрѣливать. Съ минуты на минуту можно было ожидать, что солдаты пойдутъ на приступъ. Отступать было некуда, оставалось одно—пробиваться. Кабахидзе предложилъ это сдѣлать, но дружинники отказывались. Тогда онъ вырвалъ у одного изъ нихъ наганъ и бросился одинъ на улицу: онъ вышибъ оконную раму, спрыгнулъ на снѣгъ и ринулся на Семеновцевъ. За нимъ выскочили только два дружинника. Кабахидзе выпустилъ всѣ семь зарядовъ. Пять или шесть солдатъ повалились одинъ за другимъ. Двоимъ Семеновцамъ онъ ударомъ револьвера раскроилъ черепъ. Наконецъ, пронизанный пулями и исколотый штыками, онъ упалъ мертвый. Какой-то Семеновецъ ударилъ его, уже лежащаго, прикладомъ по головѣ.

Семеновцы говорили потомъ одному, приходившему опознавать трупы, указывая на громадную плечистую фигуру мертваго студента: — Вотъ этотъ одинъ уложилъ нашихъ шесть человѣкъ.

XI.

Санитарные отряды и жертвы:

Черносотенное движеніе октябрьскихъ дней вызвало къ жизни цѣлую сѣть санитарныхъ отрядовъ, обслуживавшихъ наиболѣе угрожаемые районы. Отряды эти состояли исключительно изъ учащейся молодежи и добровольцевъ-врачей. Каждый отрядъ имѣлъ свой пунктъ, часто довольно недурно оборудованный, гдѣ раненые или оставались до излеченія, или же по оказаніи первоначальной помощи, отправлялись въ больницы. Санитарные отряды октябрьскихъ дней возникли сами собой и не имѣли никакой центральной организаціи, такъ какъ инициатива ихъ принадлежала отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, и внезапность событій заставила наскоро организоваться. Все это тѣмъ не менѣе не помѣшало отрядамъ блестяще выполнять свое назначеніе, благодаря самоотверженности составлявшаго ихъ персонала.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, когда со дня на день ожидались событія, бюро „союза медицинскаго персонала“ рѣшило заблаговременно создать „планомѣрную“ организацію медицинской помощи жертвамъ уличныхъ столкновеній. Комиссіей бюро былъ выработанъ планъ порайонной организаціи, при чемъ центрами намѣчались больницы. Городъ, такимъ образомъ, разбился на участки по мѣсту положенія больницъ. На обязанности каждой больницы лежало организовать персоналъ санитарныхъ отрядовъ для своего района и позаботиться снабженіемъ отряда необходимымъ матеріаломъ.

Планъ порайонной организаціи съ центромъ у больницъ не выдерживалъ критики: 1) потому что, такимъ образомъ,

оставались цѣлые районы, удаленные отъ больницъ, гдѣ больничные отряды физически не могли бы быть полезными; 2) потому что кровавыя стычки часто происходили именно въ районахъ, отрѣзанныхъ баррикадами отъ центра и приходилось отводить или просто на рукахъ относить раненыхъ не въ намѣченную больницу, а въ самую ближайшую лечебницу, даже частную, къ которой оказывалось легче проникнуть въ данный моментъ. Изъ опроса делегатовъ отъ больницъ 5 декабря выяснилось, что подавляющее большинство больницъ не можетъ взять на себя организацію отрядовъ; что больницы вообще переполнены и что только нѣкоторыя могутъ предоставить раненымъ лишь небольшой процентъ свободныхъ мѣстъ; что каретъ для перевозки раненыхъ очень мало и что опять таки лишь двѣ-три больницы могутъ дать карету. Собраніе постановило дискреціонно предложить больницамъ принять всѣ мѣры для помѣщенія неограниченнаго числа раненыхъ.

Самый же существенный недостатокъ проэкта порайонной организаціи заключался въ централизаціи, что на дѣлѣ показали сами событія: сформированный подъ санкціей бюро каждый санитарный отрядъ подчинялся распоряженіямъ бюро; являясь въ полномъ составѣ въ помѣщеніе губернской земской управы съ утра, отрядъ получалъ указанія, куда отправиться, и дежурилъ въ назначенныхъ мѣстахъ, напр. на Красной площади (6-го декабря) на митингахъ и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по свѣдѣніямъ Бюро предполагались событія—и слѣдовательно потребность въ медицинской помощи. Съ 6-го до 9-го такой образъ дѣйствій еще могъ имѣть мѣсто, потому что бюро легко получало отъ добровольцевъ развѣдчиковъ (изъ числа сочувствующей интеллигенціи) всѣ свѣдѣнія о разныхъ митингахъ, собраніяхъ и проч. Но съ 9-го, когда городъ покрылся сѣтью баррикадъ, каждому отряду, составленному изъ лицъ, живущихъ часто на разныхъ концахъ Москвы, приходилось съ опастностью для жизни пробираться раньше въ зданіе Управы, а затѣмъ—уже въ мѣсто, указанное тамъ. И часто бывало такъ, что отрядъ тратилъ 2—3 часа, чтобы добраться по окружающимъ Садовую переулкамъ—въ Управу, въ то время, какъ у него была работа тутъ же подъ рукою, на мѣстѣ. Приэтомъ бюро съ началомъ военныхъ дѣйствій перестало исполнять функцію

центральной справочной станціи, свѣдѣнія получаемыя имъ были случайны и отрывочны. Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и „военные совѣты“ дружинниковъ не давали и не могли давать въ Бюро свѣдѣній о планѣ своихъ дѣйствій, и съ теченіемъ событій санкція Бюро осталось только формой, лишенной вліянія, и роль Бюро свелась къ регистраціи пострадавшихъ. Насколько полной могла быть регистрація при такихъ данныхъ,—конечно, вопросъ, но несомнѣнно извѣстно, что Бюро не получало очень часто свѣдѣній о раненыхъ и убитыхъ, подобранныхъ частными отрядами и лицами. Кромѣ того, когда 8-го декабря вечеромъ персоналъ санитарныхъ отрядовъ, уже увидѣвши недостатки организаціи, потребовалъ участія въ совѣтѣ Бюро, и когда Бюро принуждено было выслушать мнѣнія своихъ сотрудниковъ, оно согласилось съ сдѣланнымъ предложеніемъ улучшить развѣдочную часть и для этой цѣли обратиться непосредственно въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ съ просьбой давать заранѣе свѣдѣнія о предполагаемыхъ мѣстахъ событій.

Обратимся теперь къ дѣятельности санитарныхъ отрядовъ.

6-го декабря утромъ ожидалось черносотенное избіеніе интеллигенціи, по слухамъ провоцируемое Грингмутомъ и К°. Мѣстомъ событій предполагалась Красная площадь, гдѣ назначено было молебствіе. Поэтому на площадь съ 10 час. утра было отправлено 10 санитарныхъ отрядовъ изъ Бюро. Уже на площади они узнали, что во всѣхъ безъ исключенія смежныхъ переулкахъ и улицахъ дежурила масса интеллигенціи съ той же самой цѣлью. Это были другіе отряды, не подчиненные Бюро медицинскаго Союза, среди которыхъ 10 отрядовъ Бюро представляли только слабое меньшинство. Для участниковъ было ясно, что Бюро не представляется центромъ медицинской помощи, что общественная помощь организуется независимо и самостоятельно.

Трудно сказать, сколько именно санитарныхъ отрядовъ работало въ Москвѣ во время декабрьскихъ дней; во всякомъ случаѣ—очень много. Бюро же имѣло во все время событій не болѣе 14 отрядовъ, изъ числа которыхъ нѣсколько отрядовъ очень скоро отпало и взялось за работу самостоятельно на мѣстахъ, ближайшихъ къ квартирамъ персонала. Каждый отрядъ обыкновенно составлялся изъ врача, трехъ-

четырехъ санитаровъ, одной фельдшерицы и нѣсколькихъ сестеръ милосердія. Желаніе участвовать въ отрядахъ было громадное; бюро буквально осаждалось учащейся молодежью, жаждавшей хоть крупицу своихъ усилій принести въ пользу общаго дѣла. Бюро многимъ отказывало; нельзя одобрить этого образа дѣйствій: люди предлагали подъ пулями помогать раненымъ и каждый такой человѣкъ уже стоитъ довѣрія. Каковы бы ни были мотивы этой тактики, она расхолаживала и оскорбляла людей—и молодежъ уходила изъ Бюро, собирала свой отрядъ, находила знакомаго врача и —самостоятельно выходила на улицу дежурить въ ожиданіи, что ея силы и помощь понадобятся. Надо пояснить, что отъ Бюро санитарному отряду давался т о л ь к о билетъ (на случай ареста) и—маленькій пакетъ съ перевязочнымъ матеріаломъ; врачу же вручали деньги на извозчиковъ для раненыхъ; но денегъ, несмотря на воззванія Бюро, было пожертвовано за все время только 20 рублей и весь персоналъ отрядовъ расходы по перевозкѣ раненыхъ взялъ на себя.

14—15 отрядовъ для Москвы, конечно, мало и раненые были бы совершенно безпомощными, если бы городъ обслуживался только организаціей Бюро. И, надо сказать, эта организація не пользовалась популярностью у массъ: о ней сложилось представленіе, какъ о либерально-чиновничьемъ учрежденіи. Многіе рабочіе, желавшіе помогать раненымъ охотно записывались въ частные отряды и совершенно отказались участвовать въ „земскихъ“ отрядахъ, мотивируя отказъ именно нежеланіемъ подчиняться унизительной процедурѣ опроса, предшествующей записи въ отрядѣ. Бюрократическій оттѣнокъ Бюро сдѣлалъ то, что жизненная сила всякой организаціи—общественно участіе—ушли изъ него, и, какъ только начались событія, на сцену выступила естественная организація—само общество; у каждаго угла и перекрестка въ мѣстахъ событій дежурили отряды; чуть не въ каждомъ дворѣ были приготовлены мѣста для раненыхъ; въ районѣ на Садовой-Долгоруковской, Арбата буквально во всѣхъ дворахъ готовили носилки, перевязочный метеріалъ и т. п. и когда Совѣтъ Раб. Депутатовъ предписалъ открыть ворота, а полиція запретила открывать,— ворота были только притворены во многихъ домахъ и внутри у воротъ дежурили для оказанія помощи. Кажется только

въ одномъ районѣ Замоскворѣчья—ворота были заперты и помощь раненымъ не оказывалась, но тамъ и не было особенной нужды въ этомъ.

Общество доказало свое сочувствіе. Самоотверженіе персонала отрядовъ было прямо трогательно: сплошь и рядомъ во время жестокаго обстрѣла два встрѣтившіеся отряда препирались, добиваясь чести оказать помощь раненому. Въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ позиція оставалась за дружинниками, не было ни одного раненаго, оставшагося безъ помощи. Въ позиціяхъ же, занятыхъ войсками, медицинская помощь—была крайне опасной для персонала, приходилось подбирать раненыхъ подъ огнемъ—а съ 10—11 числа санитаровъ начали умышленно звѣрски разстрѣливать, въ особенности послѣ знаменитаго Дубасовскаго манифеста, которымъ санитарные отряды объявлялись внѣ закона. Имъ была объявлена такая же участь, какъ и вооруженнымъ дружинникамъ, а раненые должны были якобы подбираться только казеннымъ краснымъ крестомъ. Въ такихъ районахъ, гдѣ царили усмирители, находили на другой день людей замерзшихъ въ лужѣ крови. Они очевидно были никѣмъ не подобраны, и раненый былъ обреченъ на мученическую смерть безъ всякой помощи. Такова была казенная точка зрѣнія.

„Усмирители“ приписывали санитарнымъ отрядамъ активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но это—наглая ложь, ложь слишкомъ очевидная. Въ самомъ началѣ событій, именно 8-го декабря, на совѣщаніи бюро и персонала отрядовъ, когда однимъ изъ членовъ организацій было предложено вооружить лицъ санитарныхъ отрядовъ для защиты раненыхъ отъ предлагаемыхъ нападеній черной сотни, наблюдавшихся въ октябрѣ, собраніе категорически отклонило мысль о вооруженіи, чтобы не дать повода усмирителямъ трактовать санитаровъ, какъ боевыя силы. И это постановленіе свято соблюдалось всѣми отрядами, тѣмъ болѣе что искусственно провоцируемая полиціей черная сотня совершенно исчезла,—а защищаться револьверомъ противъ винтовокъ и шрапнели, очевидно было безполезно. Роль палачей вмѣсто черной сотни исполнили „доблестныя“ войска. Характерно что до появленія дубасовскаго манифеста, когда стало ясно, что черной сотни нѣтъ, санитарные отряды считали себя неприкосновенными и безопасными. Са-

нитарныя организаціи смѣло надѣли повязки краснаго креста, потому что, молъ, солдаты краснаго креста не тронутъ. И въ первый вечеръ 9-го декабря, дѣйствительно, когда войска обстрѣливали баррикады по углу Садовой и Тверской, нѣсколько санитарныхъ отрядовъ тутъ же возлѣ солдатъ выкинувъ флаги краснаго Креста подбирали раненыхъ, и когда цѣпь солдатъ подошла и окликнула, ей отвѣчали: „Красный крестъ," и—солдаты молча прошли мимо, никого не трогая. Публика на улицѣ во время обстрѣла умоляла позволить стать у флага, потому опять-таки, что въ „санитаровъ не стрѣляютъ." И первый день не стрѣляли Даже 10-го, когда уже гремѣла артиллерія, еще можно было съ повязкой краснаго креста безъ боязни итти навстрѣчу солдатамъ и тамъ, гдѣ кучка изъ двухъ—трехъ уже вызывала обстрѣлъ,—десятокъ санитаровъ проходилъ безъ обстрѣла, только вызывалъ вопросъ: „вы кто?" — „Санитары" — „почему васъ такъ много?" — и больше ничего.

Очевидно, сами войска считали, что санитары неприкосновенны. Только адмиралъ Дубасовъ нашелъ, что международные и общечеловѣческіе законы излишни тамъ, гдѣ дѣйствуетъ его усмотрѣніе. Это сухопутно-адмиральское усмотрѣніе допустило прямыя убійства врачей, оказывавшихъ помощь. Извѣстно убійство приставомъ Ермоловымъ доктора Воробьева—самоотверженно весь день помогавшаго раненымъ.

Той же дубасовской морали обязана Москва и за многое другое: докторъ, по жестокой ироніи судьбы носившій фамилію своего убійцы Дубасовъ убитъ солдатами въ тотъ моментъ, когда онъ, наклонившись надъ раненымъ, началъ дѣлать ему перевязку; пуля попала въ ротъ — и самоотверженный мирный человѣкъ былъ убитъ на повалъ за то, что рванулся поднять упавшаго подлѣ него человѣка.

Приведемъ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о количествѣ жертвъ въ декабрьскіе дни.

По даннымъ Бюро Медицинскаго Союза, полученнымъ изъ 47 лѣчебницъ, всего зарегистровано убитыхъ и умершихъ отъ ранъ 1059 человѣкъ.

Изъ нихъ раненыхъ 885, а остальные 174—убитые и умершіе отъ ранъ. При этомъ нужно замѣтить, что уби-

тыхъ въ лѣчебницы не принимали и лишь незначительное количество ихъ находилось въ часовняхъ при лѣчебницахъ. Приблизительную цифру общаго числа жертвъ можно составить только получивъ свѣдѣнія о количествѣ убитыхъ, перебывавшихъ въ полицейскихъ участкахъ. Въ настоящее время Бюро занято этой работой и вскорѣ получится возможность опубликовать эти данныя и подвести итоги.

Какъ сообщаютъ „Рус. Вѣд", по свѣдѣніямъ Московскихъ кладбищъ; какъ православныхъ, такъ и иновѣрческихъ, всего погребено на кладбищахъ 454 человѣка обоего пола и всѣхъ возрастовъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Въ это число не входятъ пострадавшіе въ окрестностяхъ Москвы, погребенные на кладбищахъ въ уѣздѣ.

По свѣдѣніямъ „Вечерней Почты", взятымъ изъ Бюро Медицинскаго Союза, это общее число (1059) жертвъ распредѣляется такимъ образомъ.

По полу: мужчинъ . . . . . 922.
„ „ женщинъ . . . . . 137.

По сословію и классу это количество разпредѣляется такъ. Мужчины:

Крестьяне, мѣщане, рабочіе, ремесленники и служащіе	705 ч
Студенты и учащіеся	21 „
Чиновники	23 „
Купцы	17 „
Врачи	5 „
Присяжные повѣренные	2 „
Инженеръ	1 „
Литераторъ	1 „
Дьяконъ	1 „
Артистъ	1 „
Неизвѣстнаго званія	11 „
	788

Число убитыхъ во славу самодержавія дѣтей исчисляется цифрою—86, въ числѣ ихъ были грудные младенцы, двухъ и трехъ лѣтніе, но большинство (78) въ томъ возрастѣ, который не можетъ не быть на улицѣ, когда тамъ происходитъ

такое-либо волненіе—мы имѣемъ въ виду возрастъ отъ о до 15 лѣтъ. Пострадавшія женщины распредѣлились акъ:

Дѣвочекъ до 15 лѣтъ.	11.
Прислуги, крестьянки, мѣщанки, работн. и пр.	122.
женщины врачи	3.
Учительница	1.
	137.

Здѣсь приведены жертвы со стороны мирнаго населенія, въ большинствѣ случаевъ непринимавшаго никакого частія въ борьбѣ. „Русскія Вѣд.“ передаютъ, что среди аходившихся въ больницахъ раненыхъ были главнымъ образомъ лица, непринимавшія никаго участія въ безпорядкахъ, проходившія по улицамъ по своимъ дѣламъ или раненыя ъ домахъ.

Такое же впечатлѣніе вынесъ врачъ при опросѣ раненыхъ въ Шереметьевской больницѣ.

Что касается дружинниковъ, то вообще ихъ было убито чень мало. Всего убитыхъ изъ ихъ числа зарегистрировано 2 мужчинъ и женщинъ, а также 1 агитаторъ. Раненыхъ ружинниковъ, во избѣжаніе полицейскаго преслѣдованія, быкновенно не выдѣляли изъ числа другихъ пострадавшихъ.

Этими же лѣчебницами зарегистрированы пострадавшіе о стороны „усмирителей“:

Солдатъ	18.
Полицейскихъ	10.
Офицеровъ..	5.
Жандармовъ	2.
	35.

Приводя всѣ эти данныя, мы имѣли въ виду дать представленіе о характерѣ жертвъ московской бойни. О точномъ количествѣ ихъ вѣдаютъ лишь авторы декабрьскихъ жасовъ. Большая часть жертвъ попала имъ въ руки, и ни не сочли для себя выгоднымъ повѣдать міру о ихъ чиленности.

Медицинскій Союзъ зарегистрировалъ всего 174 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, тогда какъ на московскихъ кладбищахъ число могилъ увеличилось на 454, слѣдовательно число зарегистрованныхъ жертвъ равняется 38%.

Кромѣ того московскія кладбища дали пріютъ лишь части жертвъ: по желѣзнымъ дорогамъ трупы убитыхъ вывозились вагонами.

Такимъ образомъ можно съ увѣренностью сказать, что правительству всероссійской провокаціи удалось вырвать изъ среды столицы не менѣе 1000 жителей и создать столько же калѣкъ, которые долго будутъ служить живымъ свидѣтельствомъ о томъ, во сколько бочекъ крови обошлась рускому народу каждый изъ крестовъ и прочихъ знаковъ отличій, которые получили Мины, Риманы и ихъ достойные помощники Этберы, Кмироты, Зыковы и Агламовы. *).

Народъ не сможетъ забыть эти ужасныя раны разрывными пулями; эти оторванныя шрапнелью ноги, руки, головы, этихъ дѣтей, у которыхъ осколками снаряда вырвало животъ; этихъ матерей, пронизанныхъ пулями, вмѣстѣ съ грудными дѣтьми на рукахъ. Раны были ужасныя, вопіющія. Въ участкахъ, гдѣ сваливали убитыхъ, и куда съ трудомъ проникали родные, отыскивая близкихъ, были страшные трупы: безъ головъ, съ оторванными конечностями, сожженные, изрубленные шашками и среди нихъ дѣти, дѣти...

Какое же дѣйствіе на поселеніе производили всѣ эти ужасы: не страхъ, а негодованіе и страстное и дѣятельное сочувствіе къ жертвамъ рождали они: Населеніе сдѣлало все, что могло: оно рискуя попасть и попадая подъ пули, оказывало помощь, перевязывало, везло въ больницы, въ частныя лѣчебницы, въ частныя квартиры; у него не было вопроса о помощи. Въ заключеніе отмѣтимъ, что населеніе отдѣляло дѣйствительныхъ вдохновителей бойни отъ безсознательныхъ исполнителей. Даже тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ солдаты и полиція д о б и в а л и раненыхъ, не заставилъ населеніе измѣнить себѣ: добровольные санитары одинаково перевязывали и своихъ, и враговъ. Врачи и санитары одинаково переносили на своихъ рукахъ и дружинника, и драгуна, и рабочаго, и городового.

*) См. „XX вѣкъ“ отъ 29 мая.

XVI.

Войска и полиція.

Выше мы видѣли, что какъ партійныя организаціи, такъ и сами массы расчитывали на присоединеніе войскъ. Что эти расчеты имѣли за собой нѣкоторую почву, видно изъ настроенія войскъ въ предшествовавшій забастовкѣ періодъ. Даже „Рус. Вѣд.“, устами своего сотрудника г. Максимова, съ неудовольствіемъ замѣчали, что „эти надежды имѣютъ за собой реальное основаніе“. Какіе же факты позволяли надѣяться на сочувствіе войскъ?

Чтобы уяснить себѣ это, посмотримъ, что дѣлалось въ войскахъ Московскаго гарнизона непосредственно передъ забастовкой. Въ концѣ ноября и въ началѣ декабря были волненія въ нѣкоторыхъ полкахъ, большею частью на почвѣ недовольства матеріальными и правовыми условіями казарменной жизни. Но разъ вступивъ на путь протеста, они, естественно, стали связывать свои требованія съ требованіями другихъ слоевъ населенія, и волненія эти все болѣе и болѣе принимали политическую окраску. Что это недовольство назрѣло среди солдатъ стихійно, видно изъ того, что во многихъ мѣстахъ на военныхъ митингахъ не было постороннихъ. Сами солдаты выступали ораторами и самостоятельно вырабатывали требованія.

Въ первыхъ числахъ декабря происходили митинги въ Перновскомъ, Несвижскомъ и Ростовскомъ полкахъ. На одномъ изъ митинговъ, куда собрались солдаты первыхъ двухъ полковъ произошелъ слѣдующій случай, ярко рисующій настроеніе солдатъ и переданный намъ однимъ изъ участниковъ этого митинга. Здѣсь были, между прочимъ, выработаны требованія: убрать командира полка, который

дрался и сажалъ подъ арестъ, и допускать въ казармы газеты. Начальствомъ была послана учебная команда Сумскаго полка съ ружьями и боевыми патронами, чтобы разогнать митингъ. Это разозлило участниковъ послѣдняго, и тѣ бросились въ казармы за ружьями. Ораторамъ (здѣсь были только солдаты,—постороннихъ не было) стоило большого труда уговорить товарищей не стрѣлять по сумцамъ. Тѣмъ не менѣе сумцевъ начальство убрало.

Тотъ-же солдатъ участникъ митинга передаетъ, что рабочіе запоздали забастовкой, что если бы она была объявлена раньше, солдаты присоединились бы къ ней.

Кромѣ этихъ полковъ волненія наблюдались въ конвойной командѣ, среди саперъ и даже въ нѣкоторыхъ сотняхъ Донского казачьяго полка. Затѣмъ, когда началась забастовка, изъ Ростова (Ярославскаго) была послана въ Москву артиллерія. Но по дорогѣ замѣтили броженіе среди солдатъ и, опасаясь присоединенія къ народу, ихъ отправили назадъ подъ охраною казаковъ.

На митингахъ Ростовскаго полка бывали и посторонніе. Въ этомъ полку былъ даже выбранъ особый Совѣтъ, на подобіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, который завѣдывалъ дѣлами полка и велъ сношенія съ рабочими.

Въ остальныхъ пѣхотныхъ полкахъ Московскаго гарнизона тоже замѣчалось броженіе и начальство не считало ихъ особенно надежными.

Такимъ образомъ мы видимъ, что надежды рабочихъ и неудовольствіе „Рус. Вѣд.“ имѣли за собою дѣйствительно „реальное основаніе“.

Но начальство, разумѣется, не дремало.

Чтобы успокоить солдатъ были пущены въ ходъ всѣ средства. На солдатскіе митинги посылались соглядатаи. Они, впрочемъ, часто узнавались тамъ и съ позоромъ изгонялись. На митингѣ Несвижскаго полка былъ узнанъ подосланный начальствомъ фельдфебель. Солдаты потребовали удаленія его изъ полка, и начальство удовлетворило то требованіе. Администрація не рисковала,—или прибѣгала къ этому очень рѣдко,—пробывать вѣрность солдатъ, сталкивая ихъ другъ съ другомъ: подавлять волненія вооруженной силой. Сознавая всю опасность такихъ столкновеній, она старалось мирнымъ путемъ улаживать конфликты.

Высшее военное начальство старалось удовлетворять мелкія экономическія требованія, и на сцену выступили: приварки, мыло и въ перспективѣ—серьезное улучшеніе экономическаго положенія солдатъ.

Одновременно съ такими частичными удовлетвореніями требованій, крамола въ казармахъ искоренялась арестомъ наиболѣе выдающихся и энергичныхъ солдатъ. Въ довершеніе всего, велась агитація, называемая въ просторѣчьи черносотенной.

Ниже, характеризуя положеніе войскъ, мы приведемъ нѣкоторые факты, показывающіе насколько неразборчиво въ средствахъ было высшее начальство при этой агитаціи.

Къ моменту объявленія забастовки волненіе въ войскахъ улеглось. Но администрація не полагалась на эти полки. Нѣкоторые изъ нихъ даже охранялись драгунами (напр. Ростовскій полкъ).

Весь московскій гарнизонъ къ этому времени состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 9 пѣхотныхъ полковъ—Екатеринославскій, Ростовскій, Перновскій, Несвижскій, Кіевскій, Таврическій, Самогитскій, Астраханскій и Троице-Сергіевскій резервный полкъ; *) 3-ій Сумскій драгунскій полкъ съ бѣлымъ околышемъ; 1-ый Донской казачій полкъ и 4 сотни 34-го казачьяго полка; 2 батальона саперъ; 2 гренадерскія артиллерійскія бригады и при Ростовскомъ и Несвижскомъ полкахъ три пулеметныя роты.

Кромѣ того въ распоряженіи покорителей Москвы былъ жандармскій дивизіонъ и 1800 городовыхъ. Послѣ уже, въ разгарѣ декабрьскихъ событій въ Москву прибыли: 1) Тверской и 2-ой Ржевскій драгунскіе полки, 2) 2 батареи Тверской артиллеріи, 3) Семеновскій и Ладожскій полки, а также „охотники“ Фоногорійскаго полка изъ Ярославля и осталныхъ трехъ полковъ гренадерскаго корпуса. Но, какъ уже намъ извѣстно, на пѣхотные полки, расположенные въ Москвѣ, начальство не полагалось. Ихъ пускали въ „дѣло“ очень осторожно и то формируя по выбору сборные отряды.

Выше (въ главѣ XII) мы привели соображенія, изложенныя на Совѣтѣ начальниковъ дружинъ, по которымъ выхо-

*) Полки вслѣдствіе роспуска, участвовавшіе на войнѣ, были не въ обычномъ комплектѣ, полкъ въ среднемъ состоялъ изъ 500—600 человѣкъ.

дило, что правительство могло пустить въ ходъ всего 2000 человѣкъ пѣхоты, драгунъ, казаковъ и артиллеріи. Эта цифра, повидимому, приблизительно вѣрна. Такъ одинъ офицеръ передавалъ, что въ первые дни было выдвинуто для активныхъ операцій всего 1600—1800 солдатъ всѣхъ родовъ оружія, главнымъ образомъ кавалеріи.

Съ такими-то силами нашъ бравый адмиралъ выступилъ въ походъ противъ Московскаго населенія.

Еще до начала кровавыхъ дней, Москва была раздѣлена на участки, распредѣлены войска и командованіе.

Застрѣльщиками были пущены провокаторы. Какъ извѣстно, первый выстрѣлъ въ „Акваріумѣ“ былъ провокаторскій. По свидѣтельству ротмистра, командовавшаго войсками, какъ передаетъ „Вечерняя Почта“, провокаторскій выстрѣлъ у Фидлера вызвалъ нападеніе драгунъ на сдавшихся. Точно такъ же видную роль играли провокаторы и дальше, при разстрѣлѣ артиллеріей домовъ.

Но чтобы привести въ полную боевую готовность даже это отборное войско, потребовались особыя мѣры. Самъ генералъ-губернаторъ въ телеграммѣ министру внутреннихъ дѣлъ сообщаетъ, какъ свидѣтельствуетъ агентство Лаффана, что солдатъ поили водкой, что бы ихъ „поддержать“.

По всѣмъ пивнымъ и трактирамъ было отдано распоряженіе: давать вина драгунамъ, казакамъ и солдатамъ, сколько они потребуютъ.

И полилось море водки и... крови.

Послѣ первыхъ револьверныхъ выстрѣловъ дружинниковъ, какъ мы видѣли провоцированныхъ агентами охранителей порядка и спокойствія, была выдвинута артиллерія. Москва была предано огню и мечу.

Началась безпорядочная стрѣльба по всему городу и артиллерійская, и оружейная. На оторопѣвшихъ отъ ужаса жителей столицы снаряды и пули сыпались градомъ, стрѣляли даже „перекиднымъ огнемъ“.

Такъ, въ Кудринѣ на дворъ дома Курносова залетѣлъ 3-хъ дюймовый снарядъ, къ счастью, не разорвавшійся. Онъ могъ попасть туда только при стрѣльбѣ перекиднымъ огнемъ, такъ какъ дворъ со всѣхъ сторонъ окруженъ корпусами.

Мы уже въ предыдущихъ главахъ видѣли много образчиковъ безпорядочной стрѣльбы, и здѣсь совершенно излишне

нагромождать массу фактовъ, тѣмъ болѣе, что покорители не отличаются особенною изобрѣтательностью и не очень разнообразятъ свою тактику.

Артиллеристамъ не уступали стрѣлявшіе изъ винтовокъ драгуны казаки и „охотники“ — пѣхотинцы. Эти стрѣляли залпами и въ одиночку, по проходящимъ и случайно появлявшимся у окна обывателямъ. На Тріумфальной площади стояли солдаты и разстрѣливали буквально всѣхъ попадавшихся имъ на глаза. Тутъ на мѣстѣ была уложена дѣвушка, проходившая отъ Управы улицу.

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько фактовъ такого рода.

13-го декабря на углу 4-ой Мѣщанской и Садовой въ третьемъ этажѣ дома Кирхгофа, въ 8 часовъ вечера жилецъ подошелъ къ форточкѣ, чтобы открыть ее. Въ комнатѣ горѣла лампа. Едва онъ успѣлъ отойти отъ окна, какъ раздался выстрѣлъ и въ комнату влетѣла пуля, ударившаяся въ потолокъ. Не такъ счастливо обошлось для одной домовладѣлицы на Б. Прѣснѣ ея желаніе подойти къ окну: 6 пуль уложили ее на мѣстѣ.

Совсѣмъ плохо приходилось смѣльчакамъ, дерзавшимъ возражать солдатамъ.

Въ 12 часовъ дня 11-го декабря на Арбатской площади показывается разъѣздъ драгунъ изъ 8 человѣкъ. Винтовки у всѣхъ въ рукахъ на готовѣ. При одномъ появленіи ихъ, кучки народа скрываются въ воротахъ. Черезъ площадь проходитъ сапожникъ и на окрикъ драгуна—„проходи!“—отвѣчаетъ: „вы бы къ японцамъ шли, чего вы тутъ разъѣзжаете!“ Драгунъ соскакиваетъ съ лошади и ударомъ шашки сваливаетъ несчастнаго съ ногъ и разбиваетъ голову. Другой драгунъ добиваетъ его прикладомъ.

Впрочемъ, надо отдать справедливость солдатамъ, иногда они проявляли и нѣкоторую изобрѣтательность. Такъ на Тверской 12-го они практиковали совершенно новый маневръ. Утромъ этого числа, какъ только началась „работа“, вдоль по улицѣ быстро мчатся розвальни, въ которыхъ сидитъ человѣкъ 7—8 солдатъ и, проѣзжая перекрестки, даетъ залпы по всѣмъ поперечнымъ улицамъ.

Но до чего доходила разнузданность расходившихся войскъ, показываетъ слѣдующій фактъ. На колокольнѣ Страстного монастыря расположились пьяные солдаты и на пари

стрѣляли по проходящимъ. Сторожъ колокольни разсказывалъ, что они сверхъ горячей пищи получали по рублю на человѣка въ день. Ему давали на чай за то, что онъ носилъ имъ водку. Пьянствовали цѣлый день и отъ времени до времени стрѣляли по людямъ. Идутъ, напримѣръ, по площади два человѣка. Одинъ изъ солдатъ говоритъ другому: „Ты стрѣляй праваго, но такъ, чтобы упалъ, а ежели раненый побѣжитъ—не считается"!..

Раздается выстрѣлъ. Проигравшій вынимаетъ деньги и посылаетъ сторожа за водкой.

Зачастую можно было наблюдать, какъ солдаты, стоя на посту развлекались, стрѣляя куда попало и во что попало.

Въ Грузинахъ солдаты обстрѣливали улицы залпами. Пострѣляютъ, составятъ ружья въ козлы и отдыхаютъ. Изъ-за забора показывается рядъ дѣтскихъ головъ. Они дразнятъ солдатъ и кричатъ имъ: „Не попалъ, не попалъ!" Солдаты, раздраженные, хватаютъ опять ружья. Мальчики скрываются. Опять залпъ. Снова появляются мальчики и хоръ звонкихъ, задорныхъ голосовъ снова повторяетъ: „Не попалъ, не попалъ!"

А вотъ еще эпизодъ, имѣвшій мѣсто на другомъ концѣ города, у Серпуховскихъ воротъ. На площади стоятъ казаки въ буркахъ и стрѣляютъ залпами по улицамъ. По Серпуховской улицѣ въ это время идетъ мальчикъ, и услышавъ выстрѣлъ, оборачивается и грозитъ солдатамъ пальцемъ. Тѣ опять стрѣляютъ и убиваютъ птицу возлѣ мальчика. Онъ подбѣгаетъ къ птицѣ, поднимаетъ ее, цѣлуетъ и опять грозитъ казакамъ. Раздаются выстрѣлы и мальчикъ падаетъ убитый на повалъ. Тутъ-же изъ дома выходитъ какой-то человѣкъ съ собачкой. Казаки кричатъ: „Остановись!" Тотъ, испугавшись, бѣжитъ. Вслѣдъ ему раздается залпъ. Еще въ качествѣ образчика безсмысленной, безцѣльной пальбы, можно привести растрѣлъ лазарета на Прѣснѣ. Подробное описаніе его имѣется въ письмѣ фельдшерицы, помѣщенномъ въ № 327 „Р. В." Тамъ были убиты и ранены нѣсколько лежавшихъ въ лазаретахъ солдатъ съ Дальняго Востока.

Какъ мы уже сказали выше, большая часть пѣхотныхъ полковъ не была пущена въ ходъ. Но за первые дни уличныхъ столкновеній настроеніе среди этихъ частей кое-гдѣ измѣнилось. Уже 10-го декабря живущіе на Міусской площади видѣли, какъ конвойная команда Бутырской тюрьмы,

стрѣляла по проходящимъ. Того же числа ростовцы встрѣтили у своихъ казармъ толпу рабочихъ ружейнымъ огнемъ.

Чтобы стало понятной такая перемѣна въ настроеніи, а также озлобленіе солдатъ противъ населенія и, главнымъ образомъ, противъ дружинниковъ, нужно выяснить характеръ агитаціи среди солдатъ. Нѣкоторый свѣтъ на это можетъ пролить, между прочимъ, слѣдующее. Одинъ городовой въ разговорѣ съ арестованными передавалъ, почему войска не переходятъ на сторону народа. „Они (солдаты)—крестьяне большею частью. Имъ дороги крестьянскія нужды, а революціонеры хотятъ свернуть царя, сами взять власть въ свои руки и крестьянамъ ничего не дать. Когда на митингѣ одинъ выступилъ и сталъ защищать интересы крестьянъ, требованіе земли, революціонеры его схватили и убили".

Не будь здѣсь захвата царской власти революціонерами помимо народа, можно было бы подумать, что въ такую чудовищную форму облекалось разногласіе между с.-р. и с.-д. Но при такой формулировкѣ, происхожденіе этой сплетни, намъ кажется, совершенно ясно. Такая же агитація велась и въ городѣ. Съ этой цѣлью иногда устраивались даже провокаторскіе спектакли.

Днемъ и вечеромъ 12 декабря около Никитской къ нѣкоторымъ воротамъ подходила группа провокаторовъ въ 5 человѣкъ: 2 изображали студентовъ и три черносотенцевъ. Черносотенецъ спрашиваетъ:—„Что же вы, студенты, сдѣлаете, если побѣдите?" — „Закроемъ церкви, колокола перельемъ въ пушки, а у всѣхъ отберемъ подписку. Кто не дастъ — убьемъ". Послѣ этого отвѣта мнимаго студента, черносотенецъ начинаетъ подбивать публику противъ студентовъ и революціонеровъ. Особаго успѣха, правда, такого рода агитація не имѣла.

По нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ можно установить, что агитація въ войскахъ велась безъ всякихъ стѣсненій въ средствахъ. Имъ внушалось, что это—бунтъ противъ царя—дѣло „жидовъ" и революціонеровъ, на которыхъ креста нѣтъ. Солдатъ, кромѣ того, пугали звѣрствовами дружинниковъ. Когда толпа шла къ казармамъ въ Хамовникахъ, распространялись слухи, что хотятъ взорвать казармы *).

*) Съ описаніемъ этой демонстраціи читатель познакомился въ главѣ VI.

Вотъ, напримѣръ, какъ описывали свое положеніе солдаты, зашедшіе къ дворнику—земляку—при церкви Дмитрія Солунскаго.

— „Приходитъ наша послѣдняя сила. Если завтра не придетъ подкрѣпленіе, то побросаемъ ружья и уйдемъ. Мы уйдемъ—сдаваться намъ ни какъ нельзя, потому что намъ начальство говорило, что дружинники выкалываютъ глаза"—Это было 13-го или 14 го декабря. Отмѣтимъ здѣсь, кстати, что въ это время войска были дѣйствительно утомлены. Есть извѣстіе, что къ 12-му войска были стянуты въ Кремль и казармы. Многія части отказывались вести дальше борьбу и большинство ихъ бездѣйствовало и весь день 13-го декабря.

О томъ же свидѣтельствуетъ „Нов. Вр.", но его сообщеніе относится еще къ 11-му,—что „войска, утомленныя субботней борьбой, были сняты и отпущены по казармамъ въ 9 часовъ утра". Изъ приведеннаго выше заявленія солдатъ видно, что начальство старалось преувеличить силы противника. Впрочемъ, оно и само, несмотря на приготовленія, совершенно было не освѣдомленно о численности и планахъ его.

Напр., въ теченіе первыхъ дней не трогали артиллеріи, состоявшей у артиллерійскаго склада на Ходынкѣ, боясь нападенія на него дружинниковъ, и только убѣдившишь, что такого плана у нихъ не было, артиллерію двинули въ городъ.

Не имѣя возможности выдѣлить дружинниковъ изъ населенія, войска стрѣляли изъ пушекъ и ружей по ни въ чемъ не повиннымъ кучкамъ народа. Этой тактикой оно возстановило противъ себя всѣхъ жителей, сплотило ихъ: — „Мы теперь всѣ забастовщики", — объясняетъ дворникъ кухаркѣ постройку баррикадъ: „во всѣхъ стрѣляютъ". И вся Москва сочувствовала горсточкамъ дружинниковъ и сколько могла помогала имъ. Видя такую солидарность населенія, начальство перетрусило само и эту трусость внушило войскамъ. Послѣдніе чувствовали себя во вражескомъ лагерѣ. Обыкновенно, прежде чѣмъ вступить въ какую-либо улицу, солдаты обстрѣливали ее залпами.

Проѣзжая по улицѣ, они боязливо поглядывали въ окна домовъ: не выстрѣлитъ-ли кто въ нихъ. Чтобы предупредить

это они сами стрѣляли по окнамъ. Такую манеру они усвоили съ самаго начала кровавыхъ дней. Покоритель Москвы санкціонировалъ эту мѣру въ своемъ обязательномъ постановленіи отъ 13 декабря.

Есть масса свидѣтельствъ трусливаго поведенія войскъ. Въ одномъ кварталѣ района Бронной улицы, одинъ дружинникъ отстрѣливался отъ патруля драгунъ. Дружинникъ, сидя за баррикадой, стрѣлялъ по драгунамъ изъ браунинга, а тѣ отвѣчали ему изъ винтовокъ издали, боясь приближаться къ баррикадѣ. Видя, что его пули не достигаютъ цѣли, дружинникъ сбѣгалъ домой, принесъ винтовку и уже съ большимъ успѣхомъ началъ стрѣлять: упало нѣсколько раненыхъ драгунъ. Послѣ этого драгуны ретировались. Затѣмъ разсказываютъ, что въ одинъ дворъ у Прѣсненской заставы вошли 15 солдатъ-семеновцевъ, причемъ не вошли, а вѣрнѣе вползли по снѣгу, оглядываясь боязливо во всѣ стороны. Такъ же боязливо постучали въ запертыя двери испуганныхъ обывателей. Двери имъ отворили. Взобравшись на лѣстницу, семеновцы обыскали квартиры, справившись предварительно, нѣтъ-ли дружинниковъ. И видя все мирныхъ обывателей, удалились, при чемъ вели себя мирно, тихо. Два изъ нихъ стали говорить: „Выступили мы въ 4 часа съ мѣста, очень боялись итти на вашу Прѣсню: намъ сказали, что здѣсь по улицамъ мины, фугасы, бомбы. Мы думали и живыми не вернемся, а оказалось, славу Богу, не такъ".

Обывателей они все же припугнули: изъ домовъ не выпускали, въ форточки выглядывать не велѣли подъ угрозой стрѣльбы. Но въ утѣшеніе добавили: „Вы насъ не бойтесь, мы мирныхъ жителей не трогаемъ, мы защищаемъ ихъ отъ дружины". Какъ они выполняли эту миссію, между прочимъ видно изъ слѣдующаго. Одинъ обыватель вздумалъ побѣжать за водой. Его встрѣтили два солдата, которые приставивъ винтовку къ груди, спросили:—„На тебѣ крестъ есть? Покажи, а то сейсасъ пристрѣлю". Испуганный обыватель показалъ крестъ и только благодаря этому былъ отпущенъ.

Или вотъ еще образецъ храбраго поведенія войскъ. По Бутырской ѣдутъ трое рабочихъ. Завидѣвъ ѣдущихъ имъ на встрѣчу драгунъ, они зарываются въ снѣгъ. Драгуны замѣтили это и, принявъ ихъ за дружинниковъ, повернули лошадей и ускакали. Иногда благодаря этой трусости, съ ними

случались просто комическіе эпизоды. Завидя вдали кучку, а и то одного человѣка, начинаютъ стрѣлять, даже не зная кто тамъ. Такимъ образомъ ночью 13-го декабря въ Леонтьевскомъ переулкѣ столкнулись два патруля — Медемовскій и Дубасовскій и начали стрѣлять другъ въ друга. Потомъ замѣтивъ ошибку, бросили ружья и оттузили другъ друга кулаками *).

Предполагая во всякомъ жителѣ революціонера, солдаты всякаго штатскаго принимали за врага. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется ихъ звѣрское отношеніе къ населенію.

Выше мы указывали, какими средствами администрація внушала солдатамъ ненависть къ дружинникамъ.

Приводимъ здѣсь факты, показывающіе, до чего она довела эту ненависть.

Одинъ офицеръ Ростовскаго полка говоритъ, что проходя съ патрулями по Сухаревой-Садовой, онъ едва удерживалъ солдатъ отъ стрѣльбы. И безъ того обозленные, солдаты выходили изъ себя, когда въ нихъ сыпались пули дружинниковъ. Они готовы были стрѣлять прямо по толпѣ. Только присутствіе въ ней женщинъ и дѣтей помогло офицеру, по его словамъ, сдержать солдатъ, которые просто молили: „Ваше благородіе, дозвольте стрѣлять!“

Артиллерійскій офицеръ Зальца, командированный съ солдатами на Садовую, разсказываетъ, что онъ на войнѣ не видѣлъ такихъ звѣрскихъ лицъ, какъ здѣсь. Несмотря на его мольбы: „Братцы, не стрѣляйте!“—солдаты съ звѣрскими физіономіями отвѣчали: „Мы ихъ, мерзавцевъ, всѣхъ перестрѣляемъ!“ Они рвались въ бой и палили безпощадно. Этотъ офицеръ только что вернулся съ войны, говоря, „слава Богу, довольно крови.“ Но ему пришлось участвовать въ новой, еще болѣе ужасной войнѣ: онъ не выдержалъ и покончилъ съ собой. Въ эти мрачные дни было нѣсколько случаевъ самоубійства среди офицеровъ.

Яркій образчикъ звѣрскаго отношенія войскъ къ попадавшимъ въ ихъ руки жителямъ даетъ г. Моховъ, случайно

*) Для читателей, не знающихъ Москвы, поясникъ, что градоначальникъ Медемъ и ген.-губ. Дубасовъ жили черезъ нѣсколько кварталовъ другъ отъ друга. У дома каждаго изъ этихъ администраторовъ были патрули, ходившіе по прилегающимъ улицамъ.

оставшійся въ живыхъ послѣ истязаній драгунъ подъ руководствомъ офицеровъ.*)

Задержанные драгунами на улицѣ, студенты Романовъ и Моховъ были отведены въ манежъ. Послѣ всевозможныхъ издѣвательствъ, офицеры отдали ихъ солдатамъ—драгунамъ. Тѣ рубили ихъ шашками, кололи штыками. Окончивъ потѣху, солдаты рѣшили что Моховъ мертвъ. Но чтобы убѣдиться въ этомъ, ему жгли рѣсницы и брови и заженную спичку вставили въ ноздри. Романовъ былъ убитъ. Но Моховъ умышленно не проявлялъ никакихъ признаковъ жизни и только потому остался живъ. Его положили въ фургонъ и въ качествѣ мертваго повезли въ участокъ. Тамъ замѣтили, что онъ живъ и фельдшеръ съ докторомъ сдѣлали ему перевязки.

Такимъ образомъ мы видимъ, что войско совершенно не отличало мирныхъ жителей отъ воюющихъ дружинниковъ. Какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ относились одинаково звѣрски.

Этого нельзя сказать объ отношеніи войскъ къ толпѣ, когда имъ приходилось сталкиваться непосредственно другъ съ другомъ.

Описывая первые дни столкновеній, мы уже приводили случаи, когда солдаты отказывались стрѣлять въ толпу, не выражавшую враждебнаго отношенія къ нимъ, а, наоборотъ, называвшую ихъ своими братьями.

Это обстоятельство помогаетъ намъ разобраться въ сложномъ настроеніи солдатъ, которое читатель встрѣчалъ въ описывавшихся выше событіяхъ.

Наслушавшись отъ начальства о звѣрствахъ дружинниковъ и не имѣя никакихъ объективныхъ признаковъ, по которымъ солдаты могли бы отличать мирныхъ жителей отъ дружинниковъ, они всѣхъ принимали за враговъ, обращались съ ними соотвѣтствующимъ образомъ.

Есть безконечное множество свидѣтельствъ, что патрули при обыскахъ не только обирали прохожихъ, но и стрѣляли безъ всякаго повода со стороны послѣднихъ.

Напр., 12-го вечеромъ останавливаютъ у манежа проѣзжа-

---

*) Подробное описаніе этого эпизода имѣется въ письмѣ къ члену Думы Аникину, напечатанномъ въ газетѣ „Дѣло Народа“.

ющаго студента Павлова, обыскиваютъ и отбираютъ документы (за неимѣніемъ, очевидно, ничего другого): когда онъ поднимается по Никитской, въ него стрѣляютъ. Онъ оказывается раненымъ.

Не довольствуясь казенными угощеніями, а также приношеніями частныхъ лицъ черносотеннаго пошиба, въ родѣ г. Соллогуба, войска занимались мародерствомъ.

Не желая злоупотреблять вниманіемъ читателя мы не будемъ приводить массы относящихся сюда фактовъ. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ. Почти вошло въ обычай отбирать на улицѣ при обыскѣ деньги и цѣнныя вещи. Это практиковали, какъ солдатскіе, такъ и полицейскіе патрули.

И всякій обобранный прохожій почиталъ себя счастливымъ, если ему вслѣдъ не пускали еще и пулю.

Не брезгали и мелочами, даже съѣстными продуктами. Вотъ иллюстраціи. Идетъ обыватель по улицѣ и несетъ изъ лавки свиное сало. Встрѣчный патруль кричитъ ему: „Брось, что у тебя въ рукахъ!“

— „Да это сало на ужинъ.“

— „Брось, говорятъ тебѣ!“ тотъ бросилъ.

— „Руки вверхъ! Теперь ступай.“ — Такъ сало и досталось солдатамъ.

У одного фельдшера патруль отобралъ при обыскѣ кошелекъ съ 30 копейками, у молодого человѣка 6 рублей. Все это мелкое неорганизованное обирательство. Но вотъ съ пріѣздомъ семеновцевъ поборы производятся уже систематически и въ большихъ размѣрахъ. Эти уже прямо ходили по домамъ, обыскивали, требовали денегъ. При этомъ часто распарывали подушки, матрацы, ломали мебель и били посуду. Въ одной квартирѣ, разгромленной и ограбленной въ отсутствіи хозяина была найдены рукавицы съ клеймомъ казармъ Семеновскаго полка. Къ дому Вострякова на Б. Дмитровкѣ подошелъ отрядъ солдатъ. Фельдфебель заявилъ дворнику, что будутъ обстрѣливать домъ. На вопросъ дворника о причинѣ, фельдфебель заявилъ: „За то, что изъ вашего дома стрѣляли.“ Въ заключеніе потребовалъ 3000 рублей, сказавъ, что тогда стрѣлять не будутъ, Дворникъ доложилъ управляющему. Но тотъ отказалъ: все равно на 3000 рублей имущества не разстрѣляютъ. Солдаты ушли.

У Каланчевской площади въ одну ночь разграбили даже

нѣсколько мелочныхъ лавокъ и одну, очевидно по ошибкѣ, игрушечную.

Заканчивая здѣсь характеристику дѣятельности войска и полиціи по усмиренію, не лишне будетъ упомянуть, что слухи объ употребленіи пуль „думъ—думъ“ находятъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ нѣкоторыхъ очевидцевъ. Это удостовѣряютъ врачи, которымъ приходилось имѣть дѣло съ подобными ранами. Затѣмъ одинъ дружинникъ разсказываетъ, что онъ прислушиваясь къ свисту пуль на Долгоруковской, различалъ между ними и пули „думъ—думъ:“ онѣ не свистятъ на лету, какъ обыкновенныя, а жужжатъ, какъ пчелы.

Револьверы Нагана, отнятые у жандармовъ на Виндавской дорогѣ были заряжены разрывными пулями.

Но мы дали-бы невѣрную характеристику поведенія войска и полиціи, если бы не отмѣтили другихъ фактовъ, въ которыхъ проглядываетъ миролюбивое, дружелюбное отношеніе къ населенію. Такое отношеніе проявляли главнымъ образомъ пѣхотинцы.*) Иногда можно было видѣть пѣхотные патрули добродушно разговаривающими съ публикой. Коегдѣ они сами провожали жителей по ихъ просьбѣ по мѣстамъ, гдѣ безчинствовали ихъ товарищи. Такихъ солдатъ и дружинники не трогали.

Дама, проходившая по М. Бронной видѣла патруль изъ пяти пѣхотинцевъ. Одинъ держалъ ружье на перевѣсъ. Остальные говорятъ ему „брось, не балуй!“ и ее пропускаютъ, не обыскавъ. Лица у нихъ грустны и блѣдны. Проходя дальше, она увидѣла дружинниковъ, собиравшихся бросать бомбы въ патруль. Узнавъ отъ нея о миролюбивомъ настроеніи солдатъ, они оставили свое намѣреніе.

Приведемъ здѣсь еще одинъ фактъ, характирующій отношеніе солдатъ къ населенію. На Царицинскую улицу, гдѣ были устроены загражденія и стояли кучки народа, была приведена сборная рота Несвижскаго полка. Солдатамъ было приказано стрѣлять. Тогда выступилъ одинъ изъ нихъ и началъ уговаривать товарищей не дѣлать этого. Рота не стрѣляла. Офицеръ арестовалъ этого солдата и предалъ его суду.

*) Мы не говоримъ, конечно, о семеновцахъ, которые своимъ звѣрствомъ перещеголяли даже казаковъ и драгунъ.

Нѣсколько солдатъ того же полка были отданы подъ судъ за стрѣльбу на воздухъ. Но были повидимому случаи и самочиннаго суда надъ такими. На эту мысль наводитъ разсказъ одного санитарнаго врача. Придя на Каретную—Садовую непосредственно послѣ перестрѣлки, санитарный отрядъ увидѣлъ убитаго солдата и хотѣлъ подобрать его. Офицеръ, видя это, крикнулъ имъ: „Бросьте этого мерзавца.“ Санитары объяснили это тѣмъ, что офицеръ самъ пристрѣлилъ его.

Миролюбивое отношеніе къ публикѣ можно было наблюдать часто и среди городовыхъ, несмотря на стараніе высшихъ чиновъ полиціи вселить вражду къ населенію.

Въ самую критическую минуту, около 12—13 декабря, замѣчалось массовое бѣгство городовыхъ со службы. Пишущему эти строки приходилось слышать отъ городовыхъ выраженіе симпатіи забастовщикамъ и порицанія высшему начальству.

Числа съ 13—14 городовые начали появлятся на постахъ, но уже съ винтовками. Нѣкоторые изъ нихъ безчинствовали, стрѣляя безъ разбору, другіе тяготились даже своими винтовками. Эти дни во время стычекъ на улицахъ полиція, какъ таковая, проявляла себя мало. Большинство городовыхъ, а также и полицейскихъ чиновниковъ переодѣлось въ штатское платье. Даже на службѣ въ участкахъ не носили формы. Часть городовыхъ, очевидно, примкнула къ черной сотнѣ. Остальные сидѣли по участкамъ. На улицѣ иногда производились аресты переодѣтыми городовыми. Такъ 13-го на Б. Бутырской они дѣлали облавы на проходящихъ и забирали казавшихся имъ подозрительными.

XVII.

Населеніе въ декабрьскіе дни.

Уроки нагляднаго обученіи въ октябрѣ не прошли для москвичей даромъ. Одновременное объявленіе свободъ и мобилизація темныхъ силъ реакціи показали воочію населенію, что медоточивая рѣчи о свободахъ сами по себѣ, а казацкія нагайки сами по себѣ. Самые разнообразные слои населенія поняли, что разсчитывать нужно только на себя, и тѣ, кто отъ роду не бралъ въ руки револьвера, запасались имъ видя на улицахъ черносотенные эксперименты подъ руководствомъ полиціи. Первые же раскаты орудійной пальбы окончательно всколыхнули стоячее болото и докончили пробожденіе богоспасаемой столицы отъ вѣковой спячки. Пропаганда Дубасовскихъ пушекъ сдѣлала въ теченіе нѣсколькихъ часовъ то, что не могли сдѣлать агитаторскія рѣчи годами. Первые пушечные выстрѣлы привели обывателя въ недоумѣніе. Здѣсь еще впервые примѣнялася тактика новыхъ „покорителей Кавказа“, которые обѣщали и исполняли обѣщанное—разгромить всю деревню, если въ ней будетъ хоть одинъ революціонеръ. Сначала обыватель не хотѣлъ вѣрить, что умышленно стрѣляютъ куда попало. Ему казалось, что гдѣ то въ другомъ мѣстѣ идетъ серьезное сраженіе, настолько серьезное, что потребовалось пустить въ ходъ артиллерію. Онъ склоненъ былъ объяснять просто недоразумѣніемъ то, что вотъ тутъ, около него, откуда не раздалось ни одного выстрѣла и не было никакихъ признаковъ присутствія революціонеровъ, разорвалась шрапнель и положила на мѣстѣ десять человѣкъ.—„За что мирныхъ жителей стрѣляютъ, вѣдь здѣсь нѣтъ революціоне-

ровъ?“ недоумѣваетъ обыватель. Тамъ не было революц неровъ, но они могли быть, и этого достаточно для „тѣхъ Когда рушится домъ не считаютъ битыхъ стеколъ. Обы тель это понялъ. Нѣсколько часовъ Дубасовской пропаган убѣдили его въ этомъ. И обыватель зашищался, какъ умѣл Началась лихорадочная постройка баррикадъ, чтобы пр градить доступъ войскамъ. Строили баррикады безъ всяко системы, какъ попало и изъ чего попало. Большею часты это были просто прегражденія. Первое время дружинник совершенно отсутствовали и это вызывало упреки по адресу революціонныхъ организацій—„Ишь, раньше гово рили, призывали къ возстанію, а теперь попрятались“—та кія рѣчи можно было иногда слышать въ кучкахъ любо пытной публики. Но когда появились дружинники и руко водили постройкой, то пользовалиль всеобщимъ сочув ствіемъ. Все населеніе отъ мала до велика (за исключеніемъ, конечно, глашатаевъ черной сотни и ихъ сознательныхъ и безсознательныхъ послѣдователей) было на сторонѣ борцовъ за свободу. Это сочувствіе часто выражалось какъ въ мо ральной, такъ и въ матеріальной поддержкѣ. Во многихъ мѣ стахъ дружинникамъ устраивались обѣды, на баррикады, гдѣ стояли дружинники приносили бутерброды. Причемъ это дѣлали не только состоятельные но и бѣдные слои на селенія. Въ одномъ мѣстѣ по просьбѣ публики лавочникъ отперъ лавку и выдалъ имъ перчатки. Одинъ мелкій ремес ленникъ пригласилъ къ себѣ и накормилъ обѣдами 22 дру жинниковъ. Жители ближайшихъ домовъ приглашали ихъ въ квартиры грѣться и угощали чаемъ. Мѣстами обыватели проникались уваженіемъ къ дружинникамъ только потому, что были нѣсколько преувеличеннаго представленія объ ихъ силахъ, видѣли въ нихъ будущихъ побѣдителей. Въ боль шинствѣ же случаевъ это доброжелательное отношеніе коренилось въ той общей ненависти къ разрушителямъ, то бишъ, охранителямъ, которую эти послѣдніе сумѣли внушить своимъ поведеніемъ. Поэтому обыватели отожде ствляли свои интересы съ интересами дружинниковъ. Ихъ дѣло считали своимъ дѣломъ, ихъ побѣду—своей. 11 и 12 насились слухи, что войска отступаютъ по всей линіи *).

*) Читатель помнитъ, что въ это время войска частью были отозваны.

Обыватели толкуютъ этотъ слухъ, какъ близкую побѣду дружинниковъ.—„Наша беретъ"—радостно заключаютъ они. Въ это же время, около 12-го декабря, водовозъ сообщаетъ въ Таганкѣ слухъ, что „забастовщики обезоружили три роты солдатъ. Можетъ быть, наша возьметъ, добавляетъ онъ, подумавши.

Въ одномъ домѣ въ Грузинахъ сидѣли дружинники. Вбѣгаетъ сосѣдній домовладѣлецъ—буржуа.—„Ну, ребята, вотъ вамъ, идите! цѣлую кучу драгунъ могу предоставить"—„Гдѣ" —„Въ моемъ дворѣ, идите скорѣе"—и повелъ дружинниковъ за собою. Самый индифферентный обыватель проникался симпатіями къ дружинникамъ и ненавистью къ тѣмъ, кто защищалъ населеніе, разстрѣливая его. Оно и понятно. Какъ относились къ нему одни и другіе? При встрѣчѣ съ первыми его предупреждали, гдѣ опасность, часто провожали по опаснымъ мѣстамъ и относились съ уваженіемъ. И обыватель не тяготился стѣсненіями, которыя часто налагали на него дружинники. Въ районѣ Бронныхъ улицъ дружина заставляла жителей сидѣть по домамъ послѣ 5 часовъ вечера. Въ мѣстности, гдѣ господствовали дружинники, обыватели чувствовали себя въ безопасности.—„Ну, слава Богу, вотъ мы и защищены" говоритъ житель въ Грузинахъ, когда тамъ только соорудили баррикады, около которыхъ похаживали дружинники. Смѣло расхаживали по этому району и прятались, когда раздавался свистокъ дружины—предупрежденіе объ опасности. Совершенно не боялись, когда слышали вблизи револьверные выстрѣлы и тотчасъ убѣгали, заслышавъ пальбу изъ винтовокъ. Все населеніе такихъ мѣстностей подчинялось распоряженію дружинниковъ и само помогало проводить ихъ въ жизнь. Сами домохозяева часто приказывали своимъ дворникамъ оставлять ворота отпертыми. Поясняли имъ, что полиція распоряжалась запирать ворота въ своихъ интересахъ, чтобы людямъ некуда было прятаться при ближеніи войскъ. Дворники привыкли подчиняться распоряженіямъ и въ данномъ случаѣ исполняли безпрекословно —„приказано". Нѣкоторые изъ нихъ одобрительно отзывались о „новомъ привительствѣ". Стоитъ у воротъ сторожъ, калякаетъ съ публикой и такъ передаетъ о распоряженіяхъ С. Р. Д. „Какъ хорошо распорядилось правительство наше, манджурскую армію повезутъ, будутъ хлѣбъ по дешевымъ

цѣнамъ продавать. Какъ прислушивалось населеніе къ постановленіямъ „новаго правительства“ и считалось съ ними, лично изъ того, что очень многіе лавочники обращались въ С. Р. Д. съ прошеніями разрѣшить торговлю. И не рѣшались торговать безъ такого разрѣшенія. Одинъ лавочникъ просилъ С. Р. Д. помѣстить опроверженіе напечатаннаго въ „Извѣстіяхъ“ сообщенія, будто онъ поднялъ цѣны на хлѣбъ. Совершенно иное отношеніе къ себѣ встрѣтили обыватели при столкновеніи съ войскомъ и полиціей. Тутъ они встрѣчали грубые окрики „стой“—„куда“ — „руки вверхъ“. Обыскивали, зачастую отбирали деньги и цѣнности, а то еще пускали пули въ догонку и очень немногіе рѣшались покидать свой районъ. Смѣльчаки же, пускавшіеся въ такое путешествіе претерпѣвали всевозможныя мытарства. На Садовой патруль осыпалъ пулями буквально всѣхъ появлявшихся на улицѣ. Одинъ санитарный врачъ, разсказъ котораго мы приводили уже раньше, передаетъ такую сценку. Санитарный отрядъ пробирался переулками около Садовой. Въ одномъ мѣстѣ они вышли къ патрулю и тотъ началъ осыпать ихъ градомъ пуль. Тѣ прислонились къ стѣнѣ. Находившаяся въ это время впереди дѣвушка припала на колѣно и стояла, закрывъ високъ ладонью—„Что вы дѣлаете“,—говоритъ ей врачъ,—„Васъ подстрѣлятъ, идите сюда!“—„Нѣтъ, знаете, главное високъ надо защитить.“—„Но, вѣдь пуля вамъ и въ черепъ можетъ попасть“—Ну, все-таки тамъ кость сравнительно толстая“—пресерьезно отвѣчала она. Когда выстрѣлы прекратились, отрядъ двинулся дальше. Но тутъ же попалъ подъ перекрестный огонь двухъ патрулей. Спасся онъ только благодаря тому, что укрылся въ нишѣ, образуемой воротами. Особенно, конечно, возмутительна стрѣльба вслѣдъ за обысканнымъ. Обыватель, подвергшій обыску очень доволенъ, что, ничего не найдя у него, патруль отпускаетъ. Ничего не подозрѣвая, онъ идетъ дальше... Но, вдругъ сзади раздаются выстрѣлы направленные въ него. Читатель пойметъ и безъ поясненій то чувство безграничнаго негодованія, которое охватываетъ всѣхъ, кто испыталъ на себѣ эту гнусную игру жизнью и смертью, кто наблюдалъ ее и кто слышалъ о ней; а слышала о ней вся Москва: этотъ методъ устрашенія населенія могъ практиковаться только потому,

что солдаты привыкли уже въ эти дни видѣть въ каждомъ человѣкѣ на разстояніи лишь объектъ для прицѣла; поэтому-то и стрѣляли вслѣдъ. Единственнымъ способомъ защиты было заставить солдата почувствовать въ человѣкѣ человѣка. Мы раскажемъ сейчасъ поразительный примѣръ нравственной силы и удивительнаго пониманія, которыя требовались, чтобы спастись отъ предательскаго разстрѣла въ спину. Мы на Прѣснѣ. Это было между 11—15 декабря. Идетъ рабочій и несетъ сахаръ. Его останавливаетъ патруль и обыскиваетъ, затѣмъ отпускаетъ. Но тотъ не отходитъ и пристально глядитъ въ глаза солдатамъ. „Уходи",—говорятъ солдаты. Рабочій стоитъ.—„Проводите до угла", обращается онъ къ солдатамъ. Одинъ изъ солдатъ пошелъ проводить его. Рабочій идетъ рядомъ съ солдатомъ, держится за винтовку и продолжаетъ пристально смотрѣть ему въ глаза. Дойдя до угла, онъ на мгновеніе пріостанавился, придержалъ винтовку, затѣмъ быстро шмыгнулъ за уголъ и скрылся.

Уже раньше мы приводили много эпизодовъ, показывающихъ, каково было отношеніе патрулей къ жителямъ. Совершенно излишне приводитъ ихъ больше. Намъ важно лишь отмѣтить, что это не единичне случаи, а общее явленіе, наблюдавшейся по всей Москвѣ въ эти дни. Поэтому мы ограничимися описаніемъ слѣдующаго факта, не упомянуть о которомъ нельзя. Въ одномъ мѣстѣ по Прѣснѣ драгуны проѣзжали мимо церкви. Въ это время откуда то раздался выстрѣлъ. Драгуны думали, что стрѣляли съ колокольни и начали стрѣлять въ окна церкви. Молящіеся выбѣжали на паперть, но тутъ были встрѣчены залпами. Тогда всѣ бросились къ алтарю. Вышелъ священникъ, прочелъ общую исповѣдь и всѣхъ причастилъ. Молящіеся приготовились умирать. Но драгуны, натѣшившись, уѣхали. Теперь становится совершенно понятной ненависть къ войскамъ и полиціи и сочувствіе дружинникамъ которое проявляло населеніе.

Въ нѣкоторыхъ районахъ обыватели организовали особые комитеты самообороны на случай нападенія грабителей. Между прочимъ, такой комитетъ былъ организованъ въ районѣ Ямскихъ. Комитетъ имѣлъ цѣлью охранить частныя жилища и длл этого были учреждены дежурства членовъ, вооруженныхъ револьверами. Мѣстами эту миссію брали на

себя дружинники по просьбѣ обывателей. Въ первые дни забастовки на Прѣснѣ были случаи разграбленія лавокъ. Лавочники обратились къ дружинникамъ. Тѣ пришли. Водрузили флагъ съ надписью „Земля и Свобода“, „Смерть ворамъ!“ И порядокъ былъ образцовый по отзывамъ тѣхъ же лавочниковъ.

Но въ большинствѣ случаевъ опасенія были совершенно напрасны. Уже давно отмѣчено, что во время всякихъ общественныхъ движеній кражи и грабительства сокращаются до минимума. То же можно сказать и о декабрьскихъ дняхъ въ Москвѣ. Еще до начала забастовки, въ первыхъ числахъ декабря рабочіе вели борьбу съ ворами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на окраинахъ происходили цѣлыя сраженія. Бывали убитые и раненые. Болѣе крупныя стычки происходили вблизи завода Гужона. Однажды тамъ разгромили два притона хулигановъ. Вызваны были драгуны, но тѣ, узнавъ, въ чемъ дѣло, не вмѣшивались. Съ наступленіемъ декабрьскихъ дней хулиганы совершенно стушевались. Начали же они появляться послѣ (послѣ чего бы вы думали, читатель?) послѣ призыва Дубасова къ благомыслящей части населенія о помощи въ борьбѣ съ крамолой.

Выше мы сказали, что мѣстами дружинники встрѣчали сочувствіе и поддержку потому, что въ нихъ видѣли защитниковъ отъ произвола войскъ и полиціи, считали ихъ сильными и вѣрили въ возможность побѣды. Но когда начало выясняться, что дружины слишкомъ малочисленны, чтобы долго сопротивляться войскамъ, численность которыхъ увеличивалась, настроеніе обывателей начало падать, стала замѣтной реакція.

Въ районѣ Бронныхъ улицъ, гдѣ войска дѣйствовали очень мало и жители сравнительно съ другими мѣстами, пострадали незначительно, обыватели начали тяготиться баррикадной жизнью. Нѣкоторые даже упрекали дружинниковъ, что изъ за нихъ мирные жители могутъ подвергнуться разстрѣлу. 16-го утромъ, когда дружинники уже ушли отсюда, обыватели сами разбирали баррикады. Часамъ къ 12-ти ужъ была ѣзда по Бронной и у всѣхъ „отлегло отъ души“. Къ этому времени, къ 15—16 декабря, всюду стало замѣтно паденіе настроенія, даже у активныхъ борцовъ, тѣмъ болѣе у обывателей. Въ нѣкоторыхъ слояхъ

населенія, примущественно въ средѣ торговцевъ наблюдалось недовольство жизнью, выбитой изъ колеи. Замѣтно стремленіе къ порядку будничной жизни, а вмѣстѣ съ этимъ и враждебное отношеніе къ требовательности революціонеровъ. — „Это ужъ не конституція, а анархія: они республики требуютъ“,—говорятъ лавочники, въ Таганкѣ. Такъ говорили, конечно опредѣленные слои населенія. Все же населеніе потеряло надежду на успѣхъ и находило безцѣльнымъ продолженіе борьбы.

XVIII.

Роль Московской Думы въ декабрьскіе дни.

Къ декабрю уже совершенно закончилась та группировка общественныхъ силъ, которая намѣчалась еще въ концѣ октября.

Тогда большая часть буржуазіи, напуганная требовательностью пролетаріата, начала усиленно подвигаться направо.

Гласные Думы, еще такъ недавно (передъ манифестомъ 17 октября) приглашавшіе къ себѣ на засѣданія представителей революціонныхъ партій и называвшіе себя „застрѣльщиками освободительнаго движенія“, во второй половинѣ ноября отклоняютъ предложеніе группы коллегъ—ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы къ матросамъ въ Севастополѣ не примѣнялась смертная казнь. А г. Шмаковъ, этотъ генералъ отъ черной сотни, требовалъ строгаго подавленія возстанія съ примѣненіемъ смертной казни, а также асигновки извѣстной суммы для помощи солдатамъ, пострадавшимъ при подавленіи этого возстанія. Это заявленіе встрѣтили очень слабые протетты.

Послѣ Севастопольскаго возстанія умѣренно либеральная пресса подняла много шуму по поводу вовлеченія арміи въ политику. „Рус. Вѣд.“ очень возмущались отсутствіемъ дисциплины во флотѣ.

Съ наступленіемъ декабрьскихъ дней эта группировка сдѣлалась еще рельефнѣе.

Крупная буржуазія, а съ нею и большинство гласныхъ Думы, среди которыхъ очень много членовъ партіи „блока“, быстро и рѣшительно подвигается направо и присоединяетя къ реакціи.

Пролетаріатъ группируетъ вокругъ себя революціонно настроенные элементы.

Въ центрѣ остаются тѣ, о которыхъ Марксъ сказалъ, что они состоятъ изъ „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“.

Сюда, конечно, входитъ большая часть кадетовъ. Какъ партія они не принимали никакого участія въ событіяхъ. Правда отдѣльные члены этой партіи принимали участіе въ движеніи и нѣкоторые, какъ напр. г. Левицкій, умѣли себя держать съ достоинствомъ. Но бывали и обратныя явленія. Такъ г. Головинъ вошелъ въ совѣтъ при генералъ-губернаторѣ и такимъ образомъ одобрялъ подвиги покорителей Москвы.

Дѣятельность же комитета партіи свелась къ тому, что онъ послалъ заявленіе въ Управу о необходимости созыва чрезвычайнаго засѣданія Думы.

Впрочемъ, бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей,—большинство которыхъ, какъ извѣстно, составляютъ тѣ же кадеты,—собравшись подъ грохотъ пушекъ, постановило, въ виду важности переживаемаго момента... созвать въ январѣ еще одинъ съѣздъ.

Только „Союзъ союзовъ“ и Союзъ равноправія женщинъ организовалъ комитеты для продовольственной помощи населенію.

Зато правыя партіи, образовавшія такъ называемый „блокъ“, ни мало не медля побратались съ усмирителями и для начала выпустили слѣдующее воззваніе.

Приведемъ текстъ его въ полной неприкосновенности.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, комитетъ и группа соціалъ-демократической рабочей партіи и комитетъ партіи соціалъ-революціонеровъ постановили: объявить всеобщую политическую стачку и стремиться привести ее къ вооруженному возстанію.

Для чего это нужно и почему это нужно?

Призывающіе къ возстанію говорятъ: „со дня объявленія манифеста 17-го октября насилія со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются; попрежнему льется человѣческая кровь“.

Мы говоримъ: это ложь!

На улицахъ Москвы льется кровь безвинныхъ исполнителей служебнаго долга, убійства, грабежы и пожары по всей Россіи производятся не по волѣ правительства и не руками его сторонниковъ, а революціонерами и ихъ подстрекательствомъ.

Мы говоримъ: „миромъ и спокойнымъ трудомъ должна Россія черезъ своихъ выборныхъ въ Государственную Думу возстановить порядокъ и

законъ". А революціонеры говорятъ: „долой законную власть, да здравствуетъ революціонная армія", которая насиліемъ и убійствомъ должна насадить въ нашемъ отечествѣ тотъ строй, котораго хотятъ бунтовщики, а не тотъ, котораго хочетъ народъ.

Бунтовщики говорятъ: „заключивъ союзъ съ капиталистами, правительство выбрасываетъ на улицу сотни тысячъ рабочихъ, обрекая ихъ на нищету, болѣзни и голодную смерть".

Мы говоримъ, что это ложь!

Никакого союза съ капиталистами правительство не заключало, и фабрики закрываются не потому, чтобы правительство хотѣло обездолить рабочаго, а закрываются фабрики за невозможностью работать при смутахъ и насильственныхъ забастовкахъ, къ которымъ революціонеры подстрекаютъ рабочихъ лживымъ словомъ и наплуютъ ихъ угрозами.

Революціонеры говорятъ: „правительство дало свободу печати, а закрываетъ газеты", а мы говоримъ: „революціонеры не хотятъ свободы печати, и поэтому подъ угрозой революціонеровъ типографіи не смѣютъ печатать того, что революціонерамъ не на руку".

Гнетъ надъ печатью теперь такой, какого никогда не было, но этотъ гнетъ не отъ цензуры, а отъ самовластія бунтовщиковъ.

Революціонеры указываютъ на обнищавшій народъ, на голодное крестьянство виня его бѣдствіяхъ правительство, а мы говоримъ, что голодъ и холодъ и безработица созданы бунтовщиками путемъ пріостановки движенія на желѣзныхъ дорогахъ, путемъ фабричныхъ забастовокъ, отъ которыхъ стала вся торговля страны и деревенскій людъ остается безъ зимняго заработка, безъ подвоза хлѣбъ и топлива.

Кто не пойметъ, что смута особливо страшна для правительства?

Кто не пойметъ что созывъ Государственной Думы нуженъ для водворенія спокойствія въ странѣ?

Кто не пойметъ, что только при спокойствіи страны возможно будетъ обсудить и удовлетворить нужды Россіи?

Все это понятно и нужно для всякаго разумнаго и любящаго Россію гражданина, но не нужно для революціонера.

Почему?

А потому, что революціонеру нужно прежде всего низвергнутъ Русскаго Царя, не допустить созывъ Государственной Думы, чтобы, захвативъ въ свои руки власть, создать республику, въ которой вожаки революціи сумѣютъ забрать силу и, закабаливъ народъ русскій, задушить въ немъ вѣру и любовь ко всему, во что онъ вѣрилъ и что чтилъ до сего дня.

Мы взываемъ, къ вамъ, вѣрные сыны отечества, къ вамъ, граждане Москвы, къ вамъ, заводскіе и фабричные рабочіе, къ вамъ, многострадальные труженики земли русской и къ вамъ, войска державы россійской.

Передъ вами два пути, любой изъ нихъ вы должны избрать: одинъ, по которому зовутъ васъ революціонеры къ низверженію Государя Императора,—другой—путь, къ которому призываемъ мы. Сплотитесь во-едино, памятуя долгъ вашъ передъ родиной и присягу вашу передъ Царемъ, чтобы сохранить единую нераздѣльную Русь съ главою ея Государемъ и Государственною Думою, въ которую манифестъ 17-го октября призы-

вастъ избранниковъ отъ народа къ управленію страной во славу и благоденствіе нашей родины...

Подписано:

Комитетъ союза 17-го октября.
Комитетъ торгово-промышленной партіи.
Комитетъ партіи правоваго порядка.
Комитетъ умѣренно-прогрессивной партіи.

Изложенный документъ говоритъ самъ за себя, и мы не будемъ останавливаться на немъ.

Что касается Думы, то она не очень торопилась принимать какое-бы то не было участіе въ событіяхъ. Насилу-то удалось ей собраться на пятый день. Что же она дѣлала?

А сначала гласные обмѣнивались упреками. Потомъ по поводу этихъ упрековъ спорили—на сколько правъ или не правъ гл. Казначеевъ, назвавшій эти препирательства переливаніемъ изъ пустого въ порожнее.

Послѣ этого Н. Гучковъ приступилъ къ докладу о положеніи дѣлъ въ городѣ. Очень пространно говорится—какъ и когда забастовали служащіе такого-то городского предпріятія. Какія требованія предъявили и какимъ образомъ заявили объ этомъ.

Идетъ подробное перечисленіе состоянія тѣхъ или иныхъ предметовъ собственности города.

Упоминается, напр., что сожжены двѣ будки: одна у Хамовническихъ казармъ, а другая на Каретной-Садовой. По всему этому видно, что собравшихся интересуетъ больше чисто хозяйственныя потери. До сихъ поръ не видно, что дума засѣдаетъ въ необычное время, что на улицахъ уже пятый день льется кровь.

Наконецъ гл. Кишкинъ обращается съ запросомъ къ городскому головѣ—что предпринято управой, по сношенію съ администраціей для успокоенія населенія и уменьшенія кровопролитія въ городѣ. Но городской голова не умолимъ, онъ не можетъ отступить отъ своей программы и обѣщаетъ сообщить объ этомъ послѣ окончанія доклада, а пока продолжаетъ свое повѣствованіе о будкахъ.

Далѣе, продолжая свой докладъ, городской голова заявляетъ, что Управа сдѣлала все, что отъ нея зависѣло (что она [illegible] аллахъ, да г. Гучковъ) и предлагаетъ гласнымъ поручить управѣ организацію помощи бѣднѣйшему населенію.

Намъ не извѣстно что было сдѣлано въ этомъ направленіи и вообще сдѣлано-ли что-нибудь *).

Судя по тому, что А. Гучковъ въ баррикадахъ видѣлъ непреодолимое препятствіе исполненію такого предложенія, можно заключить что сдѣлано было немного.

Вся дѣятельность городского управленія, въ этой области ограничилась, кажется, тѣмъ что разгромленнымъ жителямъ Прѣсни было отведено нѣсколько школъ, да Дума въ одномъ изъ засѣданій раскошелилась и отвалила 5 тысячъ пострадавшимъ отъ разгрома и столько-же войску и полиціи. Уравняла безпристрастно!

Затѣмъ голова успокаиваетъ собравшихся, что ген. губернаторъ и градоначальникъ увѣряли, что никакого приказа стрѣлять въ Красный Крестъ не было дано. Они дали слово, что войскамъ приказано будетъ щадить отряды съ повязками Краснаго Креста. Это утѣшительное увѣреніе администраціи передавалось регулярно на каждомъ засѣданіи, а санитарные отряды по прежнему продолжали разстрѣливаться. Впрочемъ, это очень мало смущало господъ гласныхъ: они такъ привыкли, что съ ихъ болтовней никто не считается. Не даромъ-же, когда зашла рѣчь о воззваніи, то гл. Щепкинъ заявилъ, что „предлагаемое городскимъ головою обращеніе къ населенію и правительству не можетъ имѣть значенія, такъ какъ городское управленіе не пользуется довѣріемъ ни населенія, ни правительства“. Оно и понятно.

Въ такіе моменты, какъ декабрьскіе дни въ Москвѣ, всякая общественная организація можетъ такъ или иначе вліять на ходъ событій только рѣшительными выступленіями, а не едва слышными шамканіями.

Московская Дума совершенно оторвалась отъ населенія, мало того, она боялась его и потому отгородилась отъ него охраной войска и полиціи; все это время засѣданія были не публичны и охранялись войсками. По близости даже стояли пушки.

Но у нея не хватало еще смѣлости открыто стать на сторону администраціи.

---

*) Газетные отчеты ничего не говорятъ о дальнѣйшей судьбѣ этого предложенія.

И она оставалась межъ двухъ огней, признаваясь въ своемъ безсиліи дѣлать что-бы то ни было. Городской голова говоритъ, что они могутъ только болтать: „Мы, мирные люди, можемъ возвысить только нашъ голосъ, сказать свое убѣжденное (?) слово и съ нимъ обратиться съ одной стороны къ населенію, призывая его вернуться къ мирной жизни, а съ другой стороны—къ правительству, заявляя о нашемъ несочувствіи реакціи". Но дума оказалась неспособной и на это—она не только не смогла возвысить свой голосъ, но даже сказать обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ свое мнѣніе о происходящемъ.

Болѣе или менѣе опредѣленно составленная резолюція, вынесенная Левицкимъ, была отвергнута большинствомъ 42 противъ 16 голосовъ. Она гласила: „Возлагая на правительство отвѣтственность за послѣдствія вооруженнаго возстанія, Дума считаетъ необходимымъ немедленный созывъ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ для выработки основнаго закона".

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что вскорѣ послѣ этого засѣданія г. Левицкій былъ арестованъ (весьма возможно, за эту-же резолюцію), но этотъ арестъ не вызвалъ протестовъ гласныхъ. Съ этимъ фактомъ помирились такъ-же легко, какъ г. А. Гучковъ мирится съ обысками на улицѣ.

Гучковъ же такъ іезуитски формулировалъ это „несочувствіе", что его можно принять и за сочувствіе. Судите сами.

„Признавая, что совершающіяся въ Москвѣ въ послѣдніе дни событія нашли для себя благопріятную почву въ недовѣріи къ дѣйствіямъ правительства, замедлявшимъ выполненіе обѣщаній манифеста 17-го октября, Дума выражаетъ увѣренность, что эти событія не задержатъ проведеніе тѣхъ либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія". Этотъ, спеціально приспособленный для непониманія стиль, объясняется тѣмъ, что „теперь не время составлять зажигательныя резолюціи. Всякая резолюція, осуждающая дѣйствія администраціи, подливаетъ только масла въ огонь. Это въ кружкахъ рабочихъ явится новымъ призывымъ". Эту рѣчь А. Гучкова покрываютъ массой апплодисментовъ.

А непосредственно за воздержаніемъ отъ осужденія, Дума переходитъ къ выраженію одобренія дѣйствій адми-

нистраціи, и наши „застрѣльщики освободительнаго движенія“ прямо бросаются въ объятія администраціи. На засѣданіи 14-го дек. Гучковъ уже заявляетъ, что „права была администрація, что отказала въ ходатайствѣ думѣ о выводѣ казаковъ и передачѣ полиціи городу“.

Во время преній объ организаціи милиціи выясняется, что нѣкоторые гласные, съ разрѣшенія ген.-губерн., уже принимаютъ дѣятельное участіе въ организаціи ея. Миссія этой милиціи ясно видна хотя бы изъ того, что вдохновителемъ ея является г. Шмаковъ, уже выпустившій воззваніе подъ своею подписью съ призывомъ организоваться на страхъ врагамъ.

Эволюціонируя дальше, гласные выбираютъ изъ своей среды представителей въ совѣтъ при генер. губернаторѣ, принимая уже открытое участіе въ славной дѣятельности администраціи.

Во время всѣхъ этихъ засѣданій раздавалось всего лишь нѣсколько протестующихъ голосовъ. Но они подавлялись реакціоннымъ большинствомъ, а Левицкій и совсѣмъ былъ удаленъ. Большинство-же думы, катясь такимъ образомъ по наклонной плоскости, закончило тѣмъ, что представитель его, городской голова, на новый годъ уже публично и торжественно, чокаясь бокаломъ шампанскаго съ доблестнымъ адмираломъ, заявилъ послѣднему: „Въ нашемъ содѣйствіи Вы не должны сомнѣваться: всякій изъ насъ готовъ положить на это дѣло все свое разумѣніе, всѣ свои силы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ велико и то значеніе, которое выпало на Вашу долю въ данномъ дѣлѣ, какъ нашего руководителя“.

А вѣдь два мѣсяца тому назадъ люди, говорящіе теперь такимъ холопскимъ языкомъ, приглашали къ себѣ на засѣданія представителей революціонныхъ партій и занимались разработкой проектовъ чуть-ли не временнаго правительства.

Славная эволюція!

Начавъ въ октябрѣ съ прославленія свободы и засѣданій совмѣстно съ революціонерами, Дума закончила эту эволюцію обиваніемъ пороговъ штаба черной сотни. Но, впрочемъ, буржуазія неизмѣнно вѣрна своей измѣнической природѣ, и Московская Дума дала лишь яркій образецъ историческаго поведенія буржуазіи.

XIX.

Расправа.

Ко времени пріѣзда Семеновскаго полка борьба въ Москвѣ была уже кончена. Только на Преснѣ на слѣдующій день утромъ семеновцы встрѣтили небольшое сопротивленіе. Здѣсь уже пошла расправа—дикая, звѣрская, не поддающаяся описанію.

Часть семеновцевъ — 2 батальона съ полковникомъ Риманомъ во главѣ отправилась по Казанской дорогѣ всюду оставляя за собой страшный кровавый слѣдъ.

Мы не можемъ здѣсь дать исчерпывающей картины дѣятельности этой карательной экспедиціи. Но чтобы читатель имѣлъ представленіе о происходившихъ тамъ, душу леденящихъ ужаса, приведемъ здѣсь отрывки изъ книги г. Владимирова. „Карательная экспедиція“, а также имѣющіяся у насъ показанія очевидцевъ происходившаго въ Коломнѣ.

Отрядъ въ точности исполнялъ указаніе высшей власти— „арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно“. Вопреки сообщеніямъ нѣкоторыхъ газетъ, семеновцы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія. Въ нихъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла Но что имъ до этого! Населеніе было отдано въ ихъ безконтрольное распоряженіе и они безчеловѣчно пользовались этимъ. Подъѣзжая къ станціямъ и видя толпу, они давали залпы и оставляли десятки убитыми. Раненыхъ почти не было. Ихъ тутъ же прикалывали штыками. Были даже случаи, когда раненые (оставшіеся очевидно, незамѣченными) подобранные санитарами-манджурцами и помѣщенные въ санитарные вагоны, извлекались оттуда семеновцами и пристрѣливались.

Подѣзжая къ станціи „Сортировочной“ они замѣтили на линіи толпу и быстро выскочивъ изъ вагоновъ, начали давать по ней залпы. Затѣмъ происходитъ повальный обыскъ окружающаго населенія, сопровождаемый разстрѣлами. Здѣсь хватаютъ „въ штыки“ глухого 60-ти лѣтняго старика, котораго Риманъ приканчиваетъ самъ ударомъ по головѣ.

„Покоривъ“ эту мѣстность, оставивъ десятки труповъ, бездну горя, крови и слезъ, отрядъ двигается дальше, опустошая все на своемъ пути. Въ Перовѣ, высадившись и пострѣлявъ по находившимся на пути людямъ, отрядъ занялъ станцію. Здѣсь Риманъ чуть было не разстрѣлялъ жандарма. Очистивъ станцію бравый командиръ разстрѣялъ помощника станціи Орловскаго. Другой помощникъ Ларіоновъ былъ взятъ „въ штыки.“ „Во всѣхъ домахъ происходили повальные обыски, нѣкоторые дома обыскивались по 3—4 раза. Пріемы употреблялись самые грубые, рѣзкіе, обращеніе съ жителями было возмутительно вызывающее. Въ нѣкоторыхъ квартирахъ разламывали печи, опрокидывали шкафы, буфеты. Въ ящикахъ, сундукахъ осмотры содержимаго производились при помощи штыковъ. Солдатъ поднималъ на штыкъ ворохъ одежды, бѣлья, лежащаго въ сундукѣ и выкидывалъ на средину комнаты, вызывая общее раздраженіе противъ такихъ дѣйствій“ *).

Такое поведеніе солдатъ вывело изъ себя Яшукова, у котораго тѣ производили обыскъ, и у него начались пререпирательства съ солдатами Послѣ обыска ему приказали солдаты слѣдовать за собой и разстрѣляли на улицѣ. Тутъ же рабочаго Похомова, у котораго при обыскѣ найденъ револьверъ взяли „въ штыки“ и тотъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ отъ штыковыхъ ранъ. Въ квартирѣ Оводовыхъ находятъ сломанный револьверъ и Риманъ собственноручно расправляется съ его обладателемъ. — „Посторонись старуха!“ — крикнулъ Риманъ и на глазахъ у старухи—матери убиваетъ его **).

Оставивъ здѣсь на станціи небольшой отрядъ солдатъ, который продолжалъ держать въ страхѣ населеніе и издѣваться надъ нимъ, остальная часть съ Риманомъ отправилась

*) Владимировъ стр. 96.

**) Владимировъ стр. 43.

далѣе. Въ „Подосинкахъ“ были разстрѣляны дачникъ Михельсонъ и два бывшихъ у него дружинника. Для устрашенія населенія трупы нѣсколько дней валялись не подобранными. Прибывъ въ „Люберцы“, семеновцы окружили трактиръ, арестовали въ немъ около 50-ти человѣкъ, изъ которыхъ 14*) были разстрѣляны по какимъ то таинственнымъ спискамъ. Тотчасъ по занятіи станціи Риманъ собственноручно нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера убилъ помощника начальника станціи Смирнова.

Въ числѣ 14 человѣкъ взятыхъ въ трактирѣ былъ взятъ и Ухтомскій, который такъ мужественно велъ себя передъ разстрѣломъ. Въ виду того, что описаніе ареста и предсмертнаго разговора Ухтомскаго имѣютъ особый интересъ, мы приведемъ здѣсь рыдержки изъ книги г. Владимирова.

„Капитанъ былъ очарованъ этой личностью; солдаты съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли, какъ умѣютъ умирать мужественные люди. Они любовались имъ и свои чувства къ нему проявили въ томъ, что послѣ послѣ перваго залпа онъ остался цѣлъ и невредимъ. Ни одна пуля не коснулась его.

„Совершенно случайно проѣзжая на лошадяхъ черезъ Люберцы, Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о прибытіи солдатъ на станцію. Когда его обыскали тамъ, нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили къ офицеру на станцію. На допросѣ онъ не говорилъ своей фамиліи. Офицеры, просмотрѣвъ списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, и фотографическія карточки, сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ: — „вы машинистъ Ухтомскій, вы будете растрѣлены!“ — „Я такъ и думалъ,“ хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій. Это происходило днемъ около 3-хъ часовъ. Ему предложили, не желаетъ-ли онъ исповѣдываться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

Послѣ исповѣди его, вмѣстѣ съ тремя рабочими люберецкаго тормознаго завода, повели къ разстрѣлу. Онъ обратился къ офицеру и сказалъ: „Я зналъ, что если попадусь въ ваши руки, вы разстрѣляете меня, поэтому я такъ спокойно чувствую себя, такъ какъ былъ ежеминутно готовъ къ смерти. Теперь передъ смертью, я скажу вамъ, кому вы обязаны что поѣздъ съ дружинниками благополучно ушелъ изъ Москвы, спасая главныхъ участниковъ и главарей боевой дружины и членовъ стачечнаго комитета. *)

---

*) тоже стр. 61.

**) Ухтомскій, очевидно, не зналъ хорошо состава увозимыхъ имъ пассажировъ. Главари движенія дѣйствительно уѣхали изъ Москвы вскорѣ, но не этимъ путемъ. Онъ везъ, повидимому дружинниковъ, сражавшихся у Казанскаго вокзала.

Когда всѣ дороги въ Москвѣ были захвачены войсками и выѣздъ изъ Москвы не представлялся возможнымъ, я взялся вывести дружину, не смотря на то, что около Сортировочной станціи, на огородахъ вы угрожали мнѣ пулеметами. Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, на большой кривой и совершенно открытой мѣстности, удобной для обстрѣла пулеметами, я развилъ скорость поѣзда до 90 верстъ въ часъ. Я самъ управлялъ паровозомъ. Давленіе пара въ котлѣ я довелъ до 15-ти атмосферъ, до предѣла взрыва котла. Намъ грозила опасность не отъ пулеметовъ, а отъ возможности взлетѣть на воздухъ. Что бы развить такую скорость, пришлось итти не только при открытомъ поддувалѣ, но еще при усиленной работѣ сифона. И вотъ, когда на этой кривой нашъ поѣздъ стремглавъ слетѣлъ впередъ, застрекотали ваши пулеметы. Они не были для насъ опасны, потому, что сильнѣе намъ грозили взрывъ котла и возможность слетѣть внизъ головой съ насыпи, но тутъ помогла опытная рука машиниста, управлявшая паромъ и вмѣстѣ судьбою преслѣдуемыхъ вами людей. Вы ранили тогда 6 человѣкъ, но ни одного не убили. Всѣ спаслись и находятся далеко... Вамъ не достать ихъ!..

На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза, онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ. Его случайные товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнею была ужасна! Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовленія, потомъ обратился къ солдатамъ: „Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ-же, какъ я исполнилъ честно долгъ передъ своей присягой: но наши присяги разныя... Капитанъ, командуйте!“ Раздался залпъ... Рабочіе упали. Ухтомскій остался невреднмъ со скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла. Раздался второй залпъ—и онъ упалъ на снѣгъ! Онъ былъ живъ въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотря на окружающее.

Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосернымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученія выстрѣломъ въ голову.“

Въ Голутвинѣ и Коломнѣ семеновцы тоже не встрѣтили сопротивленія. Вотъ это разсказываетъ очевидецъ, пережившій эти дни въ Коломнѣ. „Послѣ демонстраціи 11 декабря въ Коломнѣ нѣсколько дней все было тихо *). Но вотъ по линіи Моск.-Каз. ж. д. выѣхала „для возстановленія порядка“ 2 батальона Семеновскаго полка подъ начальствомъ подполковника Римана. Когда поѣздъ съ Семеновцами подходилъ 18 декабря къ станціи, кругомъ собрались большія толпы жителей посмотрѣть не революціонеры-ли, молъ, ѣдутъ изъ Москвы. Поѣздъ остановился. Семеновцы выскочили и гаркнули: „Руки вверхъ!!“... Часть подняла руки, а осталь-

*) Демонстрація описана въ главѣ X.

ные испуганные бросились бѣжать... Раздались залпы, повалились раненые... Между тѣмъ войска заняли станцію Голутвино. Начальникъ станціи, высказавшій недовольство на это, былъ арестованъ и разстрѣлянъ семеновцами. Занявъ станцію, войска двинулись двумя колонами: одна съ пушками къ коломенскому заводу, другая окружила часть Боброва, рабочій поселокъ.

Часть прибывшихъ солдатъ, отправившаяся въ Боброво, окружила сначала кварталъ около театра и вошла въ квартиру В. С. Дорфа, завѣдывавшаго театромъ. Но передадимъ разсказъ очевидицы: „Мы сидѣли у Дорфа: я, В. А. Тарарыковъ*), А. О. Сапожновъ, Д. А. Зайцевъ**), студентъ У. и самъ Дорфъ. Въ это время прибѣжалъ рабочій И. и сказалъ, что прибыли солдаты на станцію, стрѣляли, въ него тоже стрѣляли, но промахнулись. Затѣмъ рабочій побѣжалъ домой. Я посмотрѣла въ окно и увидала, что домъ окружаютъ солдаты и сказала объ этомъ остальнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ квартиру вошли шесть человѣкъ солдатъ, офицеръ, околодочный и городовой. Кто-то изъ нихъ спросилъ: „кто изъ васъ Сапожковъ?“—Имъ отвѣтили было: „какого Сапожкова вамъ нужно?“, но затѣмъ Александръ Сапожковъ сказалъ:—„я—Сапожковъ“.—„Вы арестованы“—объявили ему пришедшіе. То же было заявлено Тарарыкову и Зайцеву. Затѣмъ былъ произведенъ тщательный обыскъ. Печку взломали и нашли тамъ два револьвера. Послѣ этого Дорфу, котораго они сначала не арестовали, было сказано: „а, вотъ Вы какихъ людей у себя принимаете, одѣвайтесь и вы: Вы тоже арестованы!“ Обыскали Сапожкова, Тарарыкова, Зайцева и Дорфа, а меня и студента У. отпустили. Мнѣ только сказали: „Молите Бога, что вы молоды, а то бы“... Въ два часа ихъ арестовали, а къ вечеру разстрѣляли. Дорфу не дали даже съ женой и дѣтьми проститься“. Къ этому разсказу можно еще прибавить вотъ что: В. А. Тарарыковъ попытался при разстрѣлѣ произнести рѣчь, но ему не дали ее кончить. Жена Дорфа до сихъ поръ страшно убита и не можетъ примириться съ тѣмъ, что ея мужа разстрѣляли;

*) Помощникъ Присяжнаго Повѣреннаго очень хорошій, талантливый и честный человѣкъ, поселился въ Коломнѣ около года тому назадъ.

**) Предсѣдатель Сов. Раб. Деп. Коломен. завода, старикъ 50 лѣтъ.

она, да и другіе, знающее положеніе дѣлъ, говорятъ, что Дорфъ не принималъ активнаго участія въ революціонномъ движеніи. Онъ только былъ знакомъ съ нѣкоторыми революціонерами и тѣ иногда бывали у него въ гостяхъ. Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ тутъ были разстрѣляны: служащіе въ конторѣ завода—Абрамовъ, Плотниковъ, Ивановъ и много рабочихъ". Между прочимъ сообщаютъ, что хозяинъ завода весьма обильно поилъ и кормилъ офицеровъ-семеновцевъ. И наши бравые вояки, очевидно, подъ пьяную руку, разстрѣливали кого попало. По свидѣтельству, упомянутаго выше очевидца, а также г. Плигина, письмо котораго мы еще будемъ цитировать, подавляющее большинство разстрѣлянныхъ въ Коломнѣ не были революціонерами. О Плотниковѣ и Ивановѣ, которыхъ онъ хорошо зналъ, авторъ письма говоритъ, что ихъ не только революціонерами, а даже констут.-демократами считать нельзя. Не были революціонерами и Дорфъ съ Сапожковымъ. Передадимъ нѣсколько показаній приведенныхъ г. Плигинымъ *).

„Задержанныхъ растрѣляли въ двѣ партіи. Когда повели разстрѣливать первую партію, то сказали, что ведутъ ихъ въ другое помѣщеніе. Они были спокойны вплоть до того момента, когда солдаты стали дѣлать приготовленія. Они догадались о своей участи, но имъ и вскрикнуть не дали. Тѣла оставили валяться у забора. Немного спустя привели на это же мѣсто вторую группу. Эти послѣдніе, увидѣвъ десятки труповъ ихъ знакомыхъ, сразу поняли въ чемъ дѣло. Невозможно передать, что съ ними произошло въ эту минуту. Двое лишились чувствъ и упали какъ подкошенные. Солдаты по приказанію офицера, приkололи ихъ штыками. Остальные молили, просили, но все напрасно. Начальникъ станціи, старикъ, упавъ на колѣни, кричалъ: „Ей-Богу, не виноватъ, у меня жена, дѣти, пустите". Но въ отвѣтъ послѣдовали залпы.

Надо замѣтить, что этотъ начальникъ станціи, какъ и его подчиненные, несмотря на объявленную на дорогѣ забастовку, все же считали долгомъ являться въ контору станціонную и отсиживать требуемое число часовъ. Это показываетъ какіе они были революціонеры! Въ поѣздѣ, привезшимъ семеновцевъ, были выбиты почти всѣ окна.

Послѣ солдатъ спрашивали, что это значитъ, не стрѣляли-ли по нимъ въ дорогѣ. Нѣтъ въ насъ не стрѣляли, а это намъ былъ приказъ выбить стекла и стрѣлять во всѣхъ, кто попадется на полотнѣ дороги".

Надо замѣтить, что вслѣдствіе прекращенія желѣзнодорожнаго движенія на полотнѣ была масса пѣшеходовъ. „Хорошо, что у васъ на станціи никто не выстрѣлилъ, а то бы

*) „Русь" 22—I.

мы камня на камнѣ не оставили", говорили солдаты. Дѣйствительно, были захвачены на всякій случай три орудія и два пулемета, которые на другой день были торжественно наведены на заводскую контору все время, пока въ ней происходилъ обыскъ служащихъ завода". Тутъ же въ Голутвиѣ едва не разыгралась еще болѣе ужасная трагедія. Вскорѣ послѣ этихъ разстрѣловъ къ станціи подъѣхалъ поѣздъ съ манджурцами. Послѣдніе, узнавъ о происшедшемъ, начали громко укорять семеновцевъ. Послѣ грознаго окрика Римана, со стороны манджурцевъ послышалось еще больше насмѣшекъ.—„Пулеметы сюда!" рычалъ Риманъ.

Кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы офицеръ сопровождавшійся манджурцевъ не заставилъ машиниста вести поѣздъ дальше*).

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что наши доблестные охранители отечественныхъ устоевъ были совершенно равнодушны къ нарушенію правъ собственности. Хозяинъ одной квартиры въ Перовѣ самъ предупредилъ полковника, пришедшаго съ обыскомъ, что въ домѣ много награбленнаго.

— „Намъ этого не нужно, оставляйте у себя. Мы ищемъ оружія"—отвѣчалъ на это полковникъ **). Но и оружіе, повидимому, не столько было н у ж н о имъ, сколько н е н у ж н о, чтобы оно было у противника. Куда какъ пріятно раздѣлываться съ безоружными!

Разнузданные, не знавшіе удержу полководцы не знали преградъ былиц совершенно увѣрены въ полной безнаказанности. Эту увѣренность они старались внушить и другимъ, стремясь и крестьянъ заразить жаждой крови крамольниковъ. Уѣзжая изъ Люберецъ Риманъ такъ поучалъ крестьянъ по части борьбы съ революціонерами.

— „Если ораторы вернутся, убивайте ихъ, убивайте чѣмъ попало—топорами, дубиной. Вы не отвѣтите за это. Если сами не сладите, извѣстите семеновцевъ, мы снова пріѣдемъ" ***).

Одинъ крестьянинъ передавалъ, что къ нимъ въ деревню, близъ ст. Павлино Московско-Нижегородской ж. д. пришелъ

*) Владимировъ „Карательная экспедиція" стр. 85.
**) Владимировъ „Карательная экспедиція" стр. 152.
***) Тоже стр. 84.

отрядъ семеновцевъ, начальникъ котораго убѣждалъ на сходѣ крестьянъ бить своихъ односельчанъ, посѣщающихъ „митинги".

— „Ничего за это не будетъ"—ободрялъ вояка.

Бравые военачальники не на минуту не сомнѣвались, что „имъ ничего за это не будетъ".

Растрѣлявъ на ст. Ашиткова трехъ человѣкъ отрядъ уѣхалъ.

Мы не можемъ приводить здѣсь всей массы фактовъ, характеризующихъ семеновцевъ при „усмиреніи" по Казанской дорогѣ, и отсылаемъ читателя къ книгѣ г. Владимирова, а сами посмотримъ, какъ проходили эти послѣдніе дни въ Москвѣ. Отмѣтимъ здѣсь только, что всего по линіи этой дороги было убито 150 человѣкъ *).

„Карательнымъ отрядомъ убито зарегистрированныхъ: въ сортировочной—8 ч., въ Перовѣ—16 ч., въ Люберцахъ—14 ч., въ Ашитковѣ—3 ч. и въ Голутвинѣ—27 ч. Кромѣ того, не зарегистрировано 57 ч., убитыхъ въ Перовѣ и 27 ч. убитыхъ въ Сортировочной.

— ——— —

Здѣсь войска и полиція проявляли не меньшую жестокость и разнузданность. Послѣ нашествія на Прѣсню, послѣдняя представляла картину полнаго разрушенія. Во многихъ мѣстахъ пылали дома, подожженные артиллерійскимъ огнемъ. —Дымъ окутывалъ всю мѣстность. Ружейная пальба не стихала. Спасающіеся отъ пожара жители то и дѣло натыкались на ружейные залпы солдатъ, охотившихся за людьми, какъ за зайцами. Стрѣляютъ по группамъ и одиночкамъ.

Вотъ выходитъ изъ дома какой-то господинъ и проситъ разрѣшенія пройти. Ему разрѣшаютъ. Но тутъ же стрѣляютъ по немъ. Тотъ падаетъ раненый, собираетъ послѣднія силы и ползкомъ направляется къ дому.—„Ну ползи, ползи, можетъ быть и доползешь"—смѣются семеновцы и нѣсколькими новыми выстрѣлами добиваютъ его.

По близости на Малой Грузинской, солдаты задерживаютъ дружинника съ револьверомъ. Тотъ падаетъ на колѣни и проситъ пощады. Но тѣ не знаютъ ее. Офицеръ укладываетъ его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ револьвера. Или еще случай. По улицѣ ѣдутъ два пассажира, натыкаются на патруль.

*) Владимировъ стр. 61.

Послѣдній обыскиваетъ ихъ. У одного находитъ револьверъ (бульдогъ).

— „Иди, да не шибко, все равно далеко не уйдешь“. Тотъ, дѣйствительно черезъ нѣсколько шаговъ падаетъ. сраженный сзади пулей.

Тутъ же на Прѣснѣ, ниже части, показывается толпа обезумѣвшихъ отъ ужаса обывателей. Они спасаются отъ удушливаго дыма. Изъ одного дома раздается выстрѣлъ и стоящіе тутъ солдаты открываютъ огонь по толпѣ растерявшихся и стоящихъ съ поднятыми вверхъ руками людей. Изъза угла показывается студентъ безъ шапки, въ растегнутомъ пальто, штатскихъ брюкахъ и форменной тужуркѣ. По немъ открываютъ страшную стрѣльбу. Онъ зашатался и прислонился къ стѣнѣ дома, выронивъ револьверъ. Къ нему подбѣгаетъ пожарный съ какимъ-то желѣзнымъ орудіемъ въ рукѣ и ударяетъ его по головѣ. Студентъ падаетъ, обливаясь кровью. Пожарный еще разъ ударилъ его по головѣ. Послѣ этого подскакиваютъ казаки и добиваюгъ его шашками и прикладами. При началѣ стрѣльбы, разсказавшій намъ этотъ случай очевидецъ подошелъ къ офицеру и просилъ разрѣшенія постоять около него, такъ какъ кругомъ стрѣляли. Тотъ разрѣшилъ. Окончивъ расправу, пожарный проходитъ мимо офицера. При этомъ послѣдній указывалъ на него и говорилъ одобрительно, „вотъ этотъ убилъ студента“.

Въ то же время на дворѣ Прохоровской фабрики полковникъ Минъ расправляется съ забранными въ спальняхъ рабочими и дружинниками. Находившихся здѣсь сестеръ милосердія пропускаетъ сквозь строй казачьихъ нагаекъ: нѣкоторыя изъ нихъ тутъ же падаютъ. 16 человѣкъ по мановенію браваго полковника отводятъ „на лѣво“ къ разстрѣлу. Послѣ этого славнаго подвига полковникъ Минъ троекратно лобызается со стрѣлявшими солдатами и благодаритъ ихъ словами: „спасибо, братцы, поддержали Россію“ *).

Потомъ сюда сводили задержанныхъ и здѣсь чинили „скорый судъ“. По указаніямъ городовыхъ и пожарныхъ задержанныхъ дѣлили „на право и на лѣво“. Послѣднихъ отводили „на Москву-рѣку“.

---

*) Очевидцы говорятъ, что стоявшіе тутъ солдаты Ростовскаго полка отказались стрѣлять и плакали, видя эту расправу.

Въ это время звѣрство войска и полиціи достигаетъ крайней степени—„больше некуда“—говорятъ пережившіе эти дни обыватели Прѣсни, заканчивая свой разсказъ о дѣятельности усмирителей.

Обывателю со всѣхъ сторонъ грозила смерть—какъ на улицѣ, такъ и въ собственномъ домѣ. Всѣмъ жителямъ Москвы, да и не только Москвы!—извѣстна обстановка, при которой былъ убитъ докторъ Воробьевъ.—Его убилъ приставъ въ собственной квартирѣ изъ револьвера, на глазахъ жены. Когда несчастная женщина, съ отчаяніемъ въ голосѣ выкрикнула, обращаясь къ убійцѣ: „За что?“—тотъ направилъ на нее револьверъ.—„Молчи!“ было ей отвѣтомъ.

И этотъ вопль отчаянія—„за что?“—раздается изъ конца въ конецъ по всей Москвѣ и ея окрестностямъ.—„За что?“—слышитъ г. Владимировъ вопросъ жены убитаго въ Голутвинѣ начальника станціи. „За что?“ вторитъ ей вдова Воробьева. Такой же вопросъ вырывается у жителей Поварской улицы возлѣ коннозаводства, когда здѣсь угрожаютъ имъ разнести всѣ дома артиллеріей только потому, что откуда-то былъ сдѣланъ револьверный выстрѣлъ. На мольбы обывателей—не стрѣлять, обыскать всѣ дома, чтобы убѣдиться, что изъ ихъ домовъ не стрѣляли, молокососъ въ офицерскомъ мундирѣ, тѣшась надъ испуганными жителями отвѣчаетъ: „ну, хорошо, на этотъ разъ прощается. Артиллеріей не будемъ стрѣлять; въ крайнемъ случаѣ обстрѣляемъ только изъ винтовокъ“. „За что-же?“—растерянно спрашиваютъ тѣ и прячутъ своихъ дѣтей въ заднія комнаты.

На слѣдующій день въ эти дома пострѣливали изъ винтовокъ.

Этотъ же вопросъ—„за что?“ вырывается у отца студента Григорьева, арестованнаго и убитаго только потому, что имѣлъ несчастіе быть студентомъ. Въ качествѣ образчика глумленія войска надъ обывателями, приводимъ здѣсь отрывокъ изъ разсказа г. Кириллова, помѣщеннаго 22 января въ газетѣ „Русь“.

18 декабря. У Горбатаго моста.

Группа солдатъ разныхъ родовъ оружія и офицеръ. Оживленіе, шутки. крики, жестикуляція, довольныя лица. Студентъ попался.

— Ну, ребята, разступись! — говоритъ офицеръ. — Будетъ представленіе!

— Снимай штаны,—обращается офицеръ къ студенту. Тотъ блѣденъ молчитъ и не двигается съ мѣста.

— Снимай штаны!—грозно кричитъ опять на него офицеръ, но студентъ, безъ кровинки въ лицѣ, бѣлѣе снѣга не дѣлаетъ ни одного движенія, только молча. полными ужаса глазами озирается кругомъ и всюду встрѣчаетъ торжествующія лица своихъ мучителей; онъ опускаетъ голову и попрежнему не трогается съ мѣста.

— Ну-ка, ребятушки! Надо помочь господину студенту! У нихъ ручки озябли, на морозѣ не слушаются!—Голосъ офицера мѣняется; изъ грознаго и грубаго становится ласковымъ, ласкающимъ; онъ съ удовольствіемъ глядитъ на студента.—Снимите-ка ему панталончики!—обращается онъ къ солдатамъ.

Тѣ разстегиваютъ и стаскиваютъ панталоны со студента. Онъ не сопротивляется. Затѣмъ его валятъ на землю.

— Всыпай ребята!

Выходятъ два дюжихъ пѣхотинца съ нагайками въ рукахъ.

Начинается сѣченіе. Продолжается долго съ громкимъ хохотомъ, гамомъ и шутками. Студентъ все время молчитъ. лежа лицомъ въ снѣгъ. Къ нему обращаются съ вопросами, хорошо ли онъ себя чувствуетъ, тычутъ ногами въ голову.

— Довольно! — командуетъ наконецъ офицеръ, когда все тѣло студента покрылось кровью. Вошедшіе во вкусъ солдаты не сразу, но прекращаютъ порку.

— Ваше благородіе! Дозвольте и намъ отодрать его; съ осклабленными въ улыбки, довольными лицами, отдавая честь, просительно обратились къ офицеру два солдата-артиллериста.

— Ну, что-жъ отдерите еще Надо и вамъ,—снисходительно разрѣшаетъ офицеръ.

Вторая смѣна приступаетъ къ работѣ и, засучивъ руки, перенимаетъ окровавленныя нагайки и продолжаетъ прекращенное было сѣченіе студента, который все по прежнему, не издавая ни одного звука, лежитъ лицомъ въ снѣгу и только тѣло его еще инстинктивно вздрагиваетъ отъ все ускоряющихся ударовъ нагаекъ, по мѣрѣ того, какъ разгорячаются и входятъ въ азартъ сѣкущіе солдаты.

— Ваше благородіе! и намъ ужъ разрѣшите!—прервали на минутку сѣченіе не вытерпѣвшіе дождаться своей очереди драгуны и, смѣнивъ съ разрѣшенія офицера артиллеристовъ. съ свѣжими силами и рвеніемъ принялись за сѣченіе, попрежнему молча лежавшаго лицомъ въ снѣгъ, но почти уже переставшего вздрагивать студента.

— Ну, вотъ теперь тебѣ прописали, на.... высшее образованіе! Всѣ три факультета окончилъ!—раздалась чья-то, не безъ сарказма, шутка, вызвавшая громкій смѣхъ довольныхъ воиновъ, когда наконецъ окончилось сѣченіе лежавшаго лицомъ въ снѣгъ недвижно студента.

Но онъ не былъ засѣченъ. Его отвели на Москву-рѣку и тамъ разстрѣляли,

Каково приходилось тѣмъ, кто „только“ побывалъ въ рукахъ солдатъ или полиціи и вышелъ живымъ изъ этихъ

испытаній, можно судить по разсказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, которыхъ намъ удалось разспросить.

Но прежде дадимъ мѣсто показаніямъ г. Москвича, который самъ побывалъ въ плѣну и на себѣ испыталъ всѣ прелести плѣненія.

Вотъ что онъ пишетъ въ „Молвѣ“ отъ 8 января.

Безъ всякой причины я былъ арестованъ и избитъ солдатами Семеновскаго полка въ воскресенье 18 декабря, въ 10—11 час. утра, когда проходилъ съ Кудринской площади на Кудринскую улицу. Отвели меня къ Горбатому мосту въ кокую-то рамочно-багетную фабрику (кажется Брея) и все время, когда вели, казаки, городовые и солдаты били нагайками; нѣсколько разъ отъ ударовъ въ затылокъ я летѣлъ кубаремъ. Все это дѣлалось на глазахъ у проходившей и проѣзжавшей публики.

Въ этомъ пунктѣ за воскресенье были слѣдующіе арестованные: 1) студентъ Моисеевъ. Брата его разстрѣляли (какъ ему сообщилъ офицеръ) за день до того. Онъ самъ добровольно явился въ этотъ пунктъ, такъ какъ обѣщалъ это хозяйкѣ квартиры (или дома), въ противномъ случаѣ долженъ былъ быть разстрѣлянъ ея домъ; 2) какой-то вольноопредѣляющійся Перновскаго полка въ штатскомъ; 3) Филаретовъ—депутатъ съ фабрики Щербакова; 4) двое какихъ-то студентовъ (братья); 5) какой-то еврей зубной врачъ, служившій источникомъ безконечныхъ надругательствъ и осыпавшійся бранью за еврейское происхожденіе. 6) Нѣсколько рабочихъ. Двое изъ числа арестованныхъ, состоящихъ на государственной службѣ, были отпущены къ вечеру.

Разговаривать между собой мы не могли, такъ какъ дежурившимъ солдатамъ данъ былъ приказъ заколоть насъ штыками при малѣйшей попыткѣ разговаривать. Въ 9—10 ч. вечера явился къ намъ какой-то жандармъ или приставъ и ужасно издѣвался надъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ: Моисеевымъ, Филаретовымъ, зубнымъ врачемъ. Филаретову онъ съ видомъ громовержца кричалъ: „я тебя помню, разъ я тебя самъ арестовалъ за какую-то забастовку, а теперь ты еще депутатъ! Покажу я тебѣ, мерзавецъ“—и слово мерзавецъ повторялось безъ числа все съ большимъ повышеніемъ голоса. Наконецъ насъ оставили въ покоѣ.

Голодные (пищи намъ не давали), на сильномъ холодѣ (въ неотопленной конторѣ фабрики) мы размѣстились на полу. Въ 4 часа утра насъ разбудилъ рѣзкій окликъ офицера: „ну, вставай! Моисеевъ, пожалуйте“. Изъ оконъ *) видно, какъ промелькнули тѣни офицера, Моисеева, а за нимъ солдата. Проходитъ ½—1 минута. Раздается тутъ-же гдѣ-то совсѣмъ близко залпъ изъ нѣсколькихъ ружей. Черезъ минуту офицеръ снова возвращается. „Филаретовъ (при немъ ничего на нашли), пожалуйте“! И снова черезъ минуту залпъ. Снова возвращается офицеръ. „Стройся всѣ! Выходите на улицу всѣ вмѣстѣ“. Мы переживали ужасныя минуты. Мелькала у всѣхъ насъ мысль, что насъ разстрѣляютъ всѣхъ вмѣстѣ. На улицѣ

*) На улицѣ было свѣтло, какъ днемъ солдаты передъ вечеромъ подожгли нѣсколько домовъ и пламя освѣщало улицы.

насъ окружили конвоемъ. Картина была ужасная. Кругомъ войска, солдаты, пушки, горящіе дома и абсолютная тишина. Рѣзко раздается голосъ офицера: „Казакъ съ нагайкой, сюда! Вольноопрѣляющійся! Скидывай брюки!“ И вотъ онъ лежитъ на снѣгу при трескучемъ морозѣ. Солдатъ прикладомъ держитъ голову, а казакъ сѣчетъ, сѣчетъ... Мы въ ожиданіи нашей очереди. Но чаша сія насъ миновала. Насъ повели въ трактиръ, въ которомъ сидѣли солдаты. Не буду описывать насмѣшекъ надъ нами. Наше положеніе было еще тягостнѣе своею неопредѣленностью, своею неизвѣстностью. Опять явился нашъ слѣдователь и раскричался, почему насъ держатъ въ тепломъ помѣщеніи. Насъ вывели на дворъ и снова мы на холоду (двое были совсѣмъ безъ верхней одежды и шапокъ). Наконецъ, послѣ того какъ мы сильно продрогли, насъ повели во второй Прѣсненскій участокъ (кажется, онъ такъ называется).

Насъ переписали и повели въ камеру. Чтобы пройти въ помѣщеніе для камеръ, нужно пройти дворъ. Насъ буквально провели сквозь строй, и когда мы проходили, насъ лупили, чѣмъ попало. Когда мы сбѣгали съ крылечка, тамъ стояли съ дубинками, и ими прогуливались по нашимъ головамъ и спинамъ. Когда мы сбѣжали внизъ, внизу стояли солдаты со штыками и не пускали насъ бѣжать. Въ такомъ кругу мы простояли нѣсколько минутъ. Укрыться отъ ударовъ было некуда. Затѣмъ насъ нарочито (это было совсѣмъ не нужно) повели въ помѣщеніе солдатъ, дежурившихъ въ этой части, и тамъ насъ опять избили. Затѣмъ еще одинъ корридоръ, еще одно крылечко съ припятствіями и мы, наконецъ, въ новомъ вѣдомствѣ—полиціи. „Теперь васъ бить не будутъ“, утѣшалъ насъ городовой. Насъ ввели въ камеру, въ которой были уже арестованные; такимъ образомъ насъ собралось 17 человѣкъ въ камерѣ величиной въ 3 шага длины и 5 шаговъ ширины. Всѣ улечься мы не могли. Одна половина стояла или сидѣла на полу, а другая, тѣсно сомкнувшись, лежала на нарахъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ камерахъ не было парашекъ и къ намъ водили людей изъ этихъ камеръ для отправленія своихъ нуждъ. Къ сожалѣнію и спать не было возможности изъ-за клоповъ, кишмя наполнявшихъ камеру. Камера напоминала собой больничный лазаретъ. Всѣ съ повязаннами головами, щеками, свернутыми челюстями, съ колоссальнѣйшими синяками. Многіе до того были избиты, что не могли ни сидѣть, ни лежать. Одного наборщика изъ типографіи Сытина 2 казака били въ грудь. Поставили его къ стѣнкѣ и били локтями. Онъ тамъ же началъ харкать кровью. Одного помощника фармацевта избили до полусмерти.

Прошло 2 дня. Въ среду утромъ 21 или 26 чел. со всѣхъ камеръ вызвали во дворъ и подъ усиленнымъ конвоемъ повели на Прохоровскую фабрику *). Опять безконечное глумленіе, мытарства и, главное, пол-

---

*) Здѣсь очевидно г. Москвичъ ошибается, что вывели арестованныхъ изъ всѣхъ камеръ. Какъ мы увидимъ ниже, другой сидѣвшій тамъ арестованный говоритъ, что въ этотъ же день на дворѣ этого участка былъ самосудъ надъ заключенными. Значитъ не всѣхъ повели на Прохоровскую фабрику.

ная неизвѣстность. А солдаты все кричатъ: „На Ходынку васъ поведемъ, всѣхъ разстрѣляемъ!“

На Прохоровской мануфактурѣ насъ собралось человѣкъ 100—150. Большинство—рабочіе отъ Прохорова, Сахарнаго завода, отъ Шмитда и т. д. Начался допросъ. Его производилъ въ одной группѣ вышеупомянутый офицеръ, въ другой сначала какой-то полковникъ, а потомъ какой-то офицеръ выпившій съ бѣлымъ крестомъ на груди. Всѣхъ арестованныхъ распредѣлили на 3 группы: 1) комната налѣво—смерть, 2) направо—неопредѣленное, 3) группа, предназначенная для сѣченія. Освобождались только тѣ, которые свою голову выкупали указаніемъ 2—3 другихъ. Тутъ же можно было наблюдать ужасающія сцены: молоденькій студентикъ инженернаго училища—Алексѣй Григорьевъ, лѣтъ 19, попалъ безъ всякихъ причинъ. Шелъ съ отцомъ мимо Пресненскаго участка. Его задержали, отца не арестовали. Изъ разговора съ нимъ я вынесъ впечатлѣніе, что совсѣмъ зеленый еще. Вдругъ выскакиваетъ какой-то рабочій и говоритъ: „Ваше бл—іе—это нашъ главный ораторъ“. И его повели въ комнату налѣво. Какая-то баба, когда освобождали одного (очевидно, выдававшаго) закричала: „да какъ же вы отпускаете главнаго нашего дружинника?“ Его снова повели въ застѣнокъ, откуда немного позже его снова выпустили, при чемъ офицеръ говорилъ: „ну, покажемъ же мы бабѣ“. Бабу повели въ лѣвую комнату, затѣмъ она криками и мольбами добилась того, что ее отвели направо. Въ такомъ напряженномъ состояніи мы провели весь день. Въ 5 часовъ вечера нашу партію вызвали во дворъ, а затѣмъ по одному вызывали къ военному суду, состоявшему изъ докладчика—офицера Семеновскаго полка, двухъ жандармскихъ полковниковъ (въ штатскомъ) и одного какого-то военнаго генерала или полковника.

Слѣдователь съ видомъ человѣка, разсказывающаго смѣшной анекдотъ дамамъ на балу, велъ доклады приблизительно слѣдующимъ образомъ.

„Вотъ представляю вамъ—оригинальный субъектъ-дворникъ, въ то же время ораторъ при ихъ бывшей забастовкѣ. Il faut le fusiller.“ (Его надо разстрѣлять).—„Certainement.“ (Конечно),—отвѣчали судьи и онъ выходилъ.

Или такимъ образомъ: „Портной безъ работы, но позволяетъ себѣ упоминать городовымъ о какой-то чести. Его, конечно, избиваютъ... А онъ, наглецъ, ударяетъ городового“ И опять его уводятъ въ сторону. Въ общемъ выяснилось слѣдующее: это вполнѣ достовѣрно и изъ разсказовъ коллегъ по аресту и изъ выслушанныхъ мною докладовъ. Арестованнымъ, сѣченнымъ и разстрѣляннымъ можно быть за слѣдующее: 1) за длинные волосы—у рыбочаго, принятаго за студента, 2) за бѣлую папаху, 3) за смуглый цвѣтъ кожи, если принимали за жида, 4) за студенческую тужурку подъ пальто, 5) разстрѣляли одного студента, у котораго нашли въ одномъ карманѣ красный платокъ, а въ другомъ какую-то революціонную пѣснь. 6) Арестовали одного пожилого кассира желѣзной дороги, у котораго такабъ завернутъ въ красную бумагу, и его избиваютъ до полусмерти. 7) За то, что не находили креста, и т. д. Словомъ, за каждую мелочь можно было быть высѣченнымъ и разстрѣляннымъ. Въ протоколахъ слѣдствія такъ и было записано; „За то, что

шелъ не по самой короткой дорогѣ къ мѣсту назначенія", „за бѣлую папаху" „за подозрительные длинные волосы" и т. д.

Насъ, оставленныхъ въ комнатѣ и обреченныхъ на сѣченіе, вывели на дворъ, окружили солдатами, вызваны были 4 казака съ нагайками, имъ было приказано сѣчь изо всей силы, иначе имъ угрожали ихъ сѣчь, а затѣмъ нашъ слѣдователь, съ видомъ дирижирующаго танцами кавалера, сталъ выкликивать фамиліи. Скидывались брюки, на голомъ снѣгу укладывали лбомъ въ землю. Одинъ солдатъ придерживалъ прикладомъ голову, а 4 казака сѣкли такъ, что волосы становились дыбомъ. Крики, стоны и вопли раздавались все время.

Я видѣлъ руки двухъ высѣченныхъ студентовъ. Они сначала напоминали рубленныя котлеты, а потомъ вспухли до ужаса. Всю партію, за исключеніемъ 5—6 человѣкъ, высѣкли. Во время того, какъ сѣкли, раздавались какіе-то залпы. Затѣмъ насъ оставили на дворѣ, гдѣ мы и стояли подъ градомъ насмѣшекъ солдатъ, сопоставлявшихъ холодъ погоды и теплоту нѣкоторой части тѣла. Въ это время мимо насъ проѣхали двѣ тѣлѣги, на одной стояли возница и городовой, на другой—городовой стоялъ на грузѣ телѣги.

Солдаты, указывая на телѣги, говорили намъ: „Видите, какъ вашего брата разстрѣляли и какъ мясо развозятъ, такъ и васъ будутъ". Да и по очертаніямъ груза на телѣгахъ, закрытыхъ рогожами, не было никакихъ сомнѣній, что это трупы. Думаю, что ихъ было до 30 человѣкъ. Насъ, невысѣченныхъ, вскорѣ отпустили. Остались одни сѣченные, которыхъ должны были освободить на другой день. Когда насъ выпускали, выводили для сѣченія новую партію съ 2 женщинами, какъ говорили солдаты. По дорогѣ намъ встрѣтилось 6 (шесть) возвращающихся телѣгъ съ городовыми.

Когда насъ освободили, по нашей же просьбѣ, насъ сопровождали солдаты. Мы съ ними мирно разговаривали, и они тихо разсказали намъ, что вчера они въ промышленномъ училищѣ, на Міусской площади, разстрѣляли 26 человѣкъ: 14 студентовъ и 12 студентокъ).

О судѣ говорить не приходится. Я не могу найти подходящаго слова для опредѣленія его качества. Слово „проституція" было бы черезчуръ нѣжнымъ, чистымъ для опредѣленія дѣятельности нашихъ слѣдователей. Жизнь наша находилась въ зависимости отъ двухъ молоденькихъ офицеровъ, ведшихъ между собой конкуренцію. О доказательствахъ вины не было и рѣчи.

Изъ числа арестованныхъ, по моему мнѣнію, двоихъ можно было причислить къ с.-д., одного къ к.-д., а остальные всѣ и рабочіе и интеллегенты сѣрая публика, лучшимъ доказательствомъ чего служетъ то, что ихъ сѣкли и они это перенесли.

Москвичъ.

Этими же днями происходили разстрѣлы въ участкахъ. У насъ имѣются показанія одного арестованнаго, видѣвшаго расправу во второмъ Пресненскомъ участкѣ подъ руководствомъ того же полковника Мина.

Его арестовали благодаря показаніямъ ночного сторожа, который говорилъ, что видѣлъ у него желѣзную палку и шашку. Этого, конечно, было достаточно такому слѣдователю, какъ Минъ, который довольствовался и не такими показаніями. А судъ чинилъ онъ совсѣмъ уже просто. Вотъ какъ происходила эта процедура.

20-го декабря выводятъ на дворъ партію заключенныхъ и выстраиваютъ. Тутъ же въ присутствіи Мина, офицеръ ходитъ и, руководствуясь показаніями городовыхъ и пожарныхъ, сортируетъ арестованныхъ: однимъ велитъ стать налѣво, другимъ—направо. На лѣвой сторонѣ оказалось человѣкъ 15. Имъ командуютъ итти къ часовнѣ и вслѣдъ стрѣляютъ. Всѣ падаютъ, но затѣмъ два студента поднимаются. По нимъ еще залпъ. Больше никто не поднялся.

На слѣдующій день точно такимъ же путемъ разстрѣливаютъ такую же группу. Въ этой послѣдней была курсистка. Послѣ перваго залпа она оказалась не убитой. По ней стрѣляютъ еще. Та падаетъ, но поднимается вновь и говоритъ: „Все равно кровопива *) у насъ не будетъ.

Третій залпъ... и она уже не поднялась...

Разстрѣливавшихъ солдатъ (стрѣляло человѣкъ 40—семеновцевъ) ихъ славный начальникъ награждаетъ поцѣлуями.

— „Спасибо, братцы, постарались за меня.“—благодаритъ онъ своихъ достойныхъ соратниковъ.

Отдѣленныхъ „направо“ послѣ этой процедуры отводятъ обратно въ камеру. Но ихъ положеніе тоже не завидное. Всякій чувствуетъ, что въ каждую данную минуту можетъ быть вызванъ и разстрѣлянъ. Нечего, конечно, говорить, что съ ними обращаются тамъ не особенно хорошо. Дежурившіе на часахъ городовые (такъ называемые мушкатеры) пугали ихъ, угрожая участью „лѣвыхъ.“ На просьбу дать напиться, заключенный часто встрѣчаетъ протянутый къ нему штыкъ съ поясненіемъ: „вотъ я тебя напою!“

Не стѣсняясь обирать всѣхъ и вся, городовые и солдаты и здѣсь не упускали случая поживиться съ арестованныхъ. За табакъ брали въ три дорога. Даже часть подаянія брали въ свою пользу.

О пищѣ и говорить не приходится. Она состояла изъ

*) Очевидецъ настаивалъ, что она произнесла именно это слово, а не „кровопійца“ или „кравопійства“, какъ мы пытались его поправить.

капусты съ червями, да хлѣба съ пескомъ. Наконецъ нѣкоторыхъ начинаютъ вызывать на допросъ.

Вотъ ведутъ одного, разсказывавшаго намъ подробности этого допроса „съ пристрастіемъ".

У стола сидитъ Минъ, еще какой-то офицеръ и приставъ 3-й части, Щепотка. Послѣдній обращается къ пришедшему, предлая ему сознаться.

— „Тебѣ сейчасъ или смерть, или свобода—выбирай любое. Ты шелъ по Малой Грузинской, размахивалъ шашкой и говорилъ: „я начальникъ надъ полиціей".

Послѣ отрицательнаго отвѣта со стороны обвиняемаго, приставъ бьетъ его по лицу и потомъ передаетъ „для допроса" околодочному. Этотъ при помощи однорукаго писаря начинаетъ „допрашивать" т. е. бить. И уже затѣмъ передаютъ городовымъ. Въ концѣ этого „допроса" у обвиняемаго оказывается сломанное ребро и разбитый затылокъ. Окровавленнаго, безъ чувствъ, его волокутъ и бросаютъ въ камеру.

Въ слѣдующіе дни, послѣ 20 и 21 декабря и даже послѣ Рождества, во дворѣ участка были случаи одиночныхъ разстрѣловъ.

Ведетъ, напримѣръ, городовой арестованнаго въ участокъ На дворѣ встрѣчаются солдаты и спрашиваютъ за что арестованъ. Если окажется, что за револьверъ, то выхватываютъ его у городовыхъ и пристрѣливаютъ.

Бывали даже случаи, когда городовые жалѣли несчастныхъ и скрывали отъ солдатъ причину ареста, говоря солдатамъ, что тотъ задержанъ за кражу.

Нѣтъ возможности провѣрить всѣ слухи о разстрѣлахъ, производившихся „на Москвѣ-рѣкѣ", въ участкахъ и на Ходынкѣ. Но многое говоритъ за то что большая часть этихъ слуховъ—не плодъ досужей фантазіи.

Въ одной изъ камеръ Прѣсненской части сидѣлъ фабрикантъ Шмидтъ, фабрика котораго была разгромлена пушками и сожжена. Какъ передаетъ сидѣвшій съ нимъ заключенный, его два раза возили „на Москву-рѣку". То обстоятельство, что онъ уцѣлѣлъ, объясняютъ вліяніемъ его родственника Морозова. Онъ разсказывалъ товарищамъ по камерѣ, что „на Москвѣ-рѣкѣ" разстрѣливали большія партіи, приведенныя отъ Прохорова.

Изъ этой же Прѣсненской части взяты были двѣ партіи: одна въ 25 человѣкъ, а другая въ 15. Куда ихъ отвели не знаетъ никто. Но люди, разыскивавшіе потомъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, попавшихъ въ эти партіи, говорятъ, что такъ и не нашли ихъ слѣдовъ. Быть мошетъ ихъ можно-бы было найти на Ходынкѣ.

Городовой 3-го участка Прѣсненской части разсказывалъ, что при немъ на Ходынкѣ 23 декабря въ 12 часовъ ночи разстрѣляли большую партію и тамъ же зарыли трупы. По вполнѣ понятнымъ причинамъ, количество жертвъ не поддается сколько-нибудь точному учету. Но въ одной только 2-й Прѣсненской части, какъ говоритъ арестованный, на третій день Рождества онъ видѣлъ сложенными въ сараѣ около 70 труповъ.

Въ этотъ же день ихъ возили на телѣгахъ къ Ваганькову кладбищу.

Одними разстрѣлами покорители Москвы не ограничились. Обыскивались не только частные дома, но и такія учрежденія, какъ Губернская Земская Управа и помѣщеніе Сельскохозяйственнаго института.

Происходятъ массовые аресты и увольненія на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Увольняются, какъ служащіе въ управленіи, такъ и рабочіе. Изъ состава управленія Московско-Курской, Нижегородской и Муромской желѣзныхъ дорогъ уволено до 60 человѣкъ, изъ состава Московско-Архангельской дороги—до 160 человѣкъ. Однихъ машинистовъ и ихъ помощниковъ при желѣзныхъ станціяхъ Московскаго узла арестовано больше 100 человѣкъ *). Такіе же повальные аресты и увольненія происходятъ по всѣмъ желѣзно-дорожнымъ линіямъ, и не только по линіямъ — по селамъ, деревнямъ. Все это—учителя, врачи и другіе земскіе служащіе. Аресты среди послѣднихъ были такъ многочисленны, что Управа даже заявила администраціи, что если это будетъ продолжаться дальше, то земскому хозяйству грозитъ серьезное разстройство.

Замѣтимъ здѣсь, что не такъ смотрѣлъ на общественное (городское) хозяйство генералъ-губернаторскій собутыльникъ, городской голова,—по первому-же мановенію администраціи онъ увольняетъ городскихъ служащихъ въ коли-

чествѣ 23 человѣкъ. Причемъ это распоряженіе объ увольненіи состоялось даже безъ обсуженія присутствіемъ Городской Управы.

Аресты и увольненія продолжались весь январь и начало февраля. То и дѣло къ Москвѣ подъѣзжали громадныя партіи политическихъ арестованныхъ, самаго разнообразнаго состава: „тутъ и лапоть крестьянскій, и черный сюртукъ, женскій локонъ“, вмѣсто солдатика—желѣзнодорожникъ въ мундирѣ. Въ результатѣ всѣ мѣста заключенія въ Москвѣ переполнены. Арестованные мѣсяцами не знали за что арестованы, въ чемъ обвиняютъ. Однихъ несовершеннолѣтнихъ насчитываютъ до 300 человѣкъ, главнымъ образомъ учащихся.

Изъ Бутырской тюрьмы передавали, что тамъ сидитъ дѣвочка 14 лѣтъ, гимназистка, арестованная въ домѣ Фидлера.

Буржуазія, притихшая въ эти дни, теперь тоже яростно набрасывается на противника — но не справа, конечно, а слѣва,—и повсюду слышно, что та или иная фабрика переходитъ отъ $9^1/_2$ часового дня къ 10 часовому или съ 10 на 11.

Итакъ, силы реакціи торжествовали побѣду. Увы, они не понимали, что самыя условія побѣды заключаютъ въ себѣ всѣ данныя для грядущаго окончательнаго ихъ пораженія. Ужасы московской бойни подорвали въ конецъ всякія иллюзіи и обнажили передъ глазами всего народа истинный характеръ тяготѣющей надъ нимъ власти: населеніе, его жизнь и имущество были отданы на растерзаніе и разрушеніе вооруженной силѣ, въ своей слѣпотѣ служившей тѣмъ, единственной цѣлью которыхъ является сохраненіе своего господства надъ народомъ и расхищеніе его достоянія.

Мы можемъ, впрочемъ, отмѣтить, что жестокости усмиренія имѣли на войска совсѣмъ не то вліяніе, какого-бы хотѣла администрація. Лица, которымъ удавалось говорить съ солдатами нѣкоторыхъ полковъ, передаютъ, что на нихъ удручающе подѣйствовала эта вакханалія. А солдаты Троицко-Сергіевскаго полка, получившіе по 1 рублю на человѣка послѣ „подавленія возстанія“ отдали эти деньги въ военную организацію с.-д. партіи. Напомнимъ здѣсь также читателю случай въ Голутвинѣ, гдѣ солдаты мѣстнаго гарнизона собрали, какъ передастъ г. Владимировъ, 6 рублей и передали ихъ вдовѣ убитаго начальника станціи. Намъ

неизвѣстно больше случаевъ, могущихъ быть показателями настроенія въ войскахъ послѣ декабрьскихъ дней. Войска все это время держались совершенно отрѣзанными отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

По извѣстнымъ соображеніямъ администрація также тщательно скрывала количество жертвъ въ войскахъ. По офиціальнымъ отчетамъ выходитъ, что убитыхъ и раненыхъ было что-то нѣсколько десятковъ. Въ дѣйствительности эта цифра, конечно, во много разъ больше.

Одинъ врачъ случайно видѣлъ въ канцеляріи военнаго госпиталя списокъ у битыхъ и раненыхъ солдатъ. Списокъ напечатанъ на пишущей машинѣ на трехъ листахъ кругомъ, т.-е. на 12 страницахъ. Считая по 20 строчекъ на страницѣ и по одной строчкѣ на фамилію—получится около 240 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Надо отдать честь покорителямъ, къ раненымъ солдатамъ они относились иногда очень внимательно. Такъ, лежавшихъ въ Шереметьевской больницѣ раненыхъ солдатъ навѣщалъ адъютантъ Дубасова и привозилъ даже коньякъ и дорогія вина. Къ праздникамъ этимъ солдатамъ дали по 100 рублей. Впрочемъ, почему-бы и не быть щедрыми съ чужими деньгами.

Читая о безчеловѣчной расправѣ солдатъ съ попадавшимися имъ обывателями и дружинниками, можно пожалуй подумать, что эти звѣрства они творятъ безъ санкціи высшей власти, увлекаясь искусствомъ ради искусства.

Въ этомъ насъ спѣшитъ разувѣрить Дубасовъ, который около 20 декабря торжественно заявляетъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ „засвидѣтельствовать и объявить во всеобщее свѣдѣніе, что до сего времени ни въ какомъ изъ самыхъ суровыхъ дѣйствій войскъ я не могъ усмотрѣть нарушенія тѣхъ границъ, въ которыхъ предоставляется военному поступать, какъ указываетъ ему его воинскій долгъ и присяга“ *).

*) Цитировано по „Молвѣ“, въ № около 20 декабря.

XX.

Отклики печати.

Авторъ статьи о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ, помѣщенной въ сборникѣ „Текущій моментъ", задался, повидимому, цѣлью—защитить честь возстанія отъ нападокъ буржуазной прессы. Но поставивъ себѣ такую задачу, онъ, къ сожалѣнію, совершенно игнорировалъ факты, даже приведенные имъ въ статьѣ*).

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что факты самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуютъ противъ тѣхъ выводовъ, которые дѣлаетъ изъ нихъ товарищъ К. Н. Л. Такъ, напримѣръ, въ помѣщенномъ тамъ фактическомъ матеріалѣ вы нигдѣ не встрѣтите указаній на революціонное выступленіе массъ. О постройкѣ баррикадъ, конечно, нечего и говорить. Онѣ строились, дѣйствительно, представителями всѣхъ слоевъ населенія, но совершенно не защищались. И эту публику, бросающую баррикады при приближеніи войскъ, никто не сочтетъ активными революціонерами. Мнѣ кажется мы не разойдемся съ товарищемъ К. Н. Л. въ толкованіи этого понятія, если я назову активными революціонерами только тѣхъ, кто вступаетъ въ активную борьбу съ войсками или полиціей, конечно, когда это цѣлесообразно. Но уже, разумѣется, совсѣмъ нецѣлесообразно съ точки зрѣнія вооруженнаго возстанія, на которой стоитъ К. Н. Л., поразительно отдавать всѣ баррикады безъ сопротивленія — иначе къ чему же строить ихъ?) А разъ это такъ, то эту активность придется сохранить только за дружинниками.

*) Во многихъ мѣстахъ у товарища сказывается невнимательное отношеніе къ фактамъ. Осада Акваріума, напримѣръ, по его словамъ, происходила 7-го декабря.

Товарищъ Л. не приводитъ ни одного случая, гдѣ бы сопротивленіе войскамъ было сказано не дружинниками.

Зато въ его собственныхъ заключеніяхъ на каждомъ шагу фигурируютъ такія выраженія какъ: „схватка революціоннаго народа“, или—„вслѣдъ за пролетаріатомъ поднялся весь Московскій народъ“, а то еще лучше—„были моменты, когда казалось, что революціонный народъ даже безъ войскъ покончитъ въ Москвѣ съ самодержавіемъ“. Но когда громъ Лубасовскихъ пушекъ лишаетъ „способности къ систематическому мышленію“, то мало-ли что можетъ казаться!

Только вѣдь въ моментъ составленія статьи, когда писались выводы, пушки уже не гремѣли, и способность къ „систематическому мышленію“ должна была вернуться. Въ такомъ случаѣ непонятно, почему авторъ не воспользовался этимъ и не поправилъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ чаду канонады.

О Московскихъ событіяхъ такъ много писалось вздора, характеръ и размѣры ихъ, съ легкой руки „Новаго Времени“, такъ извращены и преувеличены, что никому не кажется страннымъ примѣненіе громкаго названія — „вооруженнаго возстанія“—къ декабрскимъ днямъ въ Москвѣ.

Правда пушечная пальба многихъ вводила въ заблужденіе относительно характера совершающихся событій. Но эти-то пушки и создали иллюзію воорушеннаго народнаго возстанія.

Къ тому времени, какъ начали стрѣлять изъ пушекъ, на Страстной площади уже никого не было. Единственная, сколько нибудь осмысленная, мотивировка этой канонады—необходимость разрушить баррикаду у Тріумфальныхъ воротъ—отпадаетъ, если принять въ соображеніе, что стрѣляли сразу по тремъ направленіямъ: къ Тріумфальнымъ воротамъ и вдоль обоихъ бульваровъ, гдѣ не только баррикадъ, но и народу-то не было, если не считать кучки любопытныхъ обывателей, ютившихся у воротъ. Или взять хотя-бы такой фактъ. 11-го декабря снаряды, пущенные съ Тверской разрывались на Кудринской площади. Здѣсь уже ясно видно, что стрѣлявшимъ было очень мало дѣла до того, куда залетитъ пущенный ими снарядъ—на Кудринскую или Арбатскую площадь. Очевидно не баррикады вызвали стрѣльбу. А умыселъ иной здѣсь былъ. Не даромъ

въ эту ночь, съ 9—10 декабря, на совѣщаніи у Дубасова съ Щербатовымъ было рѣшено безпощадно подавить „возстаніе“. Здѣсь нашъ сухопутный адмиралъ проводилъ политику своего принципала: „нагнать на революціонеровъ такого страху, чтобы ихъ внуки помнили“.

Онъ точно слѣдовалъ по стопамъ пославшихъ его и пытался провоцировать возстаніе. Но московскій пролетаріатъ въ цѣломъ не попался на эту удочку.

А товарищъ Л. такъ поддался иллюзіи вооруженнаго возстанія, созданнаго канонадой, такъ свыкся съ мыслію о возстаніи и такъ увлекся своей задачей, что вдался въ такое обобщеніе. „Въ охраняемыхъ дружинами районахъ—говоритъ онъ—ни одна баррикада не была взята войсками“. Чтобы не ходить далеко за фактами, я укажу на случай, когда баррикады разрушались именно въ районѣ наблюдній автора дневника.

11-го декабря баррикады были разрушены по всей Садовой отъ Тверской и до Кудринской площади. Совершенно излишне приводить ихъ больше, но такихъ фактовъ можно указать сколько угодно.

Но подъ конецъ статьи товарищъ Л. самъ чувствуетъ, очевидно, неловкость натяжки и потому въ своемъ резюмэ декабрьскіе дни уже называетъ п о п ы т к о й вооруженнаго возстанія.

А это звучитъ нѣсколько иначе.

Перейдемъ къ т. Рожкову. Черезъ всю его статью—„Текущій моментъ“—красной нитью проходитъ стремленіе показать всѣмъ, у кого „тактическіе планы и пріемы открытой революціонной борьбы встрѣчали скептическую усмѣшку“, что революціонное возстаніе не утопія.

Для этого товарищъ Рожковъ доказываетъ, что въ Москвѣ правительство одержало только формальную побѣду. При этомъ онъ даже заявляетъ, что „оно (возстаніе) не было прекращено силою, не было подавлено—его прекратили сами возставшіе, разобравшіе баррикады, скрывшіе оружіе и и с ч е з н у в ш і е „з а п р е д ѣ л ы д о с я г а е м о с т и“.

Здѣсь товарищъ Рожковъ впадаетъ въ такія-же обобщенія, какъ и К. Н. Л.

Только 16-го вечеромъ состоялось постановленіе Коалиціоннаго Совѣта о томъ, чтобы распустить дружины, а ме-

жду тѣмъ уже днемъ этого числа, а отчасти и наканунѣ вечеромъ, борьба въ городѣ почти прекратилась. Мѣстами дружинники по собственному почину прекратили ее, а другіе ушли подъ напоромъ войскъ и присоединились къ Прѣснѣ. Никто, въ томъ числѣ и товарищъ Рожковъ, не станетъ отрицать, что сопротивленіе на Прѣснѣ подавлено силой, да еще какъ подавлено!

Исчезнуть за предѣлъ досягаемости могутъ отдѣльныя лица, въ лучшемъ случаѣ—группа дружинниковъ. Такъ очевидно и нужно понимать товарища Рожкова. Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, подъ возставшими онъ понимаетъ не дружинниковъ, а революціонный народъ.

Разбивая скептицизмъ реальныхъ политиковъ, сомнѣвавшихся въ возможности возстанія, онъ говоритъ: „жизнь, которая въ послѣдній годъ, казалось-бы не разъ уже должна была отрезвить разныхъ псевдореальныхъ политиковъ, и на этотъ разъ показала всю несостоятельность ихъ скептицизма: то, что считалось невозможнымъ, осуществилось въ дѣйствительности съ блестящимъ успѣхомъ. Вотъ первая реальная побѣда революціоннаго народа.

Все это происходитъ потому, что всѣ товарищи, высказывавшіеся о московскихъ декабрьскихъ дняхъ, говорили о нихъ исходя изъ общепризнаннаго взгляда, что въ Москвѣ было возстаніе. Зная, что въ возстаніи должны фигурировать революціонныя массы и не имѣя такихъ фактовъ, товарищи подмѣняютъ дружинниковъ революціонными массами, революціоннымъ народомъ.

И вообще у большинства товарищей замѣтно стремленіе преувеличить размѣры декабрьскихъ событій въ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, товарищъ Ларіоновъ „Московское возстаніе“ ставитъ во главу движенія. „За Москвой—говоритъ онъ—возстала центральная Россія, Югъ и Прибалтійскій край“. А между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ возстаніи вспыхнуло тотчасъ послѣ объявленія края на военномъ положеніи, т. е. двумя недѣлями раньше. Несмотря на категорическое утвержденіе товарища Ларіонова, московскій пролетаріатъ не выступалъ ни съ 9—10 декабря, какъ говоритъ онъ, ни въ слѣдующіе дни. И это дѣлаетъ честь его сознательности и организованности.

Анализируя фактическій матеріалъ, нужно признать, что

сражались только дружинники вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ отдѣльными добровольцами.

Успѣшности этой борьбы очень способствовала атмосфера сочувствія, окружавшая дружинниковъ. Но даже и въ этой атмосферѣ сочувствія они не могли держаться долго и скоро вынуждены были уступить.

И такъ это возстаніе было подавлено, и не только формально, но и фактически. Это, конечно, не лишаетъ силы утвержденія товарища Рожкова, что съ каждой новой побѣдой самодержавіе приближается къ пораженію, такъ какъ каждая побѣда увеличиваетъ количество его враговъ.

Но что же слѣдуетъ изъ этого? Быть можетъ правы тѣ скептики, которыхъ взялся разбить товарищъ Рожковъ?

Отнюдь нѣтъ, конечно! Но для того, чтобы показать это, достаточно вѣрно воспроизвести картину декабрьскихъ дней. Она сама покажетъ это съ очевидностью.

Начались стычки добровольцевъ-дружинниковъ съ войсками и полиціей. Имъ оказывали поддержку разрозненные рабочіе и мелкая буржуазія по преимуществу.

Пролетаріатъ какъ масса не выступалъ. Онъ ждалъ болѣе удобнаго момента—присоединенія войскъ. Но уже одна возможность его выступленія пугала реакцію. Недаромъ сразу, безъ всякой надобности, пустили въ ходъ пушки.

Народныя массы еще не сталкивались съ войсками, а мы уже знаемъ случаи, когда даже казаки отказывались стрѣлять въ толпу.

А дружинники, встрѣчая кругомъ сочувствіе, держатся противъ во много разъ сильнѣйшаго противника цѣлую недѣлю.

Буржуазная пресса утверждаетъ, что въ Москвѣ подавлено возстаніе. Мы же скажемъ, что въ Москвѣ его совсѣмъ не было. А происшедшее въ Москвѣ показываетъ, что въ переживаемый нами историческій періодъ, характеризуемый колоссальнымъ развитіемъ милитаризма, необходимымъ условіемъ побѣды возставшаго народа является активный переходъ значительной части войскъ на сторону возстающаго народа или котегоричѣскій отказъ войсковыхъ массъ примѣнять оружіе въ борьбѣ съ народомъ. Но такое поведеніе арміи мыслимо лишь въ концѣ революціи и притомъ носящей общенародный характеръ.

Декабрьское выступленіе пролетаріата, которому лишь пассивно сочувствовала масса буржуазнаго населенія, выступленіе за свои собственныя лозунги не могло быть поддержано арміей и потому „стремленіе перевести всеобщую забастовку въ вооруженное возстаніе“ не могло увѣнчаться успѣхомъ и должно быть признано исторической ошибкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ декабрьскіе дни показали, что каждая побѣда надъ народомъ, одержанная старымъ режимомъ, уменьшаетъ его силы и увеличиваетъ кадры борцовъ съ нимъ, и слѣдовательно въ концѣ концовъ ведетъ къ торжеству народа, къ гибели проклятаго строя насилія и гнета, нищеты и безправія.

Оглавленіе.

Предисловіе.
I. Постановленія организацій, объявившихъ всеобщую забастовку.
II. 7 декабря. Первый день забастовки.
III. 8 декабря. Второй день забастовки. Осада Акваріума.
IV. 9 декабря. Первыя баррикады.
V. 9 декабря. Разгромъ дома Фидлера.
VI. День 10 декабря. Начало разстрѣла Москвы.
VII. Борьба на улицахъ Москвы 11 декабря.
VIII. Продолженіе уличной борьбы 12—15 декабря.
IX. Прѣсня 11—18 декабря.
X. Борьба на желѣзныхъ дорогахъ Московскаго узла.
XI. Московскій Окружной районъ.
XII. Роль центральныхъ организацій въ декабрьскихъ событіяхъ.
XIII. Массы и районныя организаціи.
XIV. Боевыя дружины.
XV. Санитарные отряды и жертвы.
XVI. Войска и полиція.
XVII. Населеніе въ декабрьскіе дни.
XVIII. Роль Московской Думы въ декабрьскіе дни.
XIX. Разстрѣлы.
XX. Отголоски печати.

To avoid fine, this book should be returned on
or before the date last stamped below

10M-1-49-62661

FOR USE IN
LIBRARY ONLY

FEB 14 1972

FEB 25 1972

FEB 28 1977

UM

DK 601 .M898
Moskva v dekabrie 1905 AME5211
Hoover Institution Library
3 6105 082 501 433

DK601
M898